

4

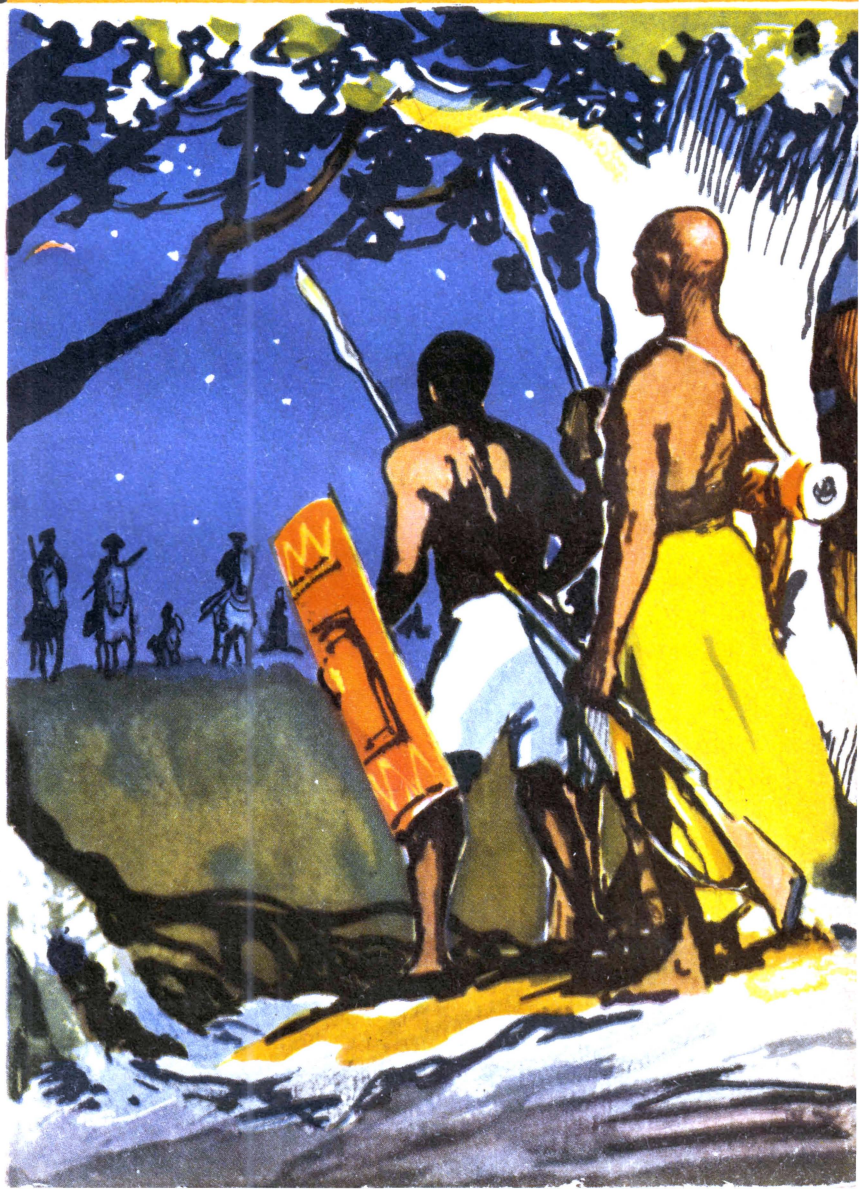
1964

Искажатель

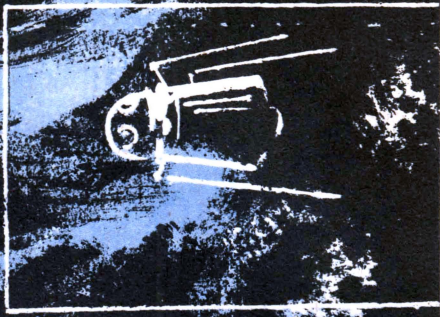
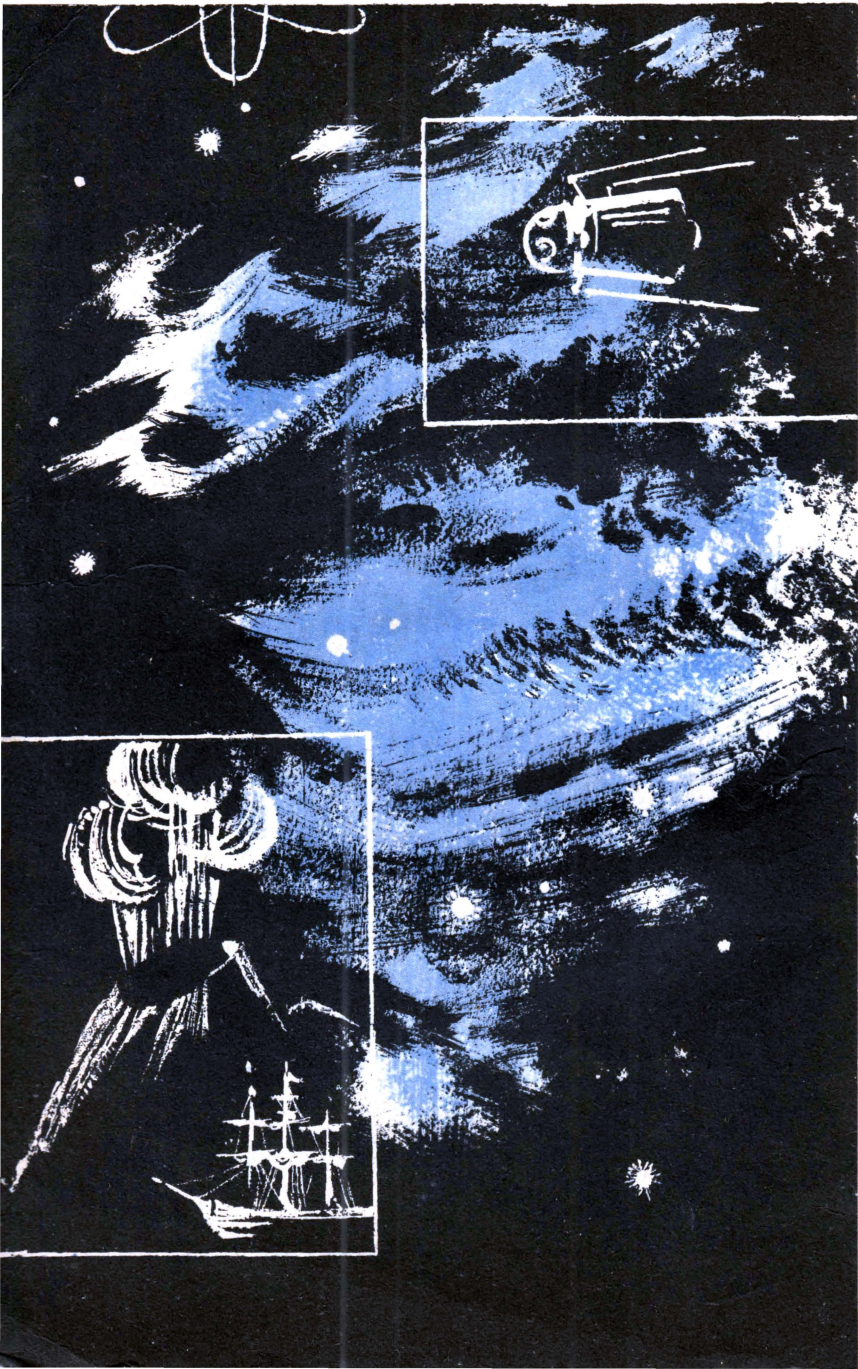
ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПУТИ В НЕЗНАЕМОЕ

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Валентин АККУРАТОВ. Слишком дорогие орхидеи	2
Владимир МИХАЙЛОВ. Спутник «Шаг вперед»	15
В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ. Секрет Твалы .	40
Роберт ЗАКС. Контролекс	48
Юрий КОТЛЯР. Младший пилот . . .	56
Владимир САКСОНОВ. Тайна Пятого океана	67
Александр НАСИБОВ. Безумцы . . .	86
Фрэнк СТОКТОН. Рейс вдовы . . .	148
Из блокнота «Искаателя»	158

№ **4** (22)

1964
ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

СЛИШКОМ ДОРОГИЕ ОРХИДЕИ

1

Нет ничего нуднее и в то же время опасней, чем пробираться над океаном. Особенно бреющим полетом. Машина идет на высоте девяносто метров над гребнями волн, и сорванная ветром пенная пыль оседает на колпаке пилотской кабины. Мельчайшие капли влаги моментально высыхают, а соль делает стекла матовыми.

2

Рисунки Д. ДОМОГАЦКОГО

Сквозь них почти ничего не видно.

Не лихость и не ухарство заставляло нас брить пену волн. На такой высоте нас не могли заметить ни корабли фашистов, ни их подводные лодки.

История, о которой пойдет речь, случилась весной 1943 года, когда мы перегоняли «летающие лодки» типа «каталина» из Америки в Москву.

Каждый рейс я в качестве штурмана летал с новым экипажем советских летчиков. Мы получали машины на материковой базе, потом приземлялись в Гаване и через океан уходили в сторону Африки — к Мазагану¹. Это было единственное игольное ушко на всем африканском северном побережье, где мы могли подсесть и заправиться. Фашистский генерал Роммель еще пиратствовал на континенте.

Во второй перелет, когда мы вылетели с Кубы группой в несколько машин, не все достигли конечной цели. Теперь мы стартовали поодиночке, со значительными интервалами.

А про первый полет даже вспомнить не хотелось. Совсем не хотелось. Из-за американского штурмана Эндрю Дрейка, которого нам дали в качестве своеобразного лоцма-

¹ Район Касабланки.

на. На земле это был отличный компанейский парень. Но потом... Сразу после первого рейса мы упросили наше командование отказаться от американских навигаторов.

Я не хочу сказать, что все американские навигаторы похожи на Эндрю Дрейка, но у нас после встречи с ним не осталось никакого желания убеждаться в обратном. Чересчур дорого, может быть, пришлось бы нам заплатить за следующие пробы.

Тогда, в первый рейс, мы вылетели из Гаваны в отличном настроении. Население близлежащих к аквапорту кварталов каким-то образом узнало о том, кто мы и куда держим путь.

Проводили нас тепло, радушно. Надарили цветов и всякой снеди, среди которой оказались джин и виски.

Мы пробыли в воздухе около часа, когда командир забеспокоился: почему американский штурман до сих пор не доложил ему о поправках в курс и о местонахождении самолета? Конечно, со своим уставом в чужой монастырь не ходят, но мы посоветовались и все-таки решили побеспокоить Эндрю Дрейка. Командир отправился к штурману сам. Я — за ним.

Эндрю не заметил нашего появления в отсеке. Он безмятежно глядел в иллюминатор. Перед ним на разложенных на столе картах стояла почти пустая бутылка джина.

Командир потряс Дрейка за плечо:

— Где мы?

Отвлеченный от созерцания волн, Эндрю отхлебнул из бутылки и спокойно ответил:

— Над океаном.

— Но куда мы идем?

— Держи прямо! Мимо Африки не пролетим!

— Черт возьми! Африка большая!

— Если возьмешь левее — попадем в Европу.

— Что ты говоришь, Эндрю! Там же фашисты!

Эндрю предостерегающе поднял указательный палец (пока еще он мог это сделать) и произнес нечто наподобие напутственной речи:

— Только не бери правее. Ни в коем случае правее! Там — Индийский океан. Ни клочка земли. Ни клочка до самой Антарктиды! Ни градуса правее! Вперед и прямо!

Экипажу хватило бы ругательств до самой Москвы, но мы ограничились лишь получасовой односторонней беседой. Дрейк слушал нас, судя по улыбке, вполне внимательно и добродушно, отвлекаясь лишь только для того, чтобы отхлебнуть из бутылки. И к концу нашего «концерта» был только что тепел.

Мы выволокли Эндрю из штурманской рубки и уложили спать в хвостовой отсек, на тот случай, если его вдобавок и укачает.

Пока возились, солнце скрылось за облаками. Погода ис-

портилась. Волны стали так высоки, что нам пришлось подняться до пятнадцати метров. Это было полбеды, но скрывшееся солнце... Без него не определишься. Вести самолет надо было теперь мне, и я разозлился.

— Давай, Валентин, веди! Где мы? — спросил пилот.

— Над океаном.

— Не шути. Давай курс.

— Вперед и прямо.

— Послушай!

— Я не бог. Попробую разобраться, скажу.

Втиснулся я в навигаторское кресло. Стал прикидывать, что называется, на глазок. Положение осложнилось еще тем, что мы приближались к зоне постоянного циклона между Кубой и Канарскими островами. Обходить его очень рискованно. Могло не хватить горючего. Перепрыгнуть просто невозможно: не позволит потолок «каталины». Пришлось идти под тучами, буквально сбивая днищем самолета вершины волн.

Определиться без солнца не мог ни один навигатор, радиолокационной службы в то время не существовало, а работать на рации и брать пеленги нам тем более оказывалось не с руки: «каталину» сразу бы засекли береговые посты фашистов. Тогда на подходе к Африке наверняка можно было ждать встречи с «мессершмиттами». Это нас не устраивало. Брони на «каталине» не было, если не считать бронированных спинок на сиденьях пилотов, а четыре спаренных пулемета — ничто по сравнению с маневренными истребителями и их пушками.

Вслепую нам пришлось пробираться под грозным фронтом.

Ливень смыл соль на стеклах. Однако видимость увеличилась не намного.

Пилоты нервничали. Я успокаивал их, как мог. Мне единственному из экипажа такой полет был не в новинку. Пригодился опыт ледовых разведок над Ледовитым океаном.

Впрочем, что говорить. Наш первый рейс закончился удачно. Иначе я бы не участвовал во втором и в третьем — самом необыкновенном из всех, которые мне когда-либо доводилось совершать.

2

В третий раз мы удачно миновали грозовой фронт над центром Атлантики, и, как прежде, высоту нашего полета лимитировали только гребни волн. С минуты на минуту где-то впереди должны были показаться Канарские острова, которые служили нам своеобразным ориентиром для точного подхода в район Касабланки.

Я прошел в рубку к пилотам. Три пары глаз лучше, чем две. Ведь мы шли на такой высоте, что марсовые на парусниках оказались бы по сравнению с нами в лучшем положении. Острова могли показаться и значительно левее или правее от курса.

А нам обязательно надо было выйти к островам. Иначе пришлось бы кружиться над океаном до тех пор, пока мы не отыскали бы «родины» канареек. И потом я отлично знал, что пилоты в трудные минуты выхода на ориентир или цель обожают, чтобы штурман находился рядом.

Погода стояла паршивая. Шел большой накат.

И тут стали сдавать моторы, падало давление масла.

Командир корабля, с которым я летел в этот раз, подполковник Базин, — его мы в шутку прозвали за малый рост и упитанность Колобком, — перепробовал все возможные способы устранить неполадки в воздухе. С каждой секундой мы неизменно теряли драгоценные сантиметры высоты.

Наконец Базин махнул рукой:

— Садимся. Масло, видно, ни к черту. Грязное.

Развернувшись круто против сильного ветра, командир сумел сделать так, что «каталина» набрала с полметра высоты. Потом он кинул машину в крутой вираж и, оставив ветер встречно-боковым, начал целиться на гребень подбегающей волны, чтобы примоститься между ним и следующим набегающим валом.

Склоны водяной горы маслянисто поблескивали в рассеянном свете бури.

Стиснув зубы, я ожидал характерного шелеста и мягкого пружинящего толчка, когда самолет коснется воды.

Моторы почти смолкли. Может быть, я просто не хотел их слышать. Толчок! Машина заскользила на брюхе.

Можно было вздохнуть спокойно, но надолго ли?

Я хлопнул Базина по плечу и, когда тот обернулся, показал большой палец.

Колобок улыбнулся и подмигнул.

Машина стала игрушкой океана. Единственным утешением было то, что оперение лодки благодаря особой конструкции удерживало машину носом к волне. Это помогало нам оставаться на плаву и не перевернуться. Однако волны могли подстроить такую каверзу, какую ни один конструктор не предусмотрит. Оставалось надеяться на быстроту и расторопность инженера-механика Муслаева.

Хватаясь за что попало, мы с Базиным с трудом выбрались в кают-компанию, одновременно служившую и грузовым отсеком «катулины». Все незакрепленные предметы скакали, катались и прыгали.

— Ловите! Привязывайте! — крикнул нам Муслаев. — Днище пробить могут!

Самому ему было некогда: он обвязывался веревкой, чтобы выйти на крыло к моторам, где стояли масляные фильтры.

«Ловите»! Легко сказать. Стоило нам отнять руки от шпангоутов на внутренней обшивке, как каждый из нас сам становился беспомощным «предметом». На меня неожиданно со всего маха свалился наш радист Сорокин, человек, похожий по комплекции на бригадира грузчиков. Но, придавив меня, он так настойчиво и вежливо извинялся за причиненное беспокойство, что я раз и навсегда запомнил его, как самого обходительного радиста.

Вскоре положение изменилось: мы вместе с Колобком, подкатившимся откуда-то из носовой части, крепко «принайтовали» Сорокина в хвосте.

Постепенно чем больше мы приобретали ушибов и царапин, тем меньше в отсеке становилось летающих консервных банок и прочих предметов. Наконец и сами, ухватившись за шпангоуты, тяги, крючки, мы приостановили собственное метанье по отсеку. Огляделись. И хотя нам было совсем не весело, мы не могли не рассмеяться. Мы выглядели, как оркестранты после «репетиции» из молодой тогда еще комедии «Веселые ребята».

Но больше всего досталось Муслаеву на крыле, чистившему там фильтры и менявшему масло под непрерывными ударами волн. Мы помогали Муслаеву, как и чем могли, однако львиная доля работы досталась ему самому.

Инженера-механика я считал человеком неразговорчивым, даже мрачноватым, но тут его словно прорвало. И если на американской бирже в течение последующих дней упали цены на акции компаний, вырабатывающих авиационные масла, то я почти твердо считаю, что это случилось из-за проклятий Муслаева.

Потратив на замену масла часа два, мы все-таки взлетели.

И здесь Базин показал себя мастером. Взлет, пожалуй,

туда опаснее посадки: волны выкидывали лодку в воздух, но оторваться от воды на малой скорости — это смерть. Лодка упадет и разобьется вдребезги.

Мы потеряли ориентировку, и еще около часа ушло на поиски Канарских островов. Однако и это испытание оказалось позади.

В Мазаган прилетели после полудня. Глядя на наши синяки, садины и царапины, на разорванную одежду, местные авиаторы, которые подзаправляли нашу «каталину», предлагали остаться переночевать, отдохнуть.

Но мы отказались. Мы достаточно хорошо были осведомлены, что район Касабланки кишит нацистскими шпионами. Сюда стоило труда долететь, но еще большего труда — обратиться благополучно подальше.

Едва баки «каталины» оказались полны, мы взлетели и, не делая даже обычного прощального круга над приютившей нас гаванью, взяли курс в сторону Сахары. Нам предстояло преодолеть теперь не самый трудный участок пути, каким является океан, а самый опасный — обогнуть с юга территорию, занятую фашистами.

3

Теперь мы шли все тем же бредущим, но под крылом самолета проплывали не водяные, а песчаные волны.

Солнце било нам в хвост. Все небо над нами хорошо просматривалось. Мы почти не опасались нападения фашистских истребителей.

Каждый занимался своим делом. Сорокин и инженер-механик готовили еду: обед или ужин — понять было трудно. Мы находились в полете более суток, все смешалось.

Я поколдовал над картами, потом бросил это бесполезное занятие и отправился варить кофе. Карты Африки в то время мало чем отличались от обычных школьных — никаких характерных ориентиров. Сплошная желтоватая краска заливала бумагу. Надо было ждать появления звезд, чтобы хоть как-нибудь определиться.

В «летающей лодке» запахло кофе. Аромат его побеждал даже на редкость вьедливый запах бензина. Из пилотской кабины, поводя оцарапанным носом-пуговкой, вышел Базин:

— И где ты, Валентин, насчет кофе так наострился? Даже моя жена так варить не умеет.

Я ответил, что с удовольствием поделюсь секретом, когда доберемся до дома, и вспомнил, что Базина провожала в Мурманск красивая женщина. Все крепилась до самой последней минуты расставанья, а потом расплакалась. Базин, о котором я много слышал хорошего, как о смелом и удачливом мастере боя, грустил всю дорогу. В Америке он все подгонял нас, чтобы скорее лететь домой. Кое-кто из летчиков, бывших вместе с ним, попытался острить, повторяя не к месту любимую приговорку Базина: «А вот моя жена...»

Среди пилотов было много молодых, очень молодых ребят. Их-то в большинстве ждали лишь матери, беспокойство которых считалось чем-то само собой разумеющимся... Вот они и завидовали.

По моим подсчетам, мы уже вышли из зоны действия фашистских истребителей, и весь экипаж, оставив машину на поечение второго пилота, собрался в грузовом отсеке поест. Мы слишком устали, чтобы есть с аппетитом, а насытившись, почувствовали себя совсем измученными. Только очень крепкий кофе немного взбодрил нас.

День казался удивительно длинным.

Мы разбрелись по своим местам.

Неожиданно меня позвал к себе Базин. Я прошел в рубку пилотов.

— Смотри! — Базин тыкал пальцем вниз.

Мы пронеслись над буйными тропическими зарослями. То и дело мелькали голубые отражающие небо то ли озера, то ли заводи. Мне показалось, что даже в кабину долетают пряные запахи цветов.

— Смотри! — Базин хлопал меня по плечу и радовался.

Второй пилот Витя Морев — тот просто примерз к стеклу кабины.

Очень мы стосковались по деревьям, по тихой воде.

Витя обернулся, с тоской посмотрел на нас обоих и сказал негромко, только по губам и можно было разобрать:

— Присесть бы... А?

Мы с Базиным переглянулись. Во взгляде командира я прочел нерешительность: ему, видно, не хотелось говорить «нет».

Я пожал плечами, хоть краткая остановка давно требовалась. Место вроде безопасное.

— Цветов можно домой привезти! Моя жена любит цветы! — крикнул мне на ухо Базин.

— Подсядем. На полчаса. Звезды появятся. Определимся. Бог знает куда залетели! И пойдем уже наверх. Нельзя же, в самом деле, лететь напрапола! — согласился я.

Командир быстро сел за штурвал. «Каталина» сделала крутой вираж — Базин выбирал место для посадки поживописней. В кабине пилотов появились инженер-механик и бортрадист. Узнав о причинах разворотов, они тоже очень обрадовались. Выбор места остался за командиром. Колобок отнесся к делу придиричиво. Минут пять мы кружились и видели пейзажи, похожие на сказочные. Наконец Базин остановил свой выбор на продолговатом водоеме — то ли лагуне, то ли старице, протекавшей вдали большой реки.

Места для посадки и взлета было достаточно. Последний разворот. Снижение, режущий удар, подскок, и мы остановились на зеркальной глади. Выключили моторы.

Стало слышно, как нежно поплескивает по фюзеляжу вода.

Мы открыли колпаки пилотской кабины и пулеметных блицтеров и несколько минут сидели, завороченные тишиной, покоем, пряным до душливости ароматом неизвестных,

невиданных цветов. Казалось, мы попали в огромную оранжерею. Метрах в пятидесяти от нас поднимались у заросшего кустами берега высокие, изящно изогнутые стволы королевских пальм, увитых лианами. Белые цветы усыпали деревья и кустарники. А может быть, цветы только казались белыми. Солнце стояло уже невысоко, меж деревьев и под кустами было сумеречно.

Второй пилот стянул с головы шлем.

— Прямо Жюль Верн... — и вздохнул.

— До чего ж хорош мир! — сказал Муслаев. Было непонятно, что же он имел в виду — спокойствие и тишину или красоту. Но никто не стал этого уточнять. Все, кто находился на борту «каталины», достаточно повоевали, и умели ценить мир, и, как все летчики, очень любили природу.

— Маргышки! — крикнул Сорокин.

По лианам, обвившим стволы пальм, пробежало стадо обезьян. Они визжали, прыгали и раскачивались на «канатах». И вместе с их криками мы расслышали, что тишины, которая нас оглушила вначале, нет. Воздух был наполнен шелестящим и в то же время очень высоким звоном; в нем смешалось сипенье, свист, кваканье, уханье, кряхтенье, цоканье.

— Давайте готовить лодку, — сказал Базин. — Ты, Витя, остаешься здесь.

— Есть, ясно! — удрученно проговорил Морев, отвернувшись, стал смотреть на джунгли через раздвинутый колпак.

Мы спустились в грузовой отсек, отдраили люк, вышли на узкие «скулы» — металлические жабры, которые ведут от носового люка к фюзеляжу, — вытащили скатанный резиновый мешок, что должен был стать лодкой, и маленький баллон сжатого воздуха. Муслаев и Базин возились с лодкой, а мы с Сорокиным, чтобы не мешаться, отодвинулись на несколько шагов в сторону.

Я смотрел на четкие силуэты пальм, на цветы, таинственно светившиеся в сумраке, на зеркальную поверхность лагуны, в которой на фоне отсветов закатного неба четко отражалось крыло «летающей лодки» и лопасти винта. С одной из лопастей упала капля. Разбежалась едва приметной кольцевой рябью. И навстречу этим волночкам прибежали другие.

«Откуда?» — подумал я.

Неподалеку из воды торчали четыре бугорка. Два передних походили на выходы странных дыхательных трубок, два других смотрели на меня. Я затаил дыхание: это были глаза. Два больших, немигающих, величиной с детский кулак глаза!

Оторопь охватила меня.

Послышался посвист сжатого воздуха, наполнявшего резиновую лодку.

— Давай быстрее, чего копать! — буркнул Базин.

«Долетался, — подумал я про себя, — чертовщина начала мерещиться!»

Но тут позади бугорков из воды поднялась спина, кочковатая, глянцева.

— Эй! Эй! Ребята! Бревна какие-то плавают! — послышался крик второго пилота.

Я, наконец, сообразил:

— Да это же крокодилы!

Действительно, это были крокодилы. Один, метрах в десяти от меня, смотрел огромными глазами с вертикальными, как у кошек, зрачками.

— Еще не хватало! — проворчал Базин и смолк.

Тихо шипел сжатый воздух, наполняя резиновую лодку. Геперь она заполняла весь проем выходного люка.

Я заметил, что крокодил очень медленно подплывал к нам. «Жабры», на которых мы стояли, возвышались над водой примерно на полметра. Судя по огромной башке чудища, крокодил мог бы достать нас на «жабрах» без особого труда.

— Черт возьми, как же мы взлетать-то будем? — проговорил командир. — Об них брюхо у машины запросто распороть можно.

Мне пока было не до этого. Морда крокодила оказалась совсем рядом. Я потянулся за пистолетом.

— Ай! — закричал рядом со мной Сорокин и опередил меня с выстрелом. Им, видимо, овладело омерзение. Он выпустил всю обойму.

Пули попали в цель. Крокодил изогнулся — он был огромен, метров пять длины, — я только тогда оценил его величину, из воды взметнулся хвост с костяными зазубринами на конце. Нас обдало брызгами.

И тотчас, словно выстрел был сигналом, еще три крокодила набросились на своего раненого собрата. Их длинные челюсти длиной в руку человека высунулись из воды.

В ленивой лагуне у самолета поднялась дикая возня. Челюсти и хвосты взметались над водой.

Крокодилы пожирали раненого.

Тут уже не выдержали все и стали палить без разбора в гущу осатаневших крокодилов. Вода окрасилась кровью. Влажное чавканье, какое-то отвратительное хрустенье, всплески и удары о воду слились в один безгласный звук.

Почти надутая резиновая лодка, целиком загородившая люк, мешала нам укрыться в самолете. Но я, — а как выяснилось потом, и не я один, — подумал, что спрятаться в машине еще ничего не значит. Дюралевая обшивка самолета толщиной в два миллиметра — плохая защита от крокодиловых хвостов. Они запросто могли пробить обшивку.

Базину и Муслаеву удалось втиснуть резиновую лодку внутрь машины. Мы ретировались в сомнительное укрытие.

В это время в носовой части ударил спаренный пулемет. Виктор увидел скопление крокодилов перед машиной и решил разогнать их. Я бросился в кабину пилотов, увидел: перед самолетом образовался новый кипящий клубок.

Выпустив еще очередь, Виктор в бессильной злости стукнул кулаком по магазину пулемета:

— Невозможно взлететь! Лежат, как бревна! На скорости пробьем днище, как пить дать.

Самолет качнуло. Я схватился за край открытого колпака и увидел крокодила — тот взбирался на поплавок, которым крыло опиралось на воду. Я высунул руку с пистолетом из колпака, прицелился.

— Осторожнее! — прошипел Виктор. — Трос перебьешь...

— Поди к черту!

Я выстрелил. Туша крокодила сползла в лагуну.

Ударил пулемет из блистера.

В кабину протиснулся Базин, сплюнул:

— Цветочков захотелось... А тут одни ягоды, — и хлопнул себя ладонью по лбу. — Дурак!

Позади него стояли Сорокин и Муслаев.

Радист вздохнул.

— Будто в цветах дело. Отдохнуть надо было, — сказал Муслаев. — И машину осмотреть в спокойной обстановке.

— Как же выбираться будем? — ни к кому не обращаясь, спросил Сорокин.

«Летающую лодку» покачивало.

— Перестрелять их всех... — сказал Базин. — Давайте к блистерам!

Попробовали. Стреляли, словно вокруг самолета вились по меньшей мере десятка два «мессёршмиттов», но бесполезно. Мы тратили патроны на тех, кого видели, а крокодилы подбирались с берега под водой и кидались на пиршество. Сколько их тут было, трудно вообразить. Казалось, берега населяли тысячи крокодилов. Но к самой машине они не подбирались очень близко.

Что-то их удерживало на расстоянии нескольких метров...

— Ни черта не помогает! Всех их, видно, не перебьешь. — Базин махнул рукой. — Попробуем утра подождать. Может, уползут на берег?

— Достаточно одному остаться у нас на пути... — заметил второй пилот.

Я молчал. И первый и второй пилоты были правы. Положение представлялось безвыходным. Глупейшее положение. Пройти бредущим полетом над океаном, блестяще совершить посадку на бешеные волны и не менее блестяще совершить взлет, избежать преследования фашистов и втюриться в такую глупую и отчаянную историю... В плену у крокодилов... Анекдот!

Пересказать, что мы передумали и перечувствовали за четверть часа, передать наши порой слишком отрывистые и слишком эмоциональные высказывания по поводу крокодилов невозможно. Да и слишком длинно.

Однако Муслаев не принимал участия в словесных самоистязаниях. Он сидел в сторонке и сосредоточенно тер пальцами подбородок. Потом молча поднялся, схватил ведро, открыл краник и набрал бензина. Потом с ведром бензина направился к двери.

— Что ты задумал? — остановил его Базин. — Вылить бензин в воду и поджечь?

— Зачем поджигать? — очень серьезно ответил Муслаев. — Я не вспомнил ни одной твари, которая бы любила бензин. Крокодилы сами разбегутся. От одного запаха.

Мы все пошли следом к двери самолета, посмотреть на этот необыкновенный эксперимент.

Муслаев стал неторопливо лить бензин в воду лагуны. Нам было отлично видно, как горячее тонким слоем покрывало поверхность. Бензин быстро растекался, и впереди тонкого слоя бежали радужные разводы. Едва он достиг крокодилов, как они точно от удара бросились врассыпную.

Мы кинулись было обнимать Муслаева, но он остановил нас:

— Заводите моторы! Только осторожнее! Искра — мы горим вместе с крокодилами.

Базин и Виктор переглянулись и отправились в кабину. Восторги наши поубавились.

Но делать было нечего.

Муслаев вылил еще несколько ведер бензина в лагуну. Потом мы внимательнейшим образом осмотрели поверхность воды: нет ли где бензиноустойчивого крокодила? Лагуна оказалась чистой.

Завыли моторы.

Мы притихли. Только бы не заискрило!

Пронесло.

Моторы взревели на полную мощность. Машина побежала по воде.

Взлетела.

Определившись, мы взяли курс на Родину.

Литературная запись
К. НИКОЛАЕВА

В следующем номере будут опубликованы еще два рассказа В. Аккуратова — «Как мы были колумбами» и «Коварство Кассиопей».

СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

Кедрин застыл с блоком записи в руках. Он взглянул направо, налево, вверх, словно ища направления, в котором следовало спастись. Следовало немедленно нажать стартер и кинуться — наверное, к спутнику, но не бросать же было в пространстве блок записи!..

— Сюда! — услышал он как сквозь стену. — Кедрин! Быстро! Клади блок сюда...

Кедрин увидел, как Дуглас тронул лимб, и дрожащая стена вокруг него растаяла, он успел лишь молниеносным движением захлопнуть забрало шлема. Холодовский оказался рядом с Дугласом, он пристроил прибор рядом с пультом и ждал Кедрина.

Словно очнувшись, Кедрин ринулся к Дугласу, почти бросил блок записи к его ногам («Осторожнее!» — зарычал Холодовский). Дуглас сделал неуловимое движение — стена вокруг него стала медленно проступать в пустоте, одновременно рама тронулась и стала все быстрее удаляться в сторону спутника. Кедрин торопливо завертел гиросулями, нацеливаясь для полета в том же направлении, и оглянулся на Холодовского. Тот взял совсем другое направление...

— Три сорок восемь, — звучало в телефонах. — Три сорок шесть...

Продолжение. Начало см. «Искатель» № 2 и 3.

До начала метеорной атаки оставалось три минуты сорок шесть секунд, и Кедрин знал, что заградители, как и всегда, успеют своим огнем распылить часть метеоров, но только часть, остальные неизбежно продолжат свой путь, и, если уж метеорный патруль предупреждает о них, значит, энергия метеоров выше энергии защитного статического поля. Спасение было одно — в спутнике, но Холодовский, как ни странно, шел в другую сторону — в сторону рабочего пространства, в котором находилось то, что когда-нибудь станет кораблем.

— Три сорок... Три тридцать восемь...

— Ты куда? — крикнул Кедрин, и в этот момент мимо него, выжимая из двигателя все, промчался Гур, вытянувшись горизонтально, устремляясь вслед за Холодовским. — Гур! — вскричал Кедрин. — Что вы все...

— Корабль, мой неторопливый друг, — ответил Гур, уже откуда-то издалека. — Особое звено не спасается, оно — спасает...

«Что ж, — подумал Кедрин, — я-то не особое звено, мне еще рано, это знают все...» Он включил двигатель — к спутнику, к спутнику... Как это они будут спасать корабль? Заслонят реактор своими телами? Ну, это не поможет! Что стоит такому метеориту пронизать и скваммер, и реактор, и что угодно? Потом реактор можно восстановить, можно поставить новый, если этот будет испорчен безнадежно, а ведь человека не восстановить, не восстановишь Особое звено... Нет, небольшое удовольствие — быть в Особом звене...

Эти мысли с лихорадочной быстротой проносились в его мозгу, а скваммер летел, и спутник был все ближе, и теперь было уже, пожалуй, поздно отворачивать, если бы Кедрин даже и захотел повернуть к кораблю. Поздно, да он им и не нужен: будь он нужен, Холодовский или Гур позвали бы его. Нет, зачем он им? Они привыкли троим, их там трое...

— Две пятьдесят шесть...

Нет, вдруг понял он. Их там двое. Дуглас без скваммера, он на своей раме, в которой можно передвигаться, но нельзя работать... Он помчался на спутник — отвезить прибор, который тоже надо спасать, и, пока он влезет в скваммер и выйдет, пока достигнет корабля, атака уже начнется, а те будут вдвоем, их будет слишком мало... Они не позвали. Может быть, они были уверены, что он последует за ними? Но сейчас уже поздно, поздно поворачивать, его вынесет черт знает куда!

Не поздно, подумал он. В таких случаях не бывает поздно. У меня еще две с лишним минуты...

Рука не хотела двигать гируль, она страшно не хотела, и пришлось напрячь все силы, чтобы заставить ее сделать это. Спутник дернулся и стал уходить куда-то за спину... «Нет, — подумал Кедрин, — с ними мне не страшно, ничего не страшно, когда я не один. И там я не буду один, нас снова будет хотя бы трое». Корабль начал понемногу вырастать, и Кедрин повторил: «Нас будет трое...»

— Сколько бы вас ни было, Кедрин, — сказал кто-то, и Кедрин узнал этот голос. — Сколько бы ни было... но ты взял правильное направление... Дави его, свой страх, ломай его, только так, Кедрин...

Кедрин сжал зубы. Голос становился все громче, и вот чужой скваммер обошел его, устремляясь все туда же — к кораблю, и за ним еще один, а потом сразу много, и Кедрин понял, что вовсе не одно только специальное звено будет спасать корабль. Он влился в массу монтажников, устремившуюся навстречу угрозе, и страх вдруг пропал, и Кедрину стало очень хорошо.

Он обошел корабль в стремительной циркуляции. Гур и Холодовский были уже здесь, давно здесь, и уже крепили массивный выпуклый щит, устанавливая гравификсаторы. Они не удивились, когда Кедрин произнес: «Я здесь. Что сделать?» Гур негромко сказал: «Вот и чудесно, друг мой! Закрепи, пожалуйста, ближайший к тебе угол». Кедрин подплыл к углу и начал крепить его к гравификсатору, набросив связь и закручивая болт, и не заметил, как истекли те минуты и секунды, которые еще оставались до начала атаки.

Спасаться в спутник теперь было уже поздно, и все монтажники, закрепившие возле особо уязвимых узлов корабля заранее заготовленные щиты, теперь стремились сами укрыться за ними. Залезая в узкое пространство между щитом и телом реактора, Кедрин оглянулся. Где-то далеко стали вспыхивать огоньки, и Кедрин, хотя никто ему не сказал этого, понял, что это заградители уничтожают часть метеоров — те, которые они успевали нащупать и поймать на дистанции действенных выстрелов порциями излучения. Часть все равно прорвется, подумал Кедрин. Может быть, не выдержат и щиты... Но остальные люди в своих скваммерах находились тут же, рядом, и никто из них не выказывал никакого беспокойства, во всяком случае, не производил ничего такого вслух. Ну да, подумал Кедрин, они скажут что-нибудь такое потом, когда все кончится, как в тот раз. Впрочем, когда попадет метеорит, я почувствую и сам, без объяснения...

Минуты тянулись медленно. По связи объявили, что первый пакет прошел. Тогда Холодовский неторопливо произнес:

— Конечно, резерв времени у нас есть. Но он может пригодиться и в другой раз, а еще лучше, если он совсем не пригодится. Насколько мне известно, метеоры не дифрагируют. Так, может, поработаем в третьем секторе?

— Я понял тебя, мой мужественный друг. Что ж, сидеть здесь и прятаться действительно скучновато...

Кедрин последовал за ними, все в нем сжималось, хотелось стать маленьким-маленьким... Очердная деталь висела в пространстве, заторможенная на полдороге. Гур равнодушно, как будто речь шла о порции салата за завтраком, проговорил:

— Твоя, Кедрин... — И они полетели дальше, к исходным позициям, брать новые детали.

Кедрин тащил деталь на место и утешался тем, что она, на худой конец, послужит хоть какой-то защитой от метеора. Сварщики, из тех, кто пришел на помощь Особому звену, уже настраивали свои полуавтоматы. Установщика не оказалось, и Кедрин сам установил деталь на место, на направляющие, и сам порадовался тому, как ловко это у него вышло, хотя и в первый раз.

Снова прозвучал тревожный сигнал, на спутнике начали отсчет минут и секунд. Кедрин хотел кинуться под щит, но никто не торопился, и он не стал торопиться тоже. Детали медленно плыли в пространстве. Отсчет кончился, и Кедрин ожидал: сейчас по нему ударит частый дождь крохотных небесных тел. Дождя не было. Корабль теперь надежно закрывал их, но, кажется, и в корабль ничего не попадало, и только раз сверкнула искорка, да и то где-то далеко, в направлении спутника. Наверное, какой-то из метеоритов врезался в тороид, но спутник этого не боялся.

— Вот так-то, мой бесстрашный друг, — сказал Гур, подталкивая новую деталь — сектор главной поперечной переборки. — В масштабах даже и Приземелья нас все равно что нет, так что опасаться особо нечего...

— Я и не опасаясь, — сказал Кедрин.

— И замечательно! Между прочим, как правило, в космосе вообще ничего не происходит. Вот сейчас дадут отбой, и мы снова полетим устанавливать по-настоящему наш озотаксор.

— Ничего не происходит! — сказал Кедрин. — По-вашему, на орбите Трансцербера тоже ничего не произошло? Вы думаете, они молчали бы столько дней, хотя их вызывает вся Земля?

— Мало ли, что там я думаю! — сказал Гур. — Возьми угол на себя, не то тебе придется делать второй заход.

XIV

Нет, они, конечно, не молчали бы столько дней там, на орбите Трансцербера, если бы ничего не произошло.

Собственно, не произошло ничего особенного. Сначала исследователи заметили вспышку, не очень значительную, но все же явственно различимую вспышку, там, где, по расчетам, должен находиться догоняющий Ахиллес — так они теперь между собою именовали Трансцербера. Он должен был там находиться согласно показаниям локаторов. Локаторы брали его, а вот гравиметры пока что не брали, и радиоустройства не брали, не говоря уже об оптических.

Так или иначе вспышка произошла именно там, где ей полагалось произойти, если она произошла на Трансцербере. Исследователи начали анализировать возможные причины вспышки, и, конечно, сразу же образовались два лагеря. Один лагерь считал, что вспышка свидетельствует об интенсивной вулканической деятельности на поверхности Ахиллеса. Другой утверждал, что говорить об этом всерьез вообще невозможно, потому что коль скоро не наблюдается визуально сама планета, то не может быть наблюденно и любое извержение на ее поверхности. Вспышку они объясняли какой угодно другой причиной, кроме вулканической деятельности. Неуправляемой атомной или ядерной реакцией, столкновением с необычайно крупным метеоритом или астероидом, а также... а также... и так далее.

В ответ на это первая группа возражала, что на планетке с такой ничтожной массой, какую до сих пор не берут грави-

метры, и с такими ничтожными размерами, что ее не берет даже главный корабельный рефрактор, на планетке столь ничтожной, что вообще удивительно, как это Герн догадался об ее существовании, — на такой планетке не может вообще найтись такой массы уранидов, чтобы пошла атомная реакция. Кроме того, они говорили, что... а также... и так далее и тому подобное.

Пилоты пока не вмешивались, потому что они помогали инженеру Риексту подремонтировать водный конденсатор, а капитан Лобов не вмешивался, потому что он вообще ни во что и никогда не вмешивался, пока не решал, что настало время вмешаться.

Наконец исследователи пришли к выводу, что надо сообщить о вспышке и на Землю, чтобы дать возможность и земным и приземельским астрономам и астрофизикам разделить на два лагеря. Хотя время очередного радиосеанса еще не пришло, исследователи доложили о своем желании капитану Лобову. Капитан Лобов немного подумал и дал «добро».

Инженеру Риексту и одному из пилотов пришлось оторваться от ремонта конденсатора и, как выразился капитан Лобов, начать разводить огонь в радиокотбайне. Они его и развели, и зашифровали сообщение, и послали его при помощи остронаправленной антенны на Землю, и принялись ожидать квитанции. Но вместо ожидаемого РЦД последовало молчание. Пришлось повторить передачу, расходуя лишнюю энергию. Результат был тот же. То же было и в третий раз. Тогда инженер Риекст пришел к выводу, что Земля их не слышит, или не понимает, или не хочет отвечать, или же, наконец, не может. Это дало исследователям сейчас же продискутировать вопрос: что же такое могло случиться на Земле? Они спорили об этом долго и убежденно, хотя знали, что на Земле ничего такого произойти не может.

Потом капитан Лобов сказал, что он не пожалел бы ничуть, если бы в результате извержения, реакции или чего-нибудь еще Ахиллес разлетелся на мелкие кусочки и все эти кусочки полетели бы в другую сторону. На это ученые возразили, что такие пожелания нельзя высказывать даже и в шутку, что экспедиция на Трансцербер — если не их, то любая другая — обязательно встретится с целым рядом очень интересных явлений. Уже сама авария «Гончего пса» произошла по абсолютно неизвестной причине. Затем эта вспышка. И, наконец, непрохожденные радиосигналов на Землю — или оттуда. Все это обещало целую кучу интересной работы, и, уж коли на то пошло, ученые соглашались скорее разлететься на куски сами, чем пожертвовать Трансцербером. Хотя, разумеется, — торопливо заверили они, — никто из них не имеет ни малейшего сомнения в том, что и экипаж и они благополучно спасутся.

Услышав такие заверения, капитан Лобов начал задумываться о степени осведомленности исследователей в истинном положении вещей. А чтобы подумать в тишине, он дал команду всем спать, тем более что время спать действительно наступило. Огни были погашены, и вот тогда-то на орбите Трансцербера, он же Ахиллес, воцарилась темнота, какая только может быть в пространстве.

Они установили озотаксор. Понадобилось еще шесть дней, чтобы изготовить еще три озотаксора и установить их в нужных точках пограничного пространства. Затем пришлось начинать все чуть ли не сначала: Дугласу пришлось на ум — гораздо лучше пользоваться не инертным вещественным экраном, а просто в нужный момент посылать в нужном направлении мощный поток колебаний той же частоты и параллельно — фи-компоненту. Сквозь такой заслон, сказал Дуглас, не пробьется даже запах лучшего в мире кофе. Против этого никто не возразил.

Для Кедрина это означало — еще неделю не видеть Ирэн по вечерам. Правда, в первый же вечер после установки четвертого озотаксора он пошел к ней в обычный час.

— Мы кончили озотаксоры, Ирэн, — сказал он громко.

Она выглянула из двери своей лаборатории, на ней был традиционный белый халат.

— Да... — рассеянно сказала Ирэн. — Садись... Чем тебя угостить? Понимаешь, впервые за все эти дни выдался часок для лаборатории... Боюсь, мои культуры не выдержат, если я буду навещать их так редко.

— Стоит ли возиться с ними?

— Стоит. Они могут дать возможность создания совершенно нового эцикла. Если, конечно, получится... Они у меня понемногу начинают привыкать к пространству...

— Они у тебя разбегутся по всему пространству.

— Нет, — сказала она, — это исключено.

Он и сам знал, что у нее это исключено, и не стал возражать. Он помолчал, разыгрывая пальцами на коленях какую-то трудную сонату. Ирэн села, не снимая халата.

— Ты торопишься? Мне уйти?

— Нет, ты знаешь, как я рада тебя видеть. Но иногда мне хочется разорваться пополам. Быть здесь — и уйти туда...

Он встал, и сел рядом с нею, и поцеловал ее.

— Ирэн, может быть, нам пора попросить общую каюту? Семейную, из пяти...

— Нет, — торопливо сказала она. — Нет.

— Так. Почему?

— Рано... — сказала она. — Ну как ты не понимаешь — рано!

— Не понимаю. Если было не рано столько лет тому назад...

— Тогда — да... Но потом...

— Ладно, — прервал он. — Мы помним оба. Но разве я не стал теперь другим?

— Да, — медленно сказала она, — конечно. Ты... как бы это сказать? Ты экспонировался...

— Ну, допустим...

— Но ты, мне кажется, еще не закреплен. И мне будет очень больно, если... если я опять ошибусь. Тогда не будет возможно больше ничего.

«Она оскорбляет меня, — подумал Кедрин. — Только и всего. И вообще я ей не нужен. Как еще она меня не выгнала...»

— Да, — сказал он. — Будет невозможно для меня. Но не для Седова, правда?

«Вот сейчас, — подумал он, — она меня выгонит. А я не уйду».

Но она его не выгнала. Она только закрыла глаза.

— Лучше говори о чем-нибудь другом, — попросила она. Но Кедрин не сразу собрался с мыслями. Она все-таки не выгнала его...

— Дуглас предлагает, — сказал он, — заменить экран фимонитором в блоке с озотаксором.

— Это интересно, — сказала Ирэн. — И что же?

— Ничего. Они засели за работу. Особое звено.

— А ты сидишь здесь... — сказала она, не открывая глаз. Потом встала и подошла к двери, ведшей в лабораторию.

— Мне пора.

— Мне уйти?

— Да... — Она помедлила. — И больше не приходи.

— Как? — спросил он. Но дверь лаборатории захлопнулась.

— Ну, прости, Ирэн, я дурак, — сказал он. — Но как же не приходиться?

Он постоял посредине каюты. Подошел к двери в лабораторию, постоял, повернулся, решительно пересек каюту и вышел из каюты.

— Все равно я буду приходить, — сказал он. — Все равно.

Он пошел к Дугласу, где трое монтажников снова анализировали и ассоциировали в свободном полете. Нашлось дело и для него. И больше не осталось свободных вечеров. Он не видел ее, и с каждым днем все труднее было решиться на то, чтобы зайти в каюту, где могла оказаться она.

А потом они поставили фимониторы и озотаксоры, и Холодовский внезапно перекувырнулся в пространстве через голову, вернее, сделал фигуру, подобную мертвой петле.

— Ну вот, — сказал он. — Ну вот...

— Да, мой счастливый друг. Именно «ну вот».

— Ну, ребята... — сказал Дуглас. — Ну, ну... Вот и все.

— Вот и все, — сказал Холодовский. — И запаха больше нет. Он приходит, но срабатывают аппараты — и его не пускают. Запаха нет.

— Давно уже не было, — сказал Кедрин.

— Хочешь накаркать, друг мой? Помолчи!

— Ничего, — милостиво разрешил Холодовский. — Теперь запах может быть. Неважно. Он не пройдет.

— Запаха нет, — сказал Дуглас. — Ну, ну... И известий нет.

Известий о Трансцербере все не было, и все яснее становилось, что их нет. Еще не истекли сроки, принятые на Земле для надежды, и продолжались попытки найти их, вызвать, установить связь, но каждая неудачная попытка уменьшала запасы оптимизма. Уменьшала чуть-чуть, но попыток было много...

— Известий нет, — хмуро сказал Гур. — Ну что ж, унылые друзья мои, будут известия. Будут. Но запах побежден. Возрадуемся!

— Ну, Гур, — сказал Дуглас. — Ну, ну... Сначала доложим как полагается. Доложим Седову.

Они полетели докладывать Седову. Он, конечно, был в своей каюте, потому что была не та смена, в которой он работал на сварке. И, конечно, он не спал, когда его смена спала. А когда он вообще спал?

— Когда спит Седов? — спросил Кедрин.

— Никогда, друг мой, — ответил Гур.

— Как никогда?

— Никогда — значит никогда, — сказал Дуглас. — Вот и все.

— Никто не видел, — сказал Холодовский, — чтобы он спал. Это все, что мы знаем.

— Говорят, в молодости он спал, — сказал Дуглас.

— Говорят, он потерял сон тогда же, когда и гортань, в Экспериментальной зоне...

— Нет, друг мой, на Литиевых островах... И не спрашивай больше, друг мой Кедрин, ибо невежливо спрашивать у тех, кто сознанся в своем невежестве...

Седов ждал их. Он ткнул пальцем в сторону дивана, и они уселись, чинно положив ладони на колени. Кедрин искоса посмотрел на Седова и отвел глаза. Но ему снова захотелось посмотреть на Седова, и, чтобы не делать этого, Кедрин стал разглядывать каюту шеф-монтера.

Если бы ему не было точно известно, что это небольшое помещение глубоко упрятано в недра спутника и окружено еще десятками и сотнями таких же, только по-другому оборудованных помещений, Кедрин охотно поверил бы в то, что за несколько минут, прошедших после установки последнего монитора, еще нигде не описанная сила перенесла его за много парсеков от Земли, в командную централь длинного корабля — одного из тех, что рождались в Звездолетном поясе и уходили далеко-далеко... Вогнутые экраны, огибающий стены пульт, глубокие пилотские кресла и стандартное складное ложе в углу, ложе дежурного навигатора, — все это говорило о просторстве и говорило о хозяине каюты не меньше, а, пожалуй, гораздо больше, чем могла сказать даже и самая подробная биография. Даже то, как шеф-монтер сидел в кресле — свободно и вместе настороженно, в положении, дававшем возможность в любую секунду или откинуться, отдаваясь на милость разгружающей системы, или, наоборот, перегнуться вперед, чтобы включить какой-нибудь из переключателей на пульте, — даже эта его поза говорила о долгих годах практики, об опыте, вошедшем в привычку, в плоть и кровь звездоплавателя. Кедрин не удержался и снова взглянул на Седова, но и теперь не мог не ощущать к нему какой-то смутной враждебности. Почему они тогда были вдвоем? Конечно, никто не вправе ни спрашивать, ни упрекать — да и кого и за что? Но все же, все же...

— Ну, так, — сказал Седов. — Что, монтажники? Готово? Слава?

— Готово, шеф, — сказал Холодовский. Он неожиданно счастливо улыбнулся. — Готово.

Остальные кивнули головами.

— Готово, черт вас возьми! — сказал Седов. — Значит, можно

вести работы, не рискуя подвергнуться атаке запаха? Значит, Кристап будет последним пострадавшим от этого?

— Будет, — твердо сказал Холодовский.

— Ты ручаешься?

— Головой. Чем угодно.

— Хорошо, — сказал Седов. — В случае чего, сниму с тебя голову. — Он сказал это грозно, курлыкающий голос был резок, но всем было ясно, что шеф-монтер очень рад. — Вот и еще шагом ближе к стопроцентной гарантии у нас.

— Простите, шеф, — сказал Кедрин. — А вы не против стопроцентной гарантии?

— Я? — спросил Седов. — Ерунда, звездолет гармошкой. Нет, конечно. Я всегда «за». Только, к сожалению, всегда будут места без стопроцентной гарантии.

— Почему?

— Потому что гарантия не успевает за человеком. Он идет вперед, не имея никаких гарантий и не дожидаясь их.

— Почему?

— Да он не может иначе, — сказал Седов и удивленно посмотрел на Кедрина. — Ну, это все лирика. Запаха нет, это главное. Можно работать. Теперь не подремлете. Ну, я знаю, что вы и так не дремлете. Особое звено! Но спать будет некогда.

— Шеф! — сказал Кедрин, не обращая внимания на предостерегающие взгляды товарищей потому, что ведь должен был он где-то схватиться с этим человеком, чтобы решить для самого себя, кто же сильнее из них двоих и кто достойнее, учитывая не только то, что Кедрин уже сделал в жизни, но, разумеется, и все то, что он мог еще сделать. — Шеф! А почему вы никогда не спите?

Седов внимательно посмотрел на Кедрина, и тот почувствовал, что не были секретом для этого человека и любовь Кедрина, и неприязнь, и все, что относится к отношениям между людьми. Но он медлил с ответом, и Кедрин твердо решил не отступать.

— Почему, шеф? Ведь не спать невозможно...

«Невозможно не спать, и, значит, ты просто распространяешь о себе легенды», — вот что хотел сказать Кедрин, и Седов, безусловно, понял это.

— Многие возможно в двадцать втором столетии... — медленно проговорил шеф, и глаза его улыбнулись, но сразу же сделались печальными. — Многие. Но, может быть, мне лучше не отвечать на этот вопрос?

Монтажники с укоризной смотрели на Кедрина, и теперь ему подумалось, что они-то, наверное, что-то все-таки знали... Но идти на попятный было нельзя.

— Почему нет? Ответьте, шеф, прошу вас.

— Что ж, я отвечу. Стоп! — резко сказал он, увидев, как Гур раскрыл рот. Их взгляды встретились — глаза Гура, в которых никогда нельзя было увидеть дна, и глаза Седова, словно одетые прозрачной броней и неуязвимые ни для чего. — Стоп, монтажник! Если говорю я, то это значит, что говорю я, и меня слушают, Гур, и ты это знаешь. Я отвечу...

Монтажники молчали. Они прощали Седову его способ разговаривать за то, что больше всего на свете он любил монтажников и корабли — и, конечно, тех людей, что уходили на кораблях туда, куда поиск вел летящих и путешествующих. И Гур не сказал ни слова, хотя и не отвел глаз.

— Слушай, Кедрин, — сказал Седов, и в голосе его была даже какая-то нежность. — Ты молод... здорово молод, и из тебя выйдет монтажник, если захочешь. А этого стоит захотеть, говорю тебе по праву более умного, не обижайся, Кедрин... Недавно ты еще и не мечтал о том, чтобы быть монтажником, и было время, когда я тоже не мечтал об этом. Я мечтал летать на кораблях, а не строить их. И я летал. Я летал немало и хорошо, и если развернуть все мои прожитые годы на количество пройденных парсеков, то очень немало придется на одну секунду... Я хвастаю? — перебил он сам себя. — Ну что ж, это для того, Кедрин, чтобы ты понял, что тебе нечего бояться, нечего бояться, понял? И в конце концов я хвастлив по натуре, почему же мне не позволить себе удовольствие?

Он передохнул, а трое монтажников разом коротко усмехнулись самокритическому замечанию шефа. Но никто не вставил ни словечка, потому что говорил Седов, а когда он говорил, его слушали.

— Ну вот. Я летал, но однажды оказалось, что больше летать я не могу и никогда не полечу. Даже на транссистемном. Даже на пузырьре. Все. Не полечу. «Не ты первый», — скажешь ты, Кедрин. А мне все равно, первый я или не первый. Такие вещи каждый переживает для себя, и умные люди в таких случаях не сочувствуют. Вот и все. Тебе ясно?

Кедрин молчал, и тогда Гур все-таки нарушил молчание.

— Тогда расскажи ему все, Седов, — сказал он. — Расскажи ему, капитан «Джордано», друг мой, расскажи ему.

«Капитан «Джордано», — услышал Кедрин и встал.

— Сядь, Кедрин, здесь не парад. Почему я не сплю? Потому что люди знали: мне нельзя быть пенсионером космоса. И мне разрешили работать здесь. Потому что надо любить корабли, чтобы строить их. А на спутнике дробь семь, который называется «Шаг вперед», по милости вот этого монтажника, — он кивнул в сторону Гура, — работы идут круглые сутки. И некогда спать, потому что у нас здесь нет стопроцентной гарантии и каждую минуту может что-то произойти. И может еще сейчас, хотя уже нет опасности запаха. Тебе нужна технология? Это просто, многое просто в двадцать втором веке. Человек может не спать, нужна даже не очень сложная по нашим временам операция. Только за каждый час, который он не доспал, он не доживет двух часов... Вот и все. Операции эти давно запрещены. Но было время, когда в виде исключения их разрешали. И вот я не сплю, и мне хватает работы на двадцать четыре часа, на четыре смены.

— И вы не доживете... сколько же вы не доживете?

— Зачем считать? Нужен иной расчет: в дальнем рейсе ты живешь в три раза интенсивнее, чем здесь. А там я нес восьмичасовую вахту, и, значит, здесь мне нужно двадцать четыре

часа. Что за смысл жить, не получая от жизни всего? Ты понял, Кедрин?

— Я понял, шеф, — сказал Кедрин. — Я понял. Я дурак.

— Это пройдет, — утешил его шеф. — Ты спи, тебе надо спать. Но если что-то мешает тебе жить на полную мощность, отбрось, если это даже будет стоить тебе нескольких часов жизни...

— Еще один вопрос, шеф, — сказал Кедрин, и Холодовский кашлянул в знак того, что — довольно. Но шеф кивнул.

— Последний, — сказал он. — А то я ударился в лирику?

— Почему вы не смогли заняться другим делом на Земле?

— Кто сказал, что я не смог? Я не захотел. Запомни, — сказал Седов, — жить в Пространстве и не любить Землю нельзя. Такие не живут в Пространстве. Потому что все это, и неудобства, — а на планете удобнее, конечно, — и опасности, а они есть, эти опасности, можно переносить только ради Земли, ради человечества, которому нужны, черт побери, нужны ему длинные корабли... Ну, все! Стоп! Сейчас у меня сеанс связи с «Гончим псом».

— Разве он ответил?..

— Еще нет. Но он ответит. Они экономят, и у нас сеансы связи раз в три недели.

— Но вспышка...

— Кедрин, Кедрин... Ну и что, что вспышка? Конечно, многое могло произойти. Они могли после этого сигналить, а могли и не сигналить. Мало что... Но в минуту назначенного сеанса Лобов выйдет на связь, если он жив. Если он жив и у него нет ровно ничего, даже ушной капсулы, ровно ничего для связи, он будет кричать, и крик его долетит до Приземелья. Это Лобов. Ты не знаешь его, а я знаю. Вот если он не ответит в срок, если он сегодня не выйдет на связь, это значит, нет больше капитана Лобова, второго пилота на славном корабле «Джордано».

Он умолк, на миг закрыл глаза, и вновь лицо его стало обычным — примелькавшимся и трудно воспроизводимым, как контуры материков... Он вышел, и Гур сказал:

— Да, Кедрин, стоило бы тебя, если бы не благородное чувство толкало тебя на это... В старину, выходя на такие поединки, дома оставляли завещания... А ты даже не предупредил нас, чтобы мы захватили побольше моральной корпии. Но он был нежен, ребята, он был нежен сегодня, капитан «Джордано», необычайно нежен, друзья мои монтажники...

— Да, — сказал Холодовский. — Какие люди!.. Я вспоминаю многих. А сколько сейчас осталось из тех, кто летал с ним? Не считая Лобова, я знаю еще троих...

— Четверых, — сказал Дуглас. — Четвертому приходится в основном жить на Земле.

— А как шеф верит Лобову! — сказал Холодовский.

— Ко-пилот Лобофф, — сказал Дуглас.

— Нет, ты говоришь по-русски без акцента, Дуг.

— Я думаю, — сказал Дуглас и взглянул на часы. — Ну вот, истекло время связи. Хотел бы я, чтобы Седов сей-

час вошел и сказал: «Все в порядке, ребята, Лобов ответил, они все там целы, черт меня дер!».

Дверь распахнулась, вошел Седов, глаза его были непроницаемы. Он оглядел всех, уселся за пульт. Все молчали.

— Ну, Седов? — спросил Дуглас. — Ну?

— Все в порядке, ребята, — сказал шеф. — Лобов ответил. Они все там целы, черт меня дер. А теперь исчезайте, мне надо работать. Надо выкроить еще неделю.

XV

На орбите Трансцербера капитан Лобов отошел от радиоконбайна с видом, показывавшим, что свое жизненное предназначение он считает выполненным. Все смотрели на него с некоторым восхищением, и только инженер Риекст смотрел без восхищения. Весь облик инженера говорил о том, что перерасход энергии — дело, никакого одобрения не заслуживающее. Даже если перерасход совершен для установления связи с Землей и Приземельем.

Но капитан Лобов не обратил на это никакого внимания. Он уселся, придвинул зеркало и задумчиво провел рукой по щеке. Своим обликом Лобов показывал: установление связи с Землей тогда, когда связь не хочет устанавливаться, — это сущий пустяк, о котором говорить в общем не стоит, а перерасход энергии для этого — пустяковейший из пустяков.

Что касается исследователей, то они не обратили внимания на это состязание обликов. Они расселись по местам с таким видом, словно никогда не сомневались ни в том, что связь будет установлена, ни в том, что Земля продолжает делать все для того, чтобы вовремя вытащить их отсюда.

Они снова принялись снимать показания аппаратуры, а капитан Лобов принялся бриться. Он не прервал бритье даже тогда, когда услышал, что движение корабля по орбите замедляется — опять-таки по неизвестной причине — и расстояние до Ахиллеса сокращается несколько быстрее, чем это было предусмотрено.

Капитан Лобов считал, что добраться следует при любых обстоятельствах.

Несколько встревоженные этим обстоятельством, исследователи обратились к капитану Лобову с просьбой возобновить связь с Землей и сообщить туда о происшедших изменениях.

Капитан Лобов поинтересовался, думают ли ученые, что Пояс может монтировать корабль скорее, чем сейчас. Нет, ученые так не думали.

Тогда капитан задал вопрос: нужно ли зря волновать людей? Ведь они там думают, что здесь просто невозможно, как плохо. А на самом деле здесь вовсе не плохо. Воздух есть. Вода есть. Экоцикл действует. Энергия тоже есть. Однако ее может и не быть, если сигналить на Землю без толку.

Инженер Риекст подтвердил, что ее может и не быть.

На этом плодотворная дискуссия завершилась, и жизнь пошла своим чередом, добро и весело, как в операционной перед появлением хирурга. А хирург, кажется, не собирался заставлять себя ждать.

На Земле торопились. Прошла половина назначенного срока, но работа была сделана, пожалуй, уже почти на две трети. Второй пояс механизмов поставлен, оставались жилые и подсобные помещения и оболочка. Зная, что опасность — запах — перестала быть загадочной и перестала быть опасностью, шеф-монтер Седов бросил на монтаж и половину личного состава патрулей. Впрочем, вторую половину он сохранил.

— Ты мне не веришь, шеф, — сказал по этому поводу Холодовский.

— Я тебе верю, провалиться мне в Юпитер, — ответил шеф. — Но больше я верю опыту, который говорит: осторожность не бывает лишней. Чтобы не получилось ерунды, разных звездолетов гармошкой.

— Это обидно, — сказал Холодовский, на что Седов ответил:

— Извини, Слава, это уже плохая лирика.

На этом разговор закончился, и монтажники продолжали работать, корабль продолжал расти, запах продолжал отсутствовать. И только Кедрин вечерами больше не заходил в одну каюту. Он не мог заставить себя показаться там. Он не мог понять, как у него повернулся язык упрекнуть кого-то в чем-то, что касалось Седова, и знал, как это должно было выглядеть со стороны.

А днем он, как обычно, выходил в пространство. На спутник «Шаг вперед» прибыли новички, и Кедрин — почти опытный монтажник — перешел в установщики, работу куда более квалифицированную, требовавшую владения скваммером и хорошего чувства пространства.

Сегодня он впервые выходил в пространство установщиком. Он осматривал скваммер с особой тщательностью. Гур прошел к своему месту, что-то глубокомысленно напевая себе под нос.

— Ну, Кедрин, мой устанавливающий друг, — сказал он. — Ты окончательно становишься монтажником. Собственно, ты стал им. Ты стал им тогда, когда Седов рассказал тебе... Он не рассказывает всем и каждому. Быть монтажником тяжело, Кедрин...

— Я знаю.

— Ты еще не знаешь, несколько наивный друг мой. До сих пор с тебя спрашивали, как с вольноопределяющегося. Ты мог испугаться, мог мало ли чего... Теперь ты не имеешь права. Бывают монтажники, которые ошибаются. Монтажников, которые боятся, не бывает. Не забудь.

— Не забуду, — сказал Кедрин и подумал: «Кажется, я все-таки разучился пугаться...»

Да, пространство не пугало его. Он мчался в рабочий куб, не боясь столкновений: он знал, что монтажники не сталкиваются. Он не боялся атаки запаха: он знал, что ее не будет.

И не боялся метеоров: если они будут заслуживать внимания, то о них предупредят своевременно...

Сегодня первый день на установке, первый день в другой бригаде. Кедрин знал, что ему надо выйти к конусу и подождать мастера.

Мастера еще не было, но Кедрин даже обрадовался этому: надо было сосредоточиться. Работа установщика казалась несложной только со стороны: на самом деле она подчас требовала не меньше умственного напряжения, чем решение хорошей системы диофантовых уравнений. К тому же на конусе Кедрин еще никогда не работал, и следовало присмотреться и понять что к чему. Потом осматриваться будет некогда.

Он смотрел, как установщик третьей степени заканчивал подгонку последней детали — короткого широкого патрубка. Затем скваммер прощально махнул рукой. Прозвучал сигнал. Третья смена кончилась.

Круглый борт уже огибала отблескивавшая фигура. На ее груди светилась зеленая полоса, и это значило, что скваммер принадлежит мастеру. Кедрин принял привычную позу внимания.

В телефонах раздался низкий хриловатый голос. Кедрин никогда его не слышал, но невозможно ведь было за такой короткий срок познакомиться со всей сменой. Плавно переложив гирорудь, Кедрин заскользил за мастером. Спутник скрылся за телом корабля и вскоре снова взмог с другой стороны, лучи солнца горели на его гранях. Хриловатый голос спросил о самочувствии, Кедрин кратко ответил. Они коснулись ступня ми металла корабля, включили гравиподошвы. Мастер подвел Кедрина к отверстию странной формы. Объяснение заняло несколько минут.

— Кто это придумал? — спросил Кедрин.

— Седов. Это сэкономит нам два дня, — сказал мастер.

Оба, ускоряя ход, заскользили к большой группе монтажников.

Очередная транспортная ракета была уже разгружена, вернее, были отделены маленькая рубка и двигатель. Все остальное шло в работу. Развезти по Звездолетному поясу лишний вес обошлось бы дорого, а человечество сейчас было менее расточительным, чем когда-либо. Автоматы вакуумной сварки ползли, производя контрольную зачистку и соединяя два громадных металлических листа. Автоматы были похожи на глубокомысленных скарабеев.

Люди облепили металл со всех сторон. Цепкие клешни скваммеров, повинуясь едва заметным движениям пальцев, схватывали деталь, включался двигатель... Работа шла, как обычно, только чуть быстрее — каждый день работа шла чуть быстрее, кажущийся хаос вспышек, замысловатых трасс скваммеров и деталей был на самом деле глубоко целесообразен, оправдан и закономерен, как закономерен и кажущийся хаос вселенной. Это было привычно. Это был Звездолетный пояс, спутник «Шаг вперед».

Мастер и Кедрин приблизились к одной детали. Кедрин выслушал и повторил задание.

— Включайте! — неожиданно звонким голосом командовал мастер. Двигатели буксира и полусогни скваммеров безмолвно взревели — иначе не назвать было их мгновенный порыв... И — в который раз уже — их усилие заставило корабль и все, что было вокруг него, сдвинуться с места и приближаться к бригаде — медленно, потом все быстрее...

— Шестая, рули на пять градусов минус... Стоп... Первая, импульс. Вторая, держите место...

Голос мастера больше не хрипел. Громадный выгнутый лист металла плавно разворачивался. Скомандовали торможение. Отцепившийся буксир стремительно укатился в сторону. Движение замедлялось. И тогда Кедрин с изумлением и страхом увидел, как мастер обогнал штангу, уравнил ход, подвернул и встал на передний торец штанги, вытянулся, словно статуя на колонне, поднял металлические руки. Теперь штанга была лишь его продолжением.

— Кедрин, курс! — крикнул мастер, и Кедрин прильнул к визиру. До конуса оставались считанные секунды полета. Фигурное отверстие не зияло, оно казалось просто черным пятнышком, и не верилось, что конец штанги войдет туда без тщательной примерки. Едва заметными импульсами двигателя мастер направлял в цель себя и за собой — штангу, к которой он, казалось, приварился накрепко. Корабль огромно блеснул рядом, и Кедрин зажмурился, чтобы не видеть хотя бы того момента, когда от неминуемого удара разлетится вдребезги, словно птичье яйцо, бронзовеющая фигура скваммера... Толчок был ощутимым, по металлу прошла мгновенная дрожь... Кедрин разжал веки. Зеленая полоса виднелась где-то в стороне, передняя часть штанги вошла глубоко в отверстие. Кедрин не чувствовал, как и сам он дрожит, забыв закрыть рот, как течет пот по лицу, — он все не мог оторвать взгляд от того места, в котором должно было произойти и не произошло столкновение громады уже на две трети готового длинного корабля с отвернувшимся даже не в последнюю секунду, но в исчезающе малую долю секунды мастером. Кедрин все держался за штангу, но уже налетели сварщики, засуетились автоматы...

— Ну как? — услышал Кедрин. Он включил гиросуль чересчур резко и несколько раз перевернулся вокруг своей вертикальной оси. Скваммер был тут, в двух метрах, тот самый, с зеленой полосой.

— Это было... страшно, — произнес Кедрин, не сразу найдя слова.

— Бывает вначале... — прохрипел мастер. — Один сектор встал точно. Пожалуй, первая смена — после нас — закончит экран испарительного, если дробь пятый будет поспевать за нами... — Мастер говорил о спутнике крупных деталей. — Я же говорю — установим, сэкономив два дня.

— Но разве можно с таким риском...

— Нельзя, быть может. Но всему есть причины... Штанга сделана точно по отверстию. Если ее подавать медленно и несильно, произойдет самопроизвольная сварка металла: мы в вакууме... Чтобы подавать медленно и сильно, надо вызывать пресс-монтажер с дробь одиннадцатого. Пресс-монтажер будет

возиться с одним сектором часа полтора, это проверено. А на скорости — такой, какая была сейчас, — штанга успевает встать на место. Важна точность наводки, и чтобы не надо было тормозиться, а то без пресс-монтажера уж определенно не обойтись. Я же делаю это не впервые.

— В который же раз?

— Хотя бы во второй... Первый был в порядке эксперимента... Во всяком случае, идя перед штангой, можно направить ее очень точно. Надо только вовремя ускользнуть... Ну, это не большое искусство.

— Но все же рисковать людьми...

Он даже пожал плечами в скваммере.

— Мною не рискуют. Это мое право, у каждого есть право на разумный риск. Разве вам никогда не приходилось рисковать?

— Приходиться-то приходилось... — пробормотал Кедрин.

«Приходилось, только не так. Могла трещать голова, могли лететь предохранители и целые секции Элмо, но я-то сидел в том самом кресле, и со мной ничего не происходило и не могло произойти... Бывает разный риск...»

— Разумный риск, — сказал он, — это когда жизнь человека вне угрозы.

— А если под угрозой жизнь других?

— Платить жизнью за жизнь — так?

— Есть разница, — прохрипел мастер. — Идти на смерть сознательно, зная, что так ты выполнишь свою задачу, и эта задача стоит того, — это одно. Гибнуть без смысла — другое.

«Не бойтесь умереть, бойтесь умереть зря», — вспомнил Кедрин. — Что-то давно не показывается Велигай. Может, это и хорошо? С Велигаем появляются и всякие неприятные события... Но в общем все они здесь мыслят одинаково. А я все еще как-то иначе, по-слепцовски. Значит, я еще не монтажник?»

— Конечно, — продолжал мастер, — к нам это не относится. В том, что мы сделали сейчас и будем делать, риск — процентов пятнадцать. Это даже и не риск, скорее ловкость. Что-то не готовят сектор. Обождите минуту...

По раздавшемуся в телефонах щелчку Кедрин понял, что мастер переключился на какую-то другую волну. Стало тихо, и Кедрин представил себе, что за гомон стоял бы в космосе, если бы в рабочем пространстве все говорили на одной и той же частоте. Голос мастера прервал его размышления:

— Один шов придется переварить. Поторопились... Автомат пошел вперекос, и никто не заметил вовремя... Я схожу туда, а вы за это время можете как следует познакомиться с конусом, слазить внутрь, — не исключено, что вам придется потом заниматься и окончательной регулировкой, стоит осмотреть все, пока еще не поставлены защитные панели...

Мастер запустил двигатель и исчез, устремившись туда, где в пространстве переделывали шов второго сектора.

Кедрин остался один, включил двигатель и медленно обошел конус. По сути дела, это была уже законченная часть корабля, смонтированная, включая оболочку. Здесь уже начиналась отделка. По оболочке медленно ползли полировочные агрегаты,

люди в скваммерах управляли ими, доводя оболочку до ясного блеска астрономических зеркал. Такую операцию кораблю предстояло претерпевать перед каждым рейсом. Полировщики ползали и, казалось, покрывали корпус непроницаемым слоем блестящего вещества, и Кедрину невольно захотелось посмотреть в это зеркало — он еще никогда не видел себя в скваммере.

Зрелище ему понравилось: скваммер и в пространстве выглядел достаточно внушительно, особенно учитывая, что в этом скваммере находился он сам... Кедрину подумалось, что издали конус корабля должен блестеть еще сильнее, особенно если найти такую точку в пространстве, куда он отбрасывает солнечные лучи. Пока переделают шов, пройдет еще, самое малое, полчаса. Почему бы и не полюбоваться из пространства на первую законченную часть оболочки?

Он дал импульс и полетел, закрыв глаза. Пролетев с полкилометра, он включил гиросуль, повернулся и, переведя реверс, полетел спиной вперед, глядя на корабль и отыскивая мысленно нужное направление.

Он отдалялся от корабля и оглядывался по сторонам, прикидывая угол отражения от поверхности конуса и глядя на монтажников, которые теперь все оказались далеко под ним и по-прежнему работали, окружая корабль. Они все были внизу, и по соседству с Кедриним не могло быть ни одного.

И все же один появился в поле его зрения. Он летел откуда-то из пограничного пространства, и летел и не к спутнику и не к кораблю, а устремлялся куда-то в пустоту между ними; двигатель его был включен на полную мощность, но монтажник летел не в позе, принятой для передвижения, а как-то непонятно — ноги были согнуты, обе пары рук подняты вверх, и летел он боком, на половинном реверсе... Кедрин не успел еще по-настоящему удивиться, как понял: монтажник обязательно налетит на резервный гравификсатор, висящий на своем месте в пространстве на случай, если он кому-нибудь понадобится, чтобы «повесить» на время какую-либо крупную деталь или пришвартовать катер. Монтажник летел на фиксатор, и Кедрин успел лишь повернуться в ту сторону, как догонять промелькнувший мимо скваммер стало бесполезным даже и на пределе усиления. Кедрин все же бросился вперед, но столкновение произошло, и Кедрин почувствовал, как будто это его ударило головой о массивную тумбу гравификсатора. Фиксатор дрогнул, но автоматы тотчас же вернули его в нормальное положение, а монтажник полетел дальше, кувыркаясь, и стало ясно, что он и до этого уже был без сознания... Запах, подумал Кедрин, и запах тот самый, необъяснимый и неназываемый, достиг его в тот же миг.

Он напряженно втянул воздух и уже почувствовал приближение того состояния, какое было тогда в спутнике. Его еще не было, но оно обязательно настанет, понял он. Он был один, и рядом не было никого.

Он видел все, что происходило в рабочем пространстве: как сразу несколько человек бросились к разбившемуся монтажнику, подхватили, потащили к спутнику, как сразу же за ним потянулись и остальные, тоже, видимо, поняв, в чем дело, — очевидно, запах дошел уже и до них; зрение фиксировало все

это, а слух доносил повторяемое теперь по всем каналам тревожное: «Атака запаха... Атака запаха...» — и где-то в мозгу даже мелькнула бесстрастная мысль о том, что монтажник этот, очевидно, был из вахты метеорного заградителя. Но все это проходило где-то поверху, а все главное в нем сейчас было сковано страхом.

Запах нарастал. Кедрин больше не думал о том, что делает. Главным было одно: спастись. Он нажал стартер и рванулся, инстинктивно взяв направление на спутник.

Нет, не так легко, оказалось, быть монтажником... Земля плыла где-то в стороне, и на ней была почти стопроцентная гарантия жизни, в ее небе в строгом шахматном порядке висели аэропланы и вакуум-дирижабли Службы Здоровья, которые всегда успевали, которые были обязаны успеть... Здесь же их не было, и не было гарантии, и был запах, который уже насыщал его, и Кедрин успел подумать, что скоро ему больше не захочется дышать, и он перекроет магистраль и тоже, потеряв сознание, ударится обо что-нибудь, и тогда...

Образом невиданного счастья встали перед ним крутые бока спутника с его несколькими слоями надежнейшей защиты против всего, что могло угрожать. Кедрин жал и жал на стартер, стремительно наращивая скорость. В стороне промелькнул корабль, около которого Кедрин должен был поджидать мастера, какая-то запоздавшая фигура мелькнула близ него. Спутник выросал, сейчас на нем были открыты и некоторые резервные люки. Мчащиеся фигуры резко, почти на пределе разрешенного ускорения, затормаживались перед люками и исчезали в них. Все не спуская глаз с люка и чувствуя, что запах словно немного ослаб, Кедрин боковым зрением все же увидел, как скваммеры возникли и справа и слева от него, и ужаснулся: как могли оказаться возле него те скваммеры, которые только что были далеко впереди?

Остальное произошло в секунды: он понял, что скорость, с которой он еще двигался, оказалась слишком сильной. Затормозить было уже невозможно, хотя бы и на пределе... А в тамбуре уже собралось установленное количество скваммеров, проще — он был набит до отказа. Входной люк оделся бронзовой заслонкой в момент, когда уже поздно было не только тормозить, но и перекладывать рули, потому что всякий поворот может совершаться лишь по достаточно пологой дуге, чья кривизна, как известно, зависит от скорости... Кедрин отвернулся. Удар последовал сейчас же, но почему-то сбоку. Гибели не было. Он изумленно взглянул. Шершавый борт спутника мелькал у самого шлема, Кедрин летел вдоль него, по непонятной причине изменив направление полета ровно настолько, чтобы пронестись мимо выступа тамбура.

Наконец он смог затормозиться. Двигатель сработал, и тут Кедрин ощутил второй удар — на этот раз сравнительно мягкий, по плечу. Он повернулся. Другой скваммер держался рядом, также сбавляя скорость.

— Это неразумно... — тоном отвлеченного рассуждения произнес знакомый, даже как будто бы радостный голос. — Брать такой разгон...

— Как это вы?.. — спросил Кедрин. Потом не очень естественно рассмеялся. — Впрочем, в первую очередь надо, кажется, поблагодарить?

— О, не стоит... Впрочем, вам виднее, — последовал вежливый ответ. — Технологически это было не столь сложно: я оказался ближе всех, а перегрузки мне приходилось выносить и не такие. Собственно, мне бы следовало просить извинения за резкое обращение... А теперь будет хорошо, если мы потопоримся в люк, ибо и я чувствую запах.

— Да, — сказал Кедрин, но теперь ему уже не было так страшно. — Поскорее...

Створки люка распахнулись, забирая последнюю партию монтажников. Переваливаясь в туннеле с ноги на ногу, перед тем как выключить рацию — вне пределов туннеля по радио не говорили, — Кедрин услышал, как Велигай задумчиво пробормотал:

— И все же озотаксоры не подали никакого сигнала. Устройство не сработало. Странно...

Странно, подумал Кедрин и услышал щелчок отсоединения. Кедрину оставалось тоже лишь отключить свою рацию. Но он почему-то медлил. И именно он, уже положив палец на выключатель, услышал задрожавший в телефонах тревожный голос:

— Всем, кто ближе к выходу... Всем, кто еще не выключил связь! Счетчики недосчитывают одного человека! Один не вошел! Возможно, несчастье... Два человека, наиболее устойчивых к запаху: на выход! Нужны наиболее опытные... Открываем люк! Дайте ваши номера...

Если бы требовались двести наиболее опытных, то и тогда Кедрин не был бы в их числе. Так что вроде бы и не следовало торопиться к выходу. К тому же был ли он устойчив к запаху? Наверное, нет...

Но связь у него была включена, и он оглянулся — просто для того, чтобы убедиться, что призыв услышало достаточное количество монтажников в скваммерах, монтажников, устойчивых к запаху, опытных, таких, какие были нужны. Ведь не могло быть, чтобы уже абсолютно все отключились и вошли в ту полосу глухоты, которая возникала всякий раз между отключением связи в туннеле и выводом из скваммеров в зале. Этого не должно было быть...

Он оглянулся и, еще оглядываясь, вспомнил, что он был одним из самых последних, вошедших в спутник, да и в туннеле его еще обгоняли. И, оборачиваясь, он уже знал, что именно увидит, хотя и не хотел еще верить в это.

И он увидел туннель, свободный до самого выходного шлюза, и в его длинной светлой трубе — одинокую фигуру. Одинокий скваммер, один-единственный, бежавший к выходу. Бегущий скваммер выглядел очень смешно, над ним стоило посмеяться, но Кедрин не рассмеялся.

Он просто остановился. Шедшие впереди монтажники уходили все дальше и дальше, и это означало, что они успели-таки выключить связь, и на какой-то миг Кедрин позавидовал им.

Они могли идти со спокойной совестью. Они не торопились. Можно было догнать их, и знаком попросить включить связь, и повторить то, что он сам только что услышал. И сразу несколько кинутся к выходу — наиболее опытные и устойчивые к запаху, настоящие монтажники...

«А ты не настоящий монтажник? — спросил он себя. — И разве люди Особого звена не сказали тебе, что теперь с тебя будут спрашивать, как с монтажника, после того как ты понял, сколько можно требовать с монтажника?»

Он медленно повернулся.

«Ты погибнешь, Кедрин, — сказал он себе. — Ты погибнешь».

«Похоже на то, — признал он. — Неустойчив, да и неопытен. Но разве это будет зря?»

«Пусть не зря. Пусть с целью. Кедрин, разве тебе время погибать? Не увидеть больше Земли? А что скажет старик Слепцов?»

«А что, — подумал он, — скажет капитан «Джордано»?»

«Да пусть говорит, что хочет. Я не хочу выходить. И не должен. Не имею права. Седов сам запретил бы мне, если бы знал...»

«Кедрин, а ты разрешил бы ему запретить?»

«Странно, — подумал он. — В скваммере вовсе не так неудобно бежать. Бежать и думать со скоростью Элмо. Да куда там Элмо... Этого я догону. Он опередил меня на каких-то десятых шагов. Интересно, кто это? Может, хоть он устойчив к запаху? От меня будет мало толку, но я не могу не выйти...»

Они вышли одновременно и рванулись прямо с площадки, нажимая стартеры до отказа, заставляя клокотать рвущиеся из двигателей газы. Крутыми спиралями, постоянно меняя курсы, два монтажника ввинчивались в громадную сферу рабочего пространства. Они разошлись в обход. Запах был слаб — непродолжительная, как всегда, атака кончалась, и теперь надо было думать лишь о том, что могло и чего не могло произойти с человеком, который не вошел в спутник... Его нигде не было, и тогда память набрела на улегшийся где-то в уголке образ скваммера, мелькнувшего в последний момент возле конуса длинного корабля.

По крутой дуге Кедрин метнулся к кораблю. И здесь не было ничего живого, только слабо светился индикатор полировочного, оставленного невыключенным полуавтомата. Можно было уже поворачивать к спутнику и честно доложить о том, что терпящий бедствие не обнаружен... Но тут какой-то из добрых духов пространства, а вернее всего, просто интуиция заставила Кедрина заглянуть в узкий люк, куда мог укрыться человек, если он почему-либо не успел уйти до наступления максимума запаха. Инстинкт вел Кедрина верно: в конце длинного коридора, еще полного пустоты, тускло отблескивал скваммер. Он лежал — вероятно, человек в этой скорлупе был без сознания. Несчастье?

Кедрин возился, пытаясь извлечь человека в скваммере из узкого колена коридора, рассчитанного на то, чтобы по нему передвигались в нормальных комбинезонах, а не в этих ходя-

чих танках... Он брался за скваммер и так и этак, и думал о том, как бы подсунуть нижнюю пару рук под скваммер, и о том, будет ли рецидив атаки, как это бывало иногда... Он уже совсем выбился из сил, но позвать на помощь отсюда было нельзя: металл корабля надежно экранировал его, связи не было. Наконец ему удалось захватить терпевшего бедствие под мышки. Обнимая скваммер так крепко, словно он был любимой женщиной, Кедрин едва выбрался из коридора. Ракета судорожно задергалась, разгоняя сразу двоих. Кедрин неся к люку. Второго искавшего не было видно — он, вероятно, уже вернулся. В телефонах щелкнуло — спутник запрашивал. «Есть, — сказал Кедрин, — все в порядке». «Интересно, кто это?» — подумал он, скосил глаза и увидел краешек зеленой полосы на груди чужого скваммера. Значит, это своего мастера выгнали Кедрин.

Створки люка разошлись перед ними и сомкнулись позади. Кедрин внезапно почувствовал неодолимую тяжесть скваммера; неуклюже присев, положил ношу на пол туннеля. Люди, одетые для выхода, обступили его.

— А второй?

— Разве...

— Он не возвращался... — проговорил кто-то. — Надо искать его.

— Запах кончился, — пробормотал Кедрин. — Все равно сейчас выйдет смена.

— Нет. Ты не слышал. Только что патрули дали предупреждение.

— Что на этот раз?

— Протонная атака, — вмешался другой. — Протонная атака... — И сейчас же, словно для того, чтобы подкрепить эти слова, перекрывая голоса собравшихся, раздался призыв централи:

— Всем, кто в скваммерах! Немедленно покинуть выходной туннель. Протонная атака! Всякий выход запрещается! Всем возвратиться в зал, выйти из скваммеров, ждать указаний. Экипаж катера, на борт! Выйдете на поиски. Пострадавшего доставить в зал в первую очередь...

Кедрин нагнулся, чтобы вместе с другими поднять человека в скваммере. Внезапно, расталкивая других, показалась фигура, также одетая для выхода; фонарь скваммера возвышался над остальными, таких на спутнике было не более полудесятка, и это мог быть кто-то знакомый. Стремительными шагами пойдя к лежащему, высокий остановился, и на груди его ланциры сверкнули четыре зеленые полосы.

— Кто? — спросил он, и голос его был выше и резче обычного, словно даже протез гортани отказывал в минуты волнения. — Кто?

Один из стоявших сзади положил руку на плечо Кедрина, и Седов — только он мог носить четыре полосы — шагнул, подошел вплотную. Длинные руки его скваммера протянулись, и Кедрин отшатнулся, но Седов уже обнял его. Никто и не подумал улыбнуться, хотя объятие двух бочкообразных космических костюмов выглядело, наверно, смешно.

Потом шеф-монтер присел, без видимого усилия (хотя это могла быть и заслуга скваммера) поднял лежавшего, прижал его к груди и, переваливаясь, быстро зашагал, почти побежал по туннелю к залу, где только и можно было вынуть из скваммера пострадавшего.

— Почему сам Седов? — вслух подумал Кедрин. — Кто мастер?

Он не получил ответа, потому что еще и еще кто-то клал руку на его плечо, и он понял, что его благодарят. И тогда он спохватился вдруг, что на этот раз вовсе не испытывал страха.

Да, страх ушел. Наверное, надо было, чтобы угроза другому человеку заставила его забыть о том, что угрожало ему самому. Это-то, вероятно, и было тем самым рождением монтажника, о котором говорил ему Гур когда-то — очень давно, показалось ему.

Тем скорее надо было узнать, кто такой мастер. И Кедрин понял, что он уже знает это, хотя еще и не верит. Почему он не понес сам? «Начальникам не дано никаких привилегий, — подумал он, — разве что не спать круглые сутки... Зачем я отдал ему?»

Он думал над этим так, словно бы что-то и в самом деле зависело от того, кто отнесет Ирэн в зал, кто освободит ее из скваммера и проводит в госпиталь. «А если не в госпиталь?» — подумал он и шагнул по направлению к залу.

Он успел сделать едва несколько шагов. Весть, что она жива, распространилась куда быстрее, чем протонная атака, чьи смертоносные потоки, невзначай извергнутые Солнцем, бушевали теперь за стенами спутника. Она была жива, и для него вдруг стало просто необходимо совершить еще что-нибудь.

Кедрин миг потоптался на месте. Стремительно повернулся. И поспешил не в зал, а к боковому выходу — туда, где был уже готов к выходу из эллинга надежно защищенный от излучения аварийный космический катер.

Отливающее золотом каплевидное тело катера еще покоилось на платформе катапульты. Но в его очертаниях уже не было покоя, готовность в любой миг сорваться с места чувствовалась в них. Кедрин торопился. Он видел, как в отверстии люка скрылась фигура последнего из дежурного экипажа и крышка медленно затворилась. Но пока Кедрин находится в эллинге, створки выходного люка не будут открыты.

Поэтому Кедрин не удивился, когда люк отворился снова. Показалось гневное лицо, рука повелительно указывала на выход. Кедрин подступил поближе. Он не мог говорить с этим человеком — у него не было рации. И Кедрин просто заставил скваммер вытянуть руку и указать на задний, багажный люк, за которым — он знал — было место именно для него, потому что влезть в скваммере в пилотский люк было просто невозможно. Командир катера отчаянно замотал головой, губы его быстро задвигались. Кедрин усмехнулся, подошел вплотную к люку и застыл. Он знал, что, экономя время, пилоты будут вынуждены взять его.

Его взяли; задний люк стремительно распахнулся, чуть не задев скваммер. Из проема выдвинулся пологий мостик. Кедрин ступил на него. Сокращаясь, мостик втянул его внутрь, люк захлопнулся. Почти тотчас же створки ворот разошлись, и катапульта швырнула золотой кораблик в пространство.

Катер шел медленно, описывая размашистый зигзаг поиска, непрерывно вызывая по связи. Все наблюдали по секторам. В поле зрения были одни только звезды, их было много, они были далеки. Потом их стало на одну больше. Красная звезда внезапно показалась в поле зрения Кедрина. Свет ее был тепел и трепетен. Это спутник двадцать четыре дробь пять охлаждал в вакууме очередное свое изделие. Значит, скоро транспортная ракета утащит комплект новых деталей к спутнику дробь шесть, где они будут окончательно отделаны и оснащены, а уже потом все это в строгом, давно рассчитанном порядке поступит на их спутник — дробь седьмой — для монтажа. Так из лунного металла рождались в пространстве длинные корабли...

Огонек завода, метнувшись, скрылся из глаз: катер совершал очередной поворот. Возникли новые звезды, их по временам затмевали висящие близко в рабочем пространстве, подготовленные к монтажу детали. Тогда лучи мощных прожекторов катера отражались от их металла, несмотря на покрывавшую его защитную керамическую корку, и заставляли щурить глаза.

Но скваммера не было видно. Потом детали остались позади. Приборы показывали угрожающий уровень радиации за бортом, но здесь было уютно и надежно, и страшно было лишь думать о том, кто сейчас ворочался где-то в пространстве, заключенный в раковину скваммера. Конечно, и это была защита, но время шло, а протонная атака была очень мощной. На всякий случай командир катера запросил спутник, но пропавший не возвращался туда...

Его обнаружили далеко от спутника. В иллюминаторе замелькал огонек, одновременно на экране локатора встал всплеск. Пилот катера взял курс. Пришлось развить скорость: огонек двигался убегая. Его удалось нагнать, когда уже была пройдена граница рабочего пространства. Скваммер летел по прямой, удаляясь в непостижимую бесконечность, прожектор на груди скваммера горел ровным и холодным светом. Катер слал вызовы по связи, пробуя все каналы. Ответа не было. Вскоре катер порванялся со скваммером, но летящий не остановился. Ноги панцирного костюма были вытянуты, руки прижаты к бокам. Такую позу обычно принимали для полета.

В лучшем случае, человек был без сознания... Кедрин торопливо скользнул обратно в багажную камеру, влез в свой скваммер. Несколько секунд он мог пробыть за бортом без особого риска. Пилоты молча кивнули; соглашаясь, командир включил автоматику выхода. Кедрин нырнул в пустоту. Затрещал дозиметр, прерывисто запыхал индикатор... Обхватив скваммер руками, Кедрин направил его к открытому провалу люка.

Потом он забрался в камеру сам. Катер описал широкую ду-

гу разворота. Кедрин томился в скваммере, выбраться из него было нельзя — два скваммера и так едва умещались в тесной камерке, оттого-то его и не хотели брать катерники. Сейчас в багажной камере совсем не оставалось свободного пространства, хотя рядом, за нетолстой оболочкой, его было столько, сколько не пожелает и человек с самыми широкими замыслами.

Это было неудобно и страшно — стоять, прижимая собою к стене другой скваммер, ставший, судя по всему, последним пристанищем безыменного пока монтажника. Было страшно думать, что же могло случиться с ним, с первым, кто бросился спасать оказавшегося в беде, и вот сам... Во всяком случае, не радиационная атака была причиной этого — человек не мог так быстро лишиться сознания, не говоря уже о худшем. А Кедрин почему-то предполагал именно худшее, как будто мертвый холод второго скваммера добрался до него и проник до мозга костей, и Кедрин чувствовал, что еще немного, — и он задрожит мелкой, унижительной дрожью, потому что ему никогда не приходилось находиться так близко к смерти. Да, задрожит, хотя в скваммере был включен подогрев и с лица Кедрина лил пот, да и если бы он даже в действительности почувствовал холод того, второго скваммера, что из того? Все скваммеры холодны снаружи...

(Окончание следует)

В. ИВАНОВ-ЛЕОНОВ

СЕКРЕТ ТВАЛЫ

Приключенческий рассказ

олмистая саванна грелась в лучах утреннего солнца. В высокой траве сверкали крупные капли росы. На зеленых отлогих склонах полыхали цветы алоэ.

Твала, мальчишка-африканец, узкоплечий, с длинными худыми ногами, пересек впадину, заросшую древо-видным папоротником, и стал подниматься по склону холма.

Одет он был в старую рубаху и бумажные шорты, стянутые ремнем. Плотная шапка курчавых волос вполне заменяла ему шляпу. Темно-коричневое лицо Твалы было озабоченно, короткие широкие брови нахмурены. Он нарушал строжайший запрет: шел на ферму бура¹ Фан Никерка. Там работали батраками его мать и старший брат Фрэнк. Мать и слышать не хотела, чтобы Твала навещал ее, а Фрэнк даже обещал поколотить его, если Твала вздумает заявиться. «Сиди в своей школе и не высовывай носа», — сказал он.

И дело было не в том, что мать и брат не хотели видеть Твалу или не любили его. Все объяснялось иначе. Дети батраков с десяти лет должны были работать на плантациях землевладельцев. Таковы правила в Южно-Африканской Республике. А Твале исполнилось уже тринадцать, и он тайне от хозяина все еще учился в школе. Бур не знал о его существовании, а если бы узнал...

Твала тщательно хранил свой секрет. Даже товарищи мальчика не знали, что его мать работает на соседней ферме, всего в шести километрах. И мать никогда не приходила к младшему сыну, опасаясь, как бы вести об этих посещениях не дошли до ушей хозяина.

Твала тосковал по матери и брату. А тут еще поссорился со своим другом Тембе. Тоска по дому стала невыносимой. К другим по воскресеньям приходили матери и братья, а к нему никто никогда.

Ну, разве нельзя незаметно пробраться в хижину матери? Ведь никто не знает его в лицо там, на ферме. Почему люди должны сразу догадаться, кто он? Мало ли народу ходит по степи!

Твала медленно поднялся на вершину холма. Зеленая бескрайняя саванна терялась в далекой дымке.

На невысоком сером утесе, поднимающемся из травы, сидела стая павианов и молчаливо рассматривала приближавшегося мальчика. Павианы — частые гости на кукурузных полях — прекрасно отличают вооруженного человека от безоружного. Они не боятся ни детей, ни женщин, понимая, что те не могут причинить им вреда. Старый вожак с длинной собачьей мордой не выразил никакого беспокойства и осматривал Твала скучающим, немного презрительным взглядом.

С вершины холма Твала посмотрел на школу, стоящую в стороне от дороги, и решительно зашагал к ферме по высокой, достигавшей колен траве. Он шел быстро. Разноцвет-

¹ Бур — потомок голландских поселенцев в Южной Африке.

ные, словно кусочки радуги, птицы вырывались из-под его ног.

И вдруг впереди он увидел группу вооруженных африканцев. Они спускались со склона прямо на Твалау. Он замедлил шаг и нырнул за пахнущие мятой кусты умсузваны. Издали он не мог определить, кто эти люди: полицейские какого-либо вождя или партизанский отряд «Копья народа».

Твала спрятался. Когда африканец видит полицию, он предпочитает исчезнуть.

Отряд был вооружен копьями. Только у двоих за плечами висели винтовки. Первым шел человек лет сорока с жидкой курчавой бородкой и выпуклым круглым лбом, — видимо, командир. На нем были черный свитер с красной полосой поперек груди, помятые брюки хаки и поношенные ботинки. Все остальные были молодыми парнями.

Полицейские-африканцы не имеют винтовок. Европейцы не доверяют им огнестрельного оружия. Твала был почти уверен теперь, что это партизаны.

Вооруженные люди направились к мимозовой роще и исчезли в ней. В открытом вельде¹ лишь изредка кое-где росли отдельные деревья, и роща была единственным местом, в котором можно было надежно спрятаться и переждать до ночи.

Твала выждал некоторое время, потом зашагал к ферме и вскоре достиг гребня холмистой гряды. Прячась за низкое раскидистое дерево, он глядел на белый дом плантатора Фан Никерка. В полукилометре от дома теснились глинобитные, крытые соломой хижины батраков-скваттеров².

Твала долго и настороженно осматривался. На кукурузном поле работали батраки. Трое конных надсмотрщиков в фетровых шляпах с обвислыми полями наблюдали за ними. За поясом у каждого торчал кнут.

Рядом на земле зоркие глаза Твалы заметили двух маленьких лиловых птичек, которые лежали на спинках, поджав черные лапки. Кругом валялись засохшие большие шмели. Твала понял, в чем дело. Он осмотрел цветущее дерево и убедился в своей догадке. Это было смертоносное мричу, из коры которого охотники изготавливали раньше яд для своих стрел. Птицы и шмели, видимо, попили воды из лепестков его розовых цветов. Твала с опаской попятился, обошел дерево.

Прижимаясь к земле, Твала пополз через поле сорго к поселку. У края поля он приподнялся и увидел мать. Она стояла на коленях около маленькой, без окон хижины и большим деревянным пестом толкла кукурузу в каменной ступе. Невдалеке прямо на земле сидела старуха и, закрыв глаза, курила длинную трубку.

Твала выскочил из зарослей сорго и шмыгнул в дверь хижины.

---

¹ Вельд — южноафриканская степь.

² Скваттер — батрак с наделом земли, за которую он должен работать на хозяина.

— Ло! — встревоженно крикнула мать, вбегая вслед за ним. — Это ты?

— Мы вас видим, — произнес Твала обычное приветствие зулусов. — Сегодня воскресенье, и я пришел. — Он держался так, словно ничего особенного не произошло.

— И мы вас видим, — приветствовала его мать без всякой радости. — Разве Твала забыл, что ему говорили?

В полумраке он различал ее прямую сухую фигуру, руки с большими кистями. Ему было жалко испуганную мать и в то же время обидно за холодный, неласковый прием. В дверях показался брат Фрэнк.

— Мы вас видим, — начал было Твала, но брат оборвал его:

— Этот маленький осел все-таки пришел! Тебя выгнали?

— Пусть тысяча муравьев укусит тебя! — рассердился Твала. — Выгнали!.. Учитель сказал, что я скоро буду первым учеником в классе.

— Первым!.. Вот хозяин поймает — сразу станешь последним. Мы заключили контракт, а по контракту все члены семьи обязаны — понимаешь, о-бя-за-ны! — работать на фермера.

— Мы отдали все деньги за твою школу, — сказала мать. — Надеялись, что станешь клерком в какой-нибудь конторе, а ты пришел.

— Я не нанимался на ферму, — огрызнулся Твала, хотя прекрасно знал и о контракте и о существующих порядках. — Не беспокойтесь, завтра уйду.

— Нет, уходи сейчас, — сказал Фрэнк.

— Твала уже пришел, так что он здесь, — вступилась мать. — Никто не видел его. Садись похлебай сьиньги, Твала. Смотри, сколько в ней плавают кусков тыквы и сала.

Твала обиженно покосился на брата и принялся за еду. Он ел, оглядывая пустую темную хижину. Все имущество семьи поместилось бы в небольшом узле.

Твала успокоился немного. Он открыл было рот, чтобы рассказать о том, как учитель приехал к ним из Йоганнесбурга, но у проема двери кто-то остановился. Человек заглянул в хижину и сразу исчез.

Фрэнк схватил Твалу за руку.

— Иоханнес, сын старшего надсмотрщика, чтобы ему накололось на кость змеи! Сейчас побежит к хозяину.

— Куда денем Твалу? — всполошилась мать.

— Не надо его прятать! Беги обратно! — Фрэнк подтолкнул Твалу к двери.

Твала перебежал пыльную, вытопанную площадку и нырнул в сорго. Ползком он пересек поле и, тяжело дыша, остановился около дороги. Мимо него ехал европеец в большом фургоне, запряженном тремя парами медлительных волов. Пришлось ждать...

Позади послышался топот. К хижине матери подскакали трое буров. Твала видел их сквозь метелки сорго. Один из них — мальчишка лет четырнадцати с выгоревшими бровями, должно быть тот самый Иоханнес, сын старшего над-

смотрщика, — держал в руке большой черный пистолет. Молодой бур в шортах, с обветренным, загорелым лицом и белой полосой на лбу от шляпы, видимо сам плантатор Фан Никерк, стал допрашивать Фрэнка. Послышалась ругань на языке африкаанс¹.

Со стороны фермы не спеша подъехали еще пять всадников, вооруженных карабинами. На них были одинаковые широкополые шляпы.

Иоханнес, красный от волнения и охотничьего азарта, заметил в сорго свежую тропку. Он сообщил об этом Фан Никерку.

— Поезжай с Иоханнесом, де Вет, — сказал Фан Никерк старшему надсмотрщику. — Посмотри-ка там. Парень не мог далеко уйти.

Лоб Твала сразу покрылся потом. Куда спрятаться? Пригнувшись, он выскочил на дорогу, пробежал вдоль нее десяток шагов и снова нырнул в то же самое поле сорго. Иоханнес с отцом промчались мимо него, пересекли дорогу и поскакали вверх по склону, ломая кусты.

Твала видел и слышал все, что происходило у хижины матери. Двое охранников закрутили Фрэнку руки за спину и повалили его.

— Ну, ионг², — обратился Фан Никерк к Фрэнку, — где твой брат?

— Никого не видел.

— Так, — процедил бур. — Всыпьте-ка ему штук двадцать. Сразу заговорит по-другому.

Пожилой охранник с морщинистым лицом взял кусок шланга для поливки и стал наносить удары по спине Фрэнка. При каждом взмахе Твала весь сжимался, словно шланг опускался не на брата, а на него. Пальцы его дрожали, и он стиснул их в кулак.

Фрэнк молчал, ни разу даже не поднял головы.

— Хватит с него, — сказал, наконец, Фан Никерк. — А то завтра на работу не выйдет. Знаю я их.

Фан Никерк повернулся к матери.

— Ты подписывала контракт? Хочешь, чтобы и тебе всыпали?

— Человек не приходил, баас³, так что его нет.

— Значит, не скажешь?.. А вы? — повернулся он к вооруженным людям, стоявшим около него. — Я содержу вас, целый отряд, кормлю, плачу вам деньги, а по моей земле может разгуливать любой бродяга! А если бы это был лазутчик «Копий»? Дайте ей как следует! — рявкнул Фан Никерк, поворачиваясь к матери Твала. — Сразу вспомнит, где она его прячет!

Твала, чувствуя, как все холодеет в нем и тело становится каким-то чужим, поднялся из сорго навстречу вооруженным людям.

¹ Африкаанс — язык буров, измененный голландский.

² Ионг — парень (африкаанс).

³ Баас — господин (африкаанс).

— Не трогайте ее... Вот я, Твала.

Все головы повернулись к нему.

— А, пришел... — Фан Никерк разочарованно рассматривал маленькую фигурку. Он махнул рукой, чтобы отпустили мать. — А ты говорила, человек не приходил. Будет пасти у меня овец. Если сын убежит, я передам тебя полиции за нарушение контракта. Получишь плетей и будешь работать бесплатно.

— Дурак ты, Твала! — Фрэнк с трудом поднялся и с ненавистью посмотрел вслед удалявшимся всадникам. — Учись вот теперь здесь, с овцами.

— Весной уйдем в другой район и опять отдадим тебя в школу, — говорила мать, стараясь ободрить сына...

Твала сидел в хижине на грубо сколоченном табурете и глядел в одну точку. Похлебка-сьиньга давно остыла. Твала думал о школе, об учителе, который завтра будет огорчен, узнав о его судьбе. Что ж, придется пасти овец.

Наступал вечер, когда вошел сосед — парень лет двадцати, с медными проволочными браслетами на щиколотках. Он подозрительно взглянул на незнакомого паренька, подсел к Фрэнку и стал что-то тихо говорить. До Твалы долетели обрывки шепота: «Плантаторы... облава... отряд «Копий».

Не глядя на парней, Твала сказал:

— Я знаю, где «Копья».

— Где? — парень встrepенулcя.

— Для тебя — далеко, для меня — близко.

— Это свой человек, Твала. Ты правда их видел? — спросил Фрэнк, приподнявшись на жесткой постели. — Плантаторы напали на след партизан и готовят облаву. Надо предупредить их.

— Ну, мне пора возвращаться в дом Фан Никерка, — сказал парень. — Меня могут хватиться.

Он ушел.

Твала рассказал брату о роще, где прятался отряд.

— Сейчас они не уйдут из укрытия — кругом голая саванна, а до ночи я доберусь туда. — Твала встал.

— Постой. Скажешь командиру отряда Моконе, что ты от меня, от Фрэнка. Понял? А то не поверят тебе...

В полумраке Твала увидел около дома плантатора толпу. Люди подтягивали подруги, подгоняли стремена, садились в седла.

Стемнело, когда Твала перебрался на другую сторону холмистой гряды. Он скатился вниз и помчался к роще.

Он бежал долго. Дыхание его стало тяжелым, горячим, пот заливал глаза. Колючие кусты сенсеверии преградили ему дорогу. Благоразумнее было бы обогнуть их. Но Твала спешил и не щадил себя. Он вломился в кусты. Шипы вонзались в ноги, в лицо. Твала старался защитить лишь глаза. Весь в крови, он выбрался, наконец, из кустарника.

На фоне заката слева от Твалы появились фигурки всадников. Они ехали неторопливой рысью, и постороннему

могло показаться, что это возвращаются домой мирные фермеры. Но Твала понял: они хотят незаметно обойти, окружить отряд. Он подумал о том, что среди плантаторов был Фан Никерк — хозяин и враг. И злобное чувство охватило мальчишку.

Горло Твалы пересохло. Земля качалась под ним. Он испытывал странное ощущение, словно ноги его уже не принадлежали ему. Он боялся упасть, прежде чем доберется до партизан. Неожиданно темный горизонт вздыбился перед ним, земля саванны стала стеной, опрокинулась. Твала упал. Несколько секунд он лежал. И словно опять увидел, как допрашивают мать и брата...

Твала поднялся. Ломило под ложечкой, но он, преодолевая боль, побежал...

Сзади послышался отдаленный стук копыт. К роще напрямик пробиралась основная группа фермеров. Они догоняли Твалу.

Роща была уже рядом. Но перед ней небольшой подъем. Твала почувствовал, что силы покинули его, ему не взобраться вверх по склону. Тогда он опустился на четвереньки и пополз.

Когда часовой — высокий зулус — окликнул его, Твала едва мог сказать: «Облава!» Подбежал командир отряда Моконе, Твала разглядел в темноте поперечную полосу на его свитере.

— Облава! — повторил Твала.

Командир не закричал, не засуетился, как ожидал Твала. Он спросил спокойно:

— Ты откуда появился?

— Я от Фрэнка. Облава!

— От Фрэнка? — переспросил Моконе.

— От Фрэнка. Это мой брат.

— Бежать можешь?

Твала, качаясь, поднялся на ноги.

— Могу. Но куда бежать? Они окружили вас.

— Держись около меня. Пойдем туда! — Моконе, обращаясь к отряду, указал в сторону основной группы фермеров. — Им навстречу пойдем.

Никто не возразил. Твала хотел было сказать, что врагов много и что у них винтовки, но побоялся, как бы его не сочли трусом, и промолчал.

Отряд ринулся навстречу всадникам. Твала напрягал все силы, чтобы не отстать. Моконе тяжело сопел, но бежал ровно и быстро, держа в руке винтовку. Он явно спешил куда-то, и это удивляло Твалу. Ведь бой можно было дать и здесь, не тратя напрасну силы.

Партизаны быстро сближались с основной группой противника. Гудела под копытами лошадей земля. Порывистый ветер доносил тяжелое дыхание коней, скрип седел, звон подков о камни. Всадники были совсем рядом. Слышались отдельные перекликающиеся голоса. Сейчас начнется бой. Твала почувствовал холодок в груди. Внезапно командир остановился. Впереди темнел откос оголенного склона.

Что это?

Моконе потянул Твалу за руку, подтолкнул в сторону осыпавшегося склона.

— Полезай!

Вначале Твала ничего не понял. Но вскоре он увидел перед собой черное отверстие норы, протиснулся в него и пополз в темноте, осторожно ощупывая путь перед собой. Пахло свежей, вскопанной землей. Было душно. Кто-то, полз сзади, подталкивал его. На голову и спину Твалы сыпался песок. Вскоре вход расширился и превратился в небольшую пещерку. Твала поднялся. Его прижали к дальней стене. Рядом с ним в темноте, плотно прижавшись друг к другу, стояли партизаны. Молчали. Если враг обнаружит их здесь — всем конец. Прошло несколько томительных секунд. Послышался глухой топот. Всадники поравнялись с пещерой и остановились. Твала услышал голос Фан Никерка:

— Они здесь, рядом, ребята! Смотрите зорче, не упустите!

Твала не дышал, ожидая самого страшного. Толпа сбившихся около него людей застыла в немом напряжении. Но лощади тронулись, побежали в сторону рощи.

— Ушли, — сказал спокойно командир, стоявший неподалеку от Твалы. — Поехали искать нашу смерть в рощу. Ну, теперь вылезайте, живее!

Отряд выбрался из пещеры и, вытянувшись в цепочку, направился к ферме Фан Никерка.

У поселка батраков Моконе простился с Твалой.

— Ну, спасибо тебе, — он, улыбаясь, протянул руку Твале. — Подрастай и приходи к нам, — сказал он. — Прощай, ходи осторожно...

Через полчаса со стороны дома плантатора донесся шум. Твала выглянул из хижины. Жилище Фан Никерка полыхало. В свете пламени бегали фигурки людей с копьями. Огонь вылетал из окон, лизал крышу.

Фрэнк с крихтением поднялся с постели, подошел к двери и зло улыбнулся.

Твала смотрел на огонь, серьезный, повзрослевший, и думал о том, что он не напрасно провел свой первый день на ферме.

Фантастический рассказ

Рисунок Г. КОВАНОВА

Джес потуже затянул гравитационный пояс и взмыл вверх. Вылетев из дверного проема шестидесятого этажа, он смешался с толпой на высоте двух тысяч футов.

Через несколько минут показалось овальное здание, в котором размещалось главное правление Супер-Контролекса. Джес оторвался от общего потока уличного движения и помчался вниз по строго заданной спирали под подозрительным взглядом полисмена в золотистом панцире. Он приземлился у проема восьмидесятого этажа и по широким коридорам пробрался в огромный зал, центр которого занимала цилиндрическая стена, почти целиком покрытая множеством распределительных щитков, контактов и дисков с цифрами.

За широким стеклом кабины главного управляющего виднелась фигура Дирдона. Здесь, на виду у всех, он принимал жалобы на цели и смысл закона о реестре. Такова была традиция Супер-Контролекса: жалобщики сразу же попадали в самую высшую инстанцию, а твердая позиция шефа оказывала благотворное влияние на дальнейшее столь же непримиримое поведение мелких сошек — контролеров, которые в настоящее время присутствовали в зале.

На экране видеофона шефа маячила фигура в мундире чиновника Бюро брачных союзов.

— Вы желаете подать нам жалобу? — спросил фигуру Дирдон.

— Глаза бы мои вас не видели, — возопило Бюро супружеских союзов. — Это какое-то узаконенное жульничество! Это же какая-то дичь с этим новым законом. Я понимаю, что можно запатентовать какое-нибудь произведение искусства или изобретение. Но распространять это на разговорную речь, на самые обычные обороты речи...

— Минуточку! — прервал его Дирдон. — Я полагаю, что вам случалось покупать поздравительные открытки?

— Случалось, ну и что же?

— А чем они, по-вашему, являются? Просто кусками бумаги с парой слов, выражающих какое-либо чувство. С несколькими словами, которые каждый может сам...

— Естественно, что любой кретин сумел бы лучше выразить свои чувства, чем эти дрянные открытки.

— И, несмотря на это, вы их иногда покупаете?

— Да... бывает...

— А почему?

— По-видимому, потому, что они избавляют меня от необходимости писать, — пробормотал тот.

— Согласен. Но вы ведь платите за эти несколько дурацких слов. И платите добрыми солидными кредитками. Потому что открытки эти запатентованы и охраняются законом. Так почему же отказывать в правовой защите собственнику выражения в тех случаях, когда кто-либо использует это выражение в разговоре?

— Но ведь я вовсе не собирался нарушать закона о патентах! — воскликнул человек на экране. — Я и не подозревал, что выражение это запатентовано. Да и откуда мне было знать? Их прибывает с каждым днем, ежедневно кто-то заявляет о своем исключительном праве! Еще немного, и уже не останется ни одного свободного слова!

— Вот и неправда, — возразил Дирдон. — Закон о регистрации — это подлинное благодеяние для общества. Параграф семь в качестве неперемного условия опатентования ставит тривиальность выражения. При этом назначаются штрафы за банальность и пошлость, что, конечно, является делом справедливым и полезным. Вы сами должны стыдиться пошлых и тривиальных выражений и поэтому должны испытывать только благодарность к нашим контролерам. Они заставляют вас выбирать слова и продумывать их перед тем, как произнести вслух.

— Послушайте, вы, надутый болван...

— Вот видите, — продолжал Дирдон в ораторском запале, — вы уже сейчас обогащаете ваш язык, проявляете словотворчество, отказываясь от избитых оборотов речи!

Бюро брачных союзов с отращением поморщилось.

— Черт с вами, ничего тут...

«Дзинь!» — прозвенел контролекс Джеса.

Чиновник Бюро брачных союзов только глухо застонал, когда увидел контролекс Джеса, на котором вспыхнул красный огонек. Новое нарушение! Джес весело улыбнулся и включил громкоговоритель.

— М-зет, Р-14, — послышался механический голос. — Восемь

часов тридцать минут. Контролекс 27965 регистрационного контролера Джеса зафиксировал нарушение...

Чиновник Бюро брачных союзов, фигура которого маячила на экране видеофона, закрыл ладонями уши. Минуту спустя он опустил руки и тупо глядел на шефа и контролера. Дирдон насмешливо улыбаясь, одобрительно поглядывая на Джеса.

— Сколько с меня? — спросило Бюро.

— Десять кредиток за употребление выражения «черт с вами», — ответил Джес. — Счет мы вам вышлем.

Когда Джес, наконец, отошел от окна, лицо Дирдона сияло благодушием.

Выйдя из поля зрения шефа, Джес недовольно поморщился: подобные трюки хороши для новичков или для тех, кто старается лишний раз попасться на глаза начальству, но в его положении не было выбора.

Он поздоровался с несколькими сотрудниками, но в разговоры с ними не вступал. Он не смог бы настроиться на веселое настроение тех, кто со смехом рассказывал, как ловко им удалось поймать различных нарушителей. Джес подошел к цилиндрической стене, подключил свой контролекс и нажал кнопку с надписью «Пополнение реестра». Он подождал, пока жужжание утихло, что означало: запоминающее устройство прибора пополнилось всеми выражениями, которые в последнее время были занесены в список запатентованных. Потом Джес зашел в рекевизиторскую, где выписал требование на футляр для счетчика засоренности воздуха, в котором он замаскировывал свой контролекс. Чья-то рука коснулась его плеча.

— Как дела? — окликнул его контролер Платт, худощавый и франтоватый тип, к которому Джес испытывал искреннюю неприязнь. — Я как раз возвращаюсь с ночного дежурства. Можешь поздравить меня с недурным уловом.

— Поздравляю! — неохотно отозвался Джес. Платт специализировался по нарушениям в окрестностях парка и озер, где влюбленные все еще продолжали повторять слова, уже давно не новые, но все еще не утратившие свою ценность.

— Моим неисчерпаемым источником кредиток был старый почтенный свист, который издавна многие издают при виде женщины. Оплата — сто кредиток.

— Но ведь это вовсе не выражение! — поразился Джес.

— Нет, но ни в тривиальности, ни в пошлости ему не откажешь. Вот его и внесли в патентный реестр.

— Ничего себе! В следующий раз мы вдруг узнаем, что под охраной закона состоит глубокий вздох или звук поцелуя.

Платт расхохотался, плененный подобной персьюктивой. И пока Джес, морщась, прилаживал контролекс к футляру счетчика засоренности воздуха, Платт потчевал его дальнейшими подробностями своей ночной охоты, которая принесла ему неплохой заработок:

— Заметил я одну дамочку. Очень недурна! Сидит она, голубушка, с каким-то типом в парке на лавочке. Объятия у них идут полным ходом! И тут она говорит: «Знаешь ли, это мой первый поцелуй!» Тррах — и пятьдесят кредиток штрафа! Еще одну пару я застал в лодке у берега. Обстановочка — луна, озеро... Этот ее тип и говорит: «До сих пор я и не думал о же-

нитьбе, но теперь...» Не успел он сделать предложение, а тридцать кредиток ему уже пришлось выложить. Да, неплохая жатва! В последние дни в реестр внесли целую кучу душеспасительных словечек, а об этом еще никто не знает!

— Недурная идея! — проворчал Джес, который, с одной стороны, не любил наживать себе врагов, а с другой — не хотел откровенно говорить, что он думает о подобных источниках заработка. — Я, правда, составил себе на сегодня другой план. Но идея эта недурна, и я при случае ею воспользуюсь.

А куда ты сейчас отправляешься?

Джес с облегчением услышал резкую трель звонка, которым оповещали контролеров, что пора, наконец, бросать сплетни и отправляться в погоню за нарушениями и прибылями предприятия. Толстый чиновник, сидящий на балконе, откуда был виден весь зал, с возмущением отметил, что сегодня, как обычно, никто не обращает внимания на сигнал. Он нажал кнопку на своей таблице, и зал начал наполняться газом с отвратительным запахом. Контролеры поспешно хватали приборы и выбегали наружу.

Джес устأنовил свой пояс на скорость тридцать миль в час и поравнялся с незнакомцем в сером мундире гражданина без определенных занятий. При виде его истощенного лица Джес настолько расчувствовался, что даже и не попытался прятать свой контролекс в футляр для счетчика. Нужно уж совсем потерять всякие остатки совести, чтобы заработать на таком бедняге. «Пусть видит и следит за собой! А инспекция может думать обо мне, что ей заблагорассудится!»

Тем временем гражданин без определенных занятий внимательно приглядывался к раскинувшейся перед ними панораме огромного города. В воздухе носились миллионы граждан, летящих в самых различных направлениях. На дне узких ущелий, образуемых провалами между домами, вились узкие пешеходные дорожки, усеянные человеческим муравейником.

— Отвратный видик, не правда ли? — спросил Джес.

В ответ незнакомец посмотрел на него долгим печальным взглядом.

— Это зрелище кажется мне великолепным. Особенно по сравнению с тем, куда мне предстоит лететь.

Джес был поражен:

— То есть как это?

— Меня внесли в списки несостоятельных, — признался незнакомец. — На моем счету не осталось ни одной кредитки, и правление Банка обратилось в Бюро опеки. Еще месяц назад у меня была собственная мастерская по ремонту гравитационных поясов. Однако появились новые пояса, которые не портятся... Мастерская прогорела, а конец известен.

— Боже мой! — вздохнул Джес. — Это ужасно! Но почему вы говорите о каком-то отлете? Останетесь здесь, хотя вас и определяют на какую-нибудь тяжелую работу — под землю или к кабельным линиям.

— Значит, еще не знаете? — грустно улыбнулся человек. — В последнее время в списки несостоятельных попало столько мелких предпринимателей вроде меня, что Бюро опеки уже не

может обеспечить нас даже такими работами. А по закону каждый должен быть обеспечен каким-либо занятием. И надо же такое несчастье — как раз теперь открывают новые шахты на Марсе, и там не хватает рабочей силы. У меня нет другого выбора.

— На Марсе? — испуганно повторил Джес. — В этой мельбонитовой пыли? Ведь достаточно, чтобы одна-единственная песчинка ее попала под защитный комбинезон — и возникают ожоги, которые до сих пор не научились лечить! — И, взглянув на гражданина без занятий, он добавил ободряюще: — Я, правда, слышал, что теперь комбинезоны безукоризненной конструкции. Абсолютно надежные.

— Не вполне, — отозвался человек в сером мундире. — Герметизацию-то наладили, да с вентиляцией ничего не получается. А когда стали налаживать новые вентили, то сквозь них попало столько пыли, что... — он безнадежно махнул рукой. — Вот и приходится пользоваться старыми комбинезонами. Живьем хоронят!..

«Дзинь!»

Контролек Джеса загорелся пурпурным огоньком. «Заживо хоронят» было старомодным сентиментальным выражением, которое какой-то ловкач раскопал в словарях и запатентовал, надеясь заработать пару кредиток.

Пока Джес совершенно обалдело выслушивал, как механический голос объявляет о нарушении и определяет сумму штрафа — четыре кредитки, — человек в сером мундире горько произнес:

— Только этого мне еще не доставало до полного счастья! Благодарю тебя, приятель, за приятный сюрприз.

Джес выключил контролек.

— Послушайте, — поспешно проговорил он, — это была простая случайность. Штраф пойдет на мой счет. Берите, — он вытащил из кармана четыре серебристых квадрата и сунул их в руку гражданина без определенных занятий. — Сохраните эти кредитки и расплатитесь ими, когда вам будет прислан счет. Ладно?

— Спасибо, — отозвался тот с благодарностью. — Я вас никогда не забуду.

Невеселая усмешка искривила губы Джеса.

«Возможно, что это будет не так трудно сделать. Не исключено, что в следующем транспорте мы окажемся на соседних местах. Мой Банк уже прислал мне уведомление о недостаточности доходов. Если сегодня не удастся прилично заработать, то и меня без лишних разговоров упакуют в ракету — и в шахту».

Гражданин без определенных занятий собрался было пожелать ему успеха, но Джес поспешно прервал его:

— Тсс, выражение запатентовано! Но вы не огорчайтесь.

— Угу, сердце мое будет сопутствовать тебе в твоих трудах, — отозвался тот, старательно подбирая слова. — Руки моего сочувствия будут поддерживать тебя изо всех сил. А сейчас они обнимают тебя на прощание.

— Великолепно! — воскликнул Джес. Он пожал руку буду-

щему обитателю Марса. — Мне это и в самом деле нравится. Есть в этом какая-то свежесть и выразительность.

Они улыбнулись друг другу и разлетелись в разные стороны.

Вскоре Джес оказался в лабиринте глубоких провалов, отделяющих один небоскреб от другого, но вместо того, чтобы взмыть вверх, опустился еще этажей на сорок и принялся кружить на этой высоте, инстинктивно прикрывая нос, поскольку воздух здесь был ужасный. В голове у него промелькнула мысль, что при нынешнем уровне техники совершенно недопустимо терпеть подобные антисанитарные условия. Но воспоминание об угрозе Банка тут же вернуло его к действительности. Сейчас для него главное не состояние санитарной службы города, а состояние его счета.

Джес живо направился туда, где по его предположениям имелась возможность прилично заработать, — в отдел личного состава Главного управления по борьбе с засоренностью воздуха. Выключив гравитационный пояс, он прошел по темному коридору и очутился в мрачном помещении, где группа инспекторов взволнованно дожидалась своей очереди.

Джес присоединился к ним. Его инспекторская форма не привлекла внимания. Подобно остальным, он уселся на одной из жестких лавок и прислушивался к отдаче рапортов, которые принимал добродушный лысый господин, сидящий за барьером. Перед ним стоял худой и взволнованный инспектор с бледным и измученным лицом.

— Да, у вас безупречный послужной список, — говорил чиновник личного состава. — Ни одного прогула за пять лет, ни одного опоздания. Мне вас не в чем упрекнуть.

— В таком случае я могу рассчитывать на повышение? — в голосе инспектора послышались проблески надежды. — Мне уже два года обещают.

Чиновник откашлялся, но сияющая улыбка так и не сошла с его лица.

— Как только наметится малейшее улучшение в делах, вы получите и повышение в должности и прибавку...

«Дзинь!»

Среди ожидающих воцарилось веселое оживление, когда Джес нервным движением достал контролекс, спрятанный в футляре счетчика засоренности воздуха и процитировал взбешенному чиновнику причитающийся с него штраф: пятьдесят кредиток за употребление запатентованного выражения. «Как только наметится улучшение в делах, вы получите и повышение в должности и прибавку».

Кто-то из инспекторов сказал:

— Ну, теперь нашему шефу придется хорошенько пошевелить мозгами, пока он сумеет придумать новую формулу для одурачивания простачков.

В следующие три часа Джес работает без передышки. Ему удалось получить двадцать кредиток с распорядителя телетеатра, который выкрикивал: «Полно свободных мест!» Другое нарушение было замечено за каким-то типом с сизым носом, который шептал барменше: «Эта уже последняя!» Джес приостановился подле телефонной будки, и минуту спустя его контролекс зазвенел под действием слов какого-то смазливового субъек-

та, мурлыкавшего в трубку: «Знаешь, дорогая, у нас сегодня такая масса работы, мне придется задержаться допоздна».

Время летело незаметно, и, когда Джес решил перекусить, он с удивлением обнаружил, что рабочий день его уже подходит к концу, а заработок... Сумма приличная, но как ей далеко до той, которая необходима, чтобы Банк истребовал обратную рекламацию о несостоятельности! Да, на мелких штрафах в двадцать-тридцать кредиток не разбогатеешь.

«Мне необходимо что-то поистине чрезвычайное», — подумал Джес.

Дрожащими пальцами он нащупал кнопку на боковой стенке контролекса.

Аппарат засиял голубым светом.

— Информация! — проскрежетал механический голос.

— За что, — охваченный внезапным приступом решимости, спросил Джес, — за что назначены штрафы от тысячи кредиток и выше?

Несколько мгновений спустя тот же голос оповестил, что в последнее время запатентованы многие политические лозунги в связи с ведущейся избирательной кампанией: «Если я буду избран, то торжественно заявляю, что добьюсь снижения налогов...», «Вглядываясь в умные лица присутствующих, я уверен...», «Это напоминает мне историю с...», «Ах, какой милый ребенок!..», «Геликоптер на каждой крыше...».

Джес выключил аппарат и отер пот со лба. Да это настоящие урановые залежи! Его поражала высокая оплата за каждое нарушение — тысяча кредиток! Видимо, правящая партия не хотела упускать ни малейшей возможности поставить палку в колеса оппозиционным традиционалистам. Пользуясь этим, Джес мог молниеносно избавиться от финансовых трудностей.

Если, конечно, ему удалось бы выпутаться из этой истории живым.

Полный радужных надежд, он помчался к близлежащему зданию, в котором на пятнадцатом этаже находился центральный конференц-зал партии традиционалистов. Сердце его лихорадочно стучало. С парнями из боевой дружины традиционалистов шутки плохи. Некоторых граждан с природной склонностью к диспутам полиция находила в верхних слоях атмосферы, замерзшими как камень, с гравитационными поясами, установленными на максимум, и с завязанными назад руками, чтобы они не могли приостановить непрерывного подъема.

Джес решительно проскользнул в проем здания и выключил гравитационный пояс. Затем он через открытые двери пробрался в переполненный зал. На трибуне стоял плотный краснолицый человек.

После недолгих поисков Джесу удалось обнаружить боковой выход. Убедившись в наличии путей отхода, Джес принялся протискиваться в сторону трибуны и постепенно добрался до укромного огороженного местечка под самой трибуной, где в стародавние времена обычно располагался оркестр.

Тяжело дыша, он затаился там. Прямо над ним гудел ораторский бас. Джес приложил контролекс к щели в полу, и голос стал слышаться вполне отчетливо.

— Послушайте, ребята, — гремел докладчик, — каждый из

вас стоит во главе целого района, но грош цена вашей власти, пока наша партия не правящая. Но стоит только нам опять усесться на карусели... Я полагаю, что мне можно не распространяться о том, как это отразится на вашей судьбе!

Приглушенный рев аудитории заставил Джеса съежиться от страха.

— Итак, перед нами выборы, — продолжал оратор, — и эти выборы мы должны выиграть во что бы то ни стало! А всех вас, преданнейших деятелей нашей партии, я хочу видеть...

«Дзинь!»

Бешеный вой потряс стены зала. Все поняли, что кто-то спрятался с аппаратом, который автоматически записал на пленку голос оратора.

— Смерть подлому шпику! — возопил оратор.

«Дзинь», — отозвался контролекс.

— Линчевать его!

«Дзинь».

За три минуты Джесу удалось заработать десять тысяч кредиток на нарушениях, от которых нельзя было отказаться или опротестовать, поскольку все голоса, так же как и отпечатки пальцев, были зарегистрированы у властей.

Джес пробрался боковым проходом, с минуту передвигался ползком, а потом пустился бежать. Однако на повороте он попался прямо в объятия какой-то огромной фигуры. В мгновение ока Джес оказался на земле, на него обрушился град ударов.

Но тут раздался полицейский свисток. В темноте блеснул золотистый панцирь, и тяжелые кулаки исчезли, как по мановению волшебного жезла. Джес с трудом приподнял голову. Полицейский пристально глядел на него, властно поддерживая под локоть.

— Я, кажется, явился вовремя, не так ли? — спросил он. — Удалось спасти тебе шкуру.

«Дзинь!» — брякнул контролекс.

— Это ничего! — торопливо выкрикнул Джес. — Не обращайтесь внимания — это пойдет за счет фирмы.

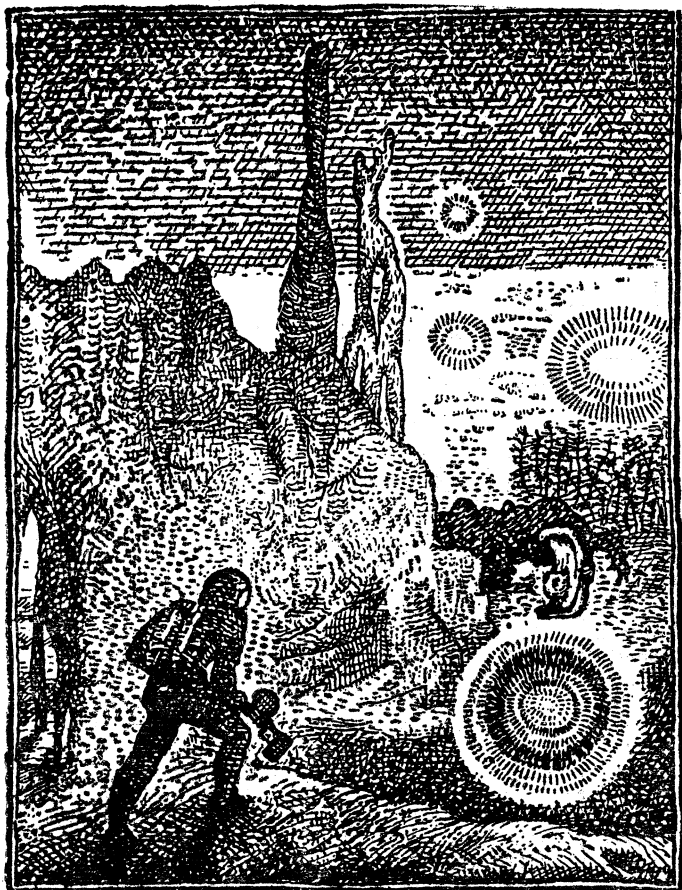
— Полагаю, — проворчал полицейский. — Если у тебя есть хоть капля здравого смысла...

«Дзинь!» — прозвенел контролекс.

— Вон отсюда! — взревел представитель власти. — Проваливай, пока я добрый!

«Дзинь!»

**Сокращенный перевод с английского
М. БРУХНОВА**

ЮРИЙ КОТЛЯР

МЛАДШИЙ

Фантастический рассказ

- Смотри... — сказал Кид и взмахнул рукой.
«С-снэк! С-снэк!» — зазвенел воздух, и их осыпало каменными осколками.
— Ну, как! Здорово работают твари? — рассмеялся Кид.
— Да. Лучше некуда, — хмуро согласился Даниил.

ПИЛОТ

Рисунок В. ЗУЙКОВА

— Мы везучие. — Кид похлопал ладонью по каменистому гребню выемки, в которой они прятались. — Тут они к нам не подберутся.

— Местечко надежное. Но сидеть и ждать у моря погоды противно, — сказал Даниил.

Кид пожал плечами:

— Пока не взойдет Красное Солнце, они не уйдут. Уж поверь мне!

— Сколько осталось до восхода?

— Часа два... Пальника разок. Но поосторожней, не высовывайся.

Даниил приподнялся, повел коротким стволом тайдера наугад в темноту, под скалами и нажал спуск. Слепящая белая вспышка на миг затмила призрачное сияние крохотного Фиолетового Солнца.

— Вот так! — ободрил Кид. — Теперь минутки три можно поболтать. Потом я пальну... Скажи, Даниил, за что вас списали с «Бора»?

— Никто меня не списывал.

— Выходит, Перро наврал? Непонятно, он же при тебе говорил...

— А я подтвердил?

— Н-нет. Но и не отрицал.

— Не привык подводить товарища.

— Ага! Вот оно в чем дело, — догадался Кид. — Это его одного списали. Да?

— Откуда ты взял? Все гораздо проще. У «Бора» закризничал реактор, и капитан привел звездолет на Пятую межзвездную.

— Ту, что у созвездия Центавра? — перебил Кид.

— Она самая. От вас рукой подать.

— Ну, это положим!

— Неужели далеко? — удивился Даниил.

— По мне — так да. Но у вас, звездолетчиков, на все свои мерки. Что дальше?

— На корабле во время ремонта реактора нашему брату пилоту делать нечего. Вот мы и попросились сюда посмотреть на добычу энория. Ну и помочь, если понадобится. Когда звездолет наладят, он по пути зайдет за нами.

— Болтун твой Перро! — неодобрительно буркнул Кид.

— Да нет, не очень, — сказал Даниил. — Просто любит разыграть. А ты поддался.

— Какой уж есть, да не свистун.

— Напрасно так думаешь. Перро надежный товарищ и дело знает отлично. Чуть не любую машину... — Даниил запнулся.

— Намек на модулятор? — прищурился Кид.

— Нет. Так, вообще...

— Чего там — вообще! — прервал Кид. — Сам знаю — моя вина. Он предупредил правильно. Я не послушал его, вот самоход и подвел. Но понимаешь!.. — Он энергично рубанул ладонью. — Понимаешь, мог же он сказать попросту, без подковырок! Мог или нет?

— Мог! Конечно, мог, но у каждого своя манера говорить, — улыбнулся Даниил и оживленно начал: — Я помню, однажды Перро... Ой!

Забывшись, Даниил резко подвинулся.

— Ногу больно? — участливо осведомился Кид.

— Есть... немного.
— Потерли. Кость цела — ручаюсь. Заживет. Тебе еще повезло — попало на излете. Эх, кабы не это, мы бы запросто ушли... — вздохнул Кид огорченно и пояснил: — На дальних дистанциях они не слишком ловки.

— Ты видел их вблизи?

— Больше чем надо. Да и ты увидишь.

— Если успею.

— Скоро прилетит «Бор»?

— Да. Вчера пришла радиограмма.

— Жаль...

— Почему?

— Ты пришелся мне по душе. Не то что пустомеля Перро. И вообще я тебя давно знаю. Понаслышке, конечно, — улыбнулся он на удивленный взгляд Даниила. — Счастливый ты! Тебе правда всего девятнадцать?

— Скоро будет двадцать.

— Здорово! — восхитился Кид. — Девятнадцать лет, и уже младший пилот такой махины, как «Бор»... — Он вздохнул. — Мне двадцать два, а я только старший патрульный.

— Твоя работа потрудней нашей.

— Просто мы попали неудачно. — Кид махнул рукой. — Сначала сломался самоход... потом ты, — неуклюже пошутил он. — А так наше дело несложное: не зевай и держи тайдер наготове. Только и работы!

— Однако снаэки убили двоих.

— Сами виноваты. Тут закон: при Фиолетовом Солнце из жилья без самохода или патруля ни шагу, а они пошли. Ну и вот...

— Дрянное место ваша Фисба.

— Зато энория хоть отбавляй. Ах, тварь! — Кид с неуправимой быстротой повел стволом и нажал спуск. — Готово! — небрежно, но с горделивой ноткой бросил он. — Вон лежит. Видишь?

— На кого он похож? На крокодила?

— Крокодил по сравнению с этой пакостью безобидный птенчик, — ухмыльнулся Кид и, переменяв позу, как ни в чем не бывало продолжал прерванный разговор: — Ты, выходит, потомственный звездолетчик?

— Откуда ты узнал?

— Я бывал в Москве. Там в Аллее гуманистов стоит бюст Даниила Ивы. На постаменте написано про полет «Эльфы» и про твоего отца.

— Он есть, и его почти нет, — сказал Даниил. — Не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь.

— Ты извини...

— Ты не сказал ничего плохого. Так сложились обстоятельства. И все.

Они помолчали, потом Кид осторожно осведомился:

— Вы давно виделись?

— С тех пор как его назначили капитаном Спасателей, всего один раз. Отец прилетел перед самым выпуском из лицея. Был у нас на вечере. А потом прошел месяц, и я отправился в этот рейс. К Веге, на двадцать лет. Я вернусь,

а он может уйти. И тоже в дальний... Спасатель себе не принадлежит.

— А знаешь, я тоже поступал в астроллицей, да не поступил. — Кид захотел переменить тему разговора.

— Отчего?

— Эйнштейн подвел, — подмигнул Кид.

— Вот как! — слабо улыбнулся Даниил. — Чем же это?

— Своей теорией. Понимаешь, я уже прошел все испытания. Сдал экзамены, и неплохо сдал. Казалось, бояться нечего. Но на заключительной беседе мне задали вопрос: «Теория относительности». Само собой, рассказал, написал формулы и прочее. Чего бы еще надо? Так нет же! Один из членов комиссии говорит: «А ну, быстро! Эффект разновременья на звездолете и Земле? В десяти фразах, популярно».

— Ну и что?

— Да что — срезался! До сих пор так и не могу представить... популярно. Они мне тогда сказали: «Такого здоровья лет триста назад взяли бы сразу. Но ты не привык коротко мыслить. Какой же из тебя выйдет звездолетчик? Представляешь! Так я и провалился. Чуть со стыда не сгорел.

— Почему? — удивился Даниил. — Ничего постыдного не вижу.

— Не об этом речь, здесь другое, — смущенно улыбнулся Кид. — После испытаний и экзаменов, до заключительной беседы, я по глупости похвастался Мэйб, будто уже принят. И вдруг такой скандал. Надо же! Что тут было делать? Взял и попросился на Фисбу. Все-таки Межзвездная служба. С тех пор не болтаю сам и не люблю болтунов вроде Перро.

— Дался тебе Перро, — усмехнулся Даниил. — А кто такая Мэйб?

— Моя девушка. Она ждет. Еще год, и я вернусь на Землю к ней. Должно быть, навсегда. А у тебя есть девушка на Земле?

— Чудак! Откуда возьмется земная девушка у звездолетчика?

— Верно! Я и забыл — вам Эйнштейн не позволяет, — с коротким смехом согласился Кид. — Нажми-ка разок... Знаешь, Даниил, все равно делать нечего. Растолкуй ты мне это проклятое разновременье, как они просили, в десяти фразах.

— Охотно.

— У тебя получится?

— А вот послушай. С приближением скорости звездолета к световой пространство перед ним как бы сжимается, а время стремится к нулю. Для человека на конце светового луча время нуль и пространство нуль. Теперь представь себе вращающийся диск: ты сидишь недалеко от центра, а я на одном радиусе с тобой, но дальше от центра. За одно и то же время я проделаю куда больший путь, чем ты. Тебе же на преодоление этого самого расстояния потребуется во столько раз больше времени, во сколько раз твоя

скорость меньше моей. Вот и все! Как видишь, я уложился всего в шесть фраз, но, безусловно, мое объяснение и пример весьма примитивны. Это не наука, а так... около.

— Зато кратко и понятно! — возразил Кид. — Из него сразу ясно, почему ваш брат улетает юношей и возвращается молодым, а земные друзья за это время успевают состариться. Мне бы тогда ответить так. Эх!

— Послушай, Кид, я спросонок не разобрал, зачем это нас послали на Вторую разработку? Подняли с кровати и отправили к тебе. Мол, Кид все скажет, а сейчас побыстрее поворачивайся.

— Неужели? — удивился Кид. — Ты извини, в спешке я забыл. Верней, думал, ты знаешь.

— Откуда! Понятия не имею.

— Гм... Видишь, какая штука, — виновато начал Кид. — Там помяло одного парня, и мы несем консервированную кровь. У них то ли не хватило, то ли несвежая.

— И ты молчал? — возмущился Даниил.

— Да разве я нарочно! Просто так вышло. Ну, а скажи я! Что это изменило?

— Как что! Человек, может, умирает. Нас ждут не дождутся, а мы отсиживаемся!

— Эх, Даниил, — неодобрительно покачал головой Кид. — Горячка ты! Думаешь, мне приятно? Нет, самому тошно. Но мы в ловушке. Да еще твоя нога...

— Зато у тебя обе целы!

— Ерунду ты говоришь! — осуждающе возразил Кид. — Не брошу же я тебя! Э! Погоди, пальну разок.

— А может, они ушли? — досадливо спросил Даниил.

— Ушли? Ну уж нет. Это дьявольски упорные твари.

Даниил, выставил из-за камня широкий приклад тайдера: «С-снэк! С-снэк! Пам!» — тайдер вылетел у него из рук, на прикладе темнела глубокая вмятина.

— Видел? — бросил Кид и строго добавил: — Больше не глупи, не рискуй тайдером. С одним на двоих долго не продержимся.

— Неужели они уловят разницу между одним и двумя?

— Еще как! Дошлые твари. Если их соберется побольше, то и с двумя будет туго. Особенно в фиолетовых сумерках, перед самым восходом Красного Солнца.

— Ты серьезно?

— А ты думал! Они не знают страха, только жадность, хитрость и упрямство. Пятерых положишь, а шестой тебя прикончит.

— Как они швыряют камни?

— Примерно так. Набивают зоб или нечто в этом роде кучей гладких камней. Язык у них на манер трубки. Мощная струя воздуха прогоняет камень через эту трубку, и он вылетает со скоростью метров этак двести в секунду. Представляешь! В общем напоминает духовое ружье, только вместо крохотной пульки килограммовый булыжник.

— Созданыца...

— Энорий всегда достается трудно.

— Не спору, — согласился Даниил, — но без него не обойтись. Энорий — движущая сила звездолетов.

— Твоему отцу и его товарищам энорий тоже обошелся недешево.

— Да. «Эльф» погиб со всем экипажем, а они трое из Седьмой секции чудом уцелели и кое-как добрались до Земли. И то благодаря Иве...

— Я знаю. Полет Седьмой стал легендой. Кто о нем не слышал! Ива — герой, пожертвовал собой ради двух других. Говорят, он опередил твоего отца?

— Да. Отец решил уйти, как только понял, что троим не уцелеть. А Ива догадался и опередил его.

— Тебя, наверное, назвали Даниилом в честь Ивы?

— Конечно. Но вот что, Кид. Как хочешь, а надо что-нибудь придумать. Я так больше не могу!

— Уже думал, — безнадежно отмахнулся Кид. — Если бы еще не твоя нога...

— Далась тебе моя нога! Считай, что она цела.

— Нельзя считать то, чего нет.

— Уже слышал. Лучше скажи, что предпринять сейчас?

— Но ты же сам видел! — повысил голос Кид.

Они надолго замолчали. Даниил упрямо морщил лоб, что-то соображая. Он внимательно оглядывался вокруг и надолго задержал взгляд на отвесных скалах позади их убежища.

— Послушай, Кид! — взволнованно начал он. — Ничего не спрашивая, нажми. Но не разок, а раз пять. Подряд, с интервалами секунды в три. Ладно?

— Что ты задумал?

— Потерпи, узнаешь.

— Хорошо, будь по-твоему! — согласился Кид. — Но имей в виду, это опасная прихоть. Зарядов не густо.

— Знаю! Давай!

Пять ослепительных вспышек пронзили слабенький свет фиолетового дня.

— Ну? — выжидательно повернулся Кид.

Даниил молча протянул ему приклад тайдера.

— Не понимаю.

— Видишь — чистенький, ни одной новой вмятины. Когда ты стрелял, я выставил его и хоть бы камешек прилетел.

— Только-то... — разочарованно протянул Кид. — Лучше бы спросил, чем заряды тратить. Мне это давно известно. После выстрела они на несколько секунд слепнут. Но что толку?

— Чудак! Это то самое, что нужно. Скажи, ты сумел бы взобраться по этому желобу?

Кид оглянулся и оценивающе посмотрел на узкую расщелину, круто уходящую вверх.

— Пожалуй, можно.

— Сколько понадобится времени?

— Полминуты...

— Ну, так вот! Я прикрою тебя огнем, ослеплю их, а ты полезай...

— Ты спятил! — вскричал Кид.

— И не думал.

Кид пренебрежительно махнул рукой.

— Я-то выкручусь, а тебе одному здесь не отсидеться.

— Попробую! — перебил Даниил решительно. — Идти с тобой не смогу. Нога — не наступлю. Так хоть прикрою. Надо ж помочь тому парню. Раненому...

— Может, с ним и так ничего плохого не случится? — нерешительно предположил Кид. — Осталось всего полтора часа до восхода Красного Солнца. Только оно покажется — ни одного сна не сыщешь.

— А если случится? Как тогда? — резко бросил Даниил.

— Хм!.. Вообще-то ты прав. Все может быть. И до чего же паршивое место эта чертова Фисба! — с внезапным ожесточением воскликнул Кид. — Будь она трижды проклята! Два солнца на небе, а толку нет. При Красном еще туда-сюда, жить можно. А при Фиолетовом — сплошная муть. Ничего не видно, радиосвязи нет, видеотелефон отказывает, и эта погань вылезает. Тьфу!

— Ругаться будешь потом! — оборвал Даниил. — Отвечай прямо — идешь или нет?

— Придется идти, — ворчливо согласился Кид. — Тебе же нипочем не втолковать! Ты же из русских. Упрям, что снак. В крови у вас это сидит, что ли... — Он с треском открыл магазин тайдера и вынул три боевых стержня из шести оставшихся: — На! Тебе будет нужней.

— У тебя, видно, это самое тоже в крови, — передразнил Даниил.

— Верблюд! — добродушно огрызнулся Кид. — Ладно! Давай руку и... что кому судьба пошлет. Смотри! Бей только наверняка, тогда, может, и продержишься. Только бы мне добраться без помех. Отдам кровь, сяду на самоход и мигом буду обратно... Эх, Даниил, спроважу тебя на «Бор» и успокоюсь. От души говорю.

— Спасибо, — крикнул Даниил. — Ты готов?.. Ну, тогда начали!

Перед глазами Даниила заметалась слепящая пляска вспышек. Он насчитал шесть, но на всякий случай дал еще четыре: вдруг Кид замешкался. Потом, не снимая пальца со спуска, торопливо оглянулся. Позади было пусто. Он остался один. Даниил зябко поежился и проник в щель между камнями. Протекла минута, другая, третья, а, возможно, и все десять. Тьма под скалами казалась вымершей. «Может, ушли?» — блеснула слабая надежда. Вместе с надеждой и одиночеством пришла и боль: заныла нога. Это отвлекало и странно успокаивало. Так могло болеть на Земле и в любом другом месте, где не бывает никаких снаков. Обманчивое спокойствие оборвалось внезапно: под скалами шевельнулась неясная тень. Даниил невольно крепче сжал тайдер. Еще недавно рядом был Кид, и Даниил знал: Кид не промахнется. Теперь все зависело от него самого, от его меткости и хладнокровия. Тень двинулась, приблизилась. Даниил напрягся, но страха не было, только холодок

ожидания и захватывающая дух настороженность, она мешала дышать.

«С-снэк! С-снэк!» — пронзительно взвыл воздух.

На скалу позади него обрушился настоящий каменный ливень. Осколки градом забарабанили по шлему, по эластичной ткани скафандра. Под прикрытием каменного ливня метнулась тень. Она приближалась неуклюжими, прихотливыми скачками, зигзагообразно. Он никак не мог поймать ее в прицельное кольцо, а она приближалась. Нервы сдали, он не выдержал и нажал спуск. При ослепительном свете вспышки тень замерла, распласталась неподвижной, безобразной кляксой. В этот короткий миг он успел накрыть ее кольцом прицела и послал импульс. Темное пятно конвульсивно дернулось, согнулось дугой и застыло неподвижно. «Ага! Есть! Вот как надо...» — понял Даниил.

Каменный дождь разом прекратился. Даниил торопливо переложил ствол тайдера левее, где недавно лежало оружие Кида, и дал импульс, целясь в безжизненно темневшую массу. Он попал, но она не шелохнулась. «Пусть думают, что нас двое, — решил он, очень довольный своей выдумкой. — А думают ли они? Кид считает их хитрыми тварями. Кид!.. Как он там?..»

Даниил представил себе, как Кид пробирается меж скал, в неверном полусвете, зорко всматриваясь в каждое подозрительное пятно. Оружие Кида тоже наготове. Он тоже один, а за плечами к тому же драгоценный груз — кровь. Возможно, в ней заключена жизнь товарища. И, наверное, Кид тоже думает о нем, Данииле.

Он едва не прозевал скачка снэка. Тень подобралась незаметно и прыгнула. Даниил ударил навскидку, не целясь. Не было времени. Распластавшись над землей, снэк летел прямо на него. Вспышка импульса подбросила его еще выше и швырнула оземь. Попал! От падения тяжелого тела дрогнула почва. Даниил ощутил на губах соленую влагу пота и лихорадочно слизнул ее. Часто и тревожно билось сердце: «Ну и ну! Впрямь, дошлые твари. Кид не преувеличил. Сначала атака под прикрытием — не вышло! Тогда втихомолку, ползком... Да, Кид знал, что говорил. Как он там, Кид?»

Еще не раз посылал Даниил слепящие импульсы во тьму, а время шло не торопясь. До восхода Красного Солнца, по его расчетам, оставалось еще с четверть часа. Это было немного, но счетчик стержней тайдера показывал единицу. И еще три стержня Кида оставались в запасе. А дальше?

Не спуская глаз с гребня, отделявшего тьму под скалами от его убежища, он напряженно всматривался в фиолетовые сумерки. Подступало самое опасное время — заход Фиолетового Солнца. Между заходом Фиолетового и восходом Красного Солнца лежит несколько минут полной тьмы, а стало быть, и беззащитности. Но что делать? Зажечь прожектор шлема? Смешно и думать, это все равно что выйти и стать на виду. Он ничего не мог предпринять — только лежать и ждать, до боли напрягая усталые глаза.

Сумерки сгущались. Он уже не видел скал и с трудом различал расплывчатую полосу гребня, который все больше сливался с глубокой тьмой под скалами. Вот уже видна только половина, а дальше — чернота, насыщенная угрозой. Там, во тьме, что-то готовилось. Он ничего не видел и не слышал, но ощущал приближение опасности всем своим существом. Это угнетало и давило. Хоть бы уж скорей. Они, казалось, подслушали его желание — кинулись всей стаей сразу. Поверхность гребня исчертили зловещие тени. Даниил бил, почти не целясь, еле успевая нажимать спуск. Они были так близко и двигались так тесно, что он просто не мог промахнуться. Каждый импульс попадал в снака. Их становилось меньше. Он видел и замечал только это, ни о чем более не думая. В душе росло боевое торжество. Сам того не замечая, он говорил вслух: «Ага, получил! На тебе!.. Ха! Так, осталось два! Сейчас я взм, гадины!..»

Спуск мягко подался, но импульса не последовало. Он машинально, еще не сознавая происшедшего, нажал еще и еще. Тайдер стал просто дубиной. Даниил похолодел: «Все!..» Тени стремительно приближались, он уже видел кошмарные морды. Это был конец. Неотвратимый, как горный обвал. Его властно охватило слепое бешенство. Он вскочил во весь рост, позабыв про больную ногу, позабыв про все на свете, кроме бешенства и ярости. Схватил тяжелый тайдер за ствол и с неистовым воплем ринулся навстречу снакам.

Слепящий импульс ударил прямо над ним. Еще, еще. Ошеломленный и ослепленный, он остановился, невольно прикрыв глаза руками. Потом опустил руки и обернулся, поняв, но все еще не веря. На обрыве скалы в первых лучах красного рассвета темнели три человеческие фигуры...

Через неделю младший пилот суперзвездолета «Бор» Даниил Гаев продолжал полет к далекой Веге.

ПУТИ В НЕЗНАЕМОЕ

ТАЙНА ПЯТОГО ОКЕАНА

Документальная повесть

Знакомство с современным состоянием проблемы серебрястых облаков дает много поучительного для суждения о том, как рождается знание, как наука преодолевает трудности.

*И. А. Хвостиков,
профессор, доктор физико-математических наук*

ВЗОРВАВШИЙСЯ ОСТРОВ

20 мая 1883 года вахтенный трехмачтового немецкого парусника, находившегося в Зондском проливе, увидел на горизонте огромное серое облако. Впрочем, это было даже не облако, а скорее невиданных размеров столб дыма, который поднимался на высоту примерно десяти километров.

Вахтенный вызвал наверх капитана. Тот долго смотрел на облако-столб, молчал, потом вернулся в свою каюту и стал читать старую лоцию.

Он знал ее почти наизусть, но теперь, перелистывая давно знакомые страницы, ворчал от удивления: Кракатау... небольшой островок в Зондском проливе... необитаем... изредка посещают рыбаки. Так, вот оно: цепь вулканов проходит через Суматру и Яву, а Кракатау — часть древнего подводного кратера. Последнее извержение было в 1680 году... Хм, двести три года назад! Что же — проснулся?

Капитан поднялся на палубу.

Его помощник, стоявший вахту, держал в руках фуражку и отряхивал ее.

— Пепел, господин капитан! — сказал он почти весело. — Пепельный дождь... Смотрите, вся палуба уже засыпана.

— Проснулся!

— Простите?

— Вулкан проснулся. Прикажите прибавить парусов.

— Есть, капитан! — Вахтенный быстро взглянул в сторону вулкана. Облако, казалось, стало еще больше, гуще. Небо было охвачено странным дрожащим заревом. — Интересно было бы понаблюдать, не правда ли, капитан?

— Я думаю, лучше держаться подальше.

К вечеру судно встало на якорь у берега Суматры.

Зарево в небе разгоралось все ярче. Ночью слышен был долгий грохот. Деревья на берегу, наверное, дрожали, с них то и дело осыпался пепел.

— Словно снег, не правда ли, капитан?

— Здесь никогда не бывает снега... Погрузка закончена?

— Так точно.

— Отдайте команду поднять якорь. Да... Достаточно светло, чтобы уйти.

Другой корабль — «Медея» — проходил в Зондском проливе в воскресенье 26 августа того же года. В два часа пополудни в вахтенном журнале корабля была сделана запись: «Над островом Кракатау стоит огромный столб пепла».

Извержения здесь тянулись почти непрерывно уже три месяца. Кракатау за это время выбросил столько пепла, грязи, пемзы и шлаков, что островок увеличился почти вдвое — примерно на тридцать квадратных километров.

...К вечеру «Медея» была уже на порядочном расстоянии от пролива.

Солнце зашло.

Сначала во тьме ничего не было видно. Потом в воздухе стали вспыхивать огоньки электрических разрядов. Голубоватые потрескивающие змейки скользили по мачтам и снастям корабля. Рулевой не мог прикоснуться к металлическим частям штурвала.

Грозный гул стоял над океаном. Шел и шел пепельный дождь. Поднялось сильное волнение.

Несколько прибрежных деревень на Суматре и Яве были затоплены, мелкие суда выброшены на сушу.

А рассвет вставал ясный, почти спокойный. Он казался бы совсем мирным, если бы не зловещее зарево вулкана. Но уже к шести часам утра небо заволочло черными тучами. Солнце словно погасло. Наступила тьма, продолжавшаяся восемнадцать часов.

Около десяти утра вулкан Кракатау взорвался.

В двухстах двадцати восьми километрах от места взрыва, в городе Джакарте, окна в домах лопнули, а по стенам зазмеились трещины. Грохот взрыва был слышен на Цейлоне, на Филиппинских островах, на Новой Гвинее и в юго-западной Австралии.

Огромные, до тридцати метров высотой, волны, поднявшиеся в тот момент, когда почти весь взорвавшийся остров рухнул

в море, прошли по Тихому, Атлантическому и Индийскому океанам. Они достигли берегов Америки, Франции и Красного моря.

...Утром 28 августа немного посветлело.

Команды кораблей, вернувшихся через некоторое время на Суматру и Яву, не узнали знакомых берегов: серая грязь, каменные глыбы, вырванные с корнем деревья, уничтоженные поселения, тысячи погибших...

Море было густо покрыто вулканической пемзой.

За три месяца этого извержения и во время взрыва Кракатау выбросил в воздух не меньше тридцати пяти миллионов тонн вулканической пыли. Она поднялась в атмосферу на высоту 20—30 километров и облетела буквально весь земной шар. Она же была причиной и необыкновенно красивых закатов, которые наблюдались в Европе на следующую зиму и весной...

ТАМ, ГДЕ ПРОЛЕТАЮТ МЕТЕОРЫ

Прошло два года.

Вечером 13 июня русский астроном В. К. Цераский, готовясь к наблюдениям, обратил внимание на странного вида облака. Стемнело совсем, но поразительно — эти облака не гасли... Зрелище было необыкновенное.

Наутро Цераский сделал первую запись:

«Отличаясь видом от прочих, они бросались в глаза прежде всего своим светом. Облака эти ярко блистали в ночном небе чистыми, белыми, серебристыми лучами, иногда с легким голубоватым отливом, принимая в непосредственной близости горизонта золотистый оттенок. Бывали случаи, что от них делалось светло, стены зданий весьма заметно озарялись, и неясно видимые предметы резко выступали...»

Цераский откинулся в кресле, закрыл глаза.

Сумерки... Нижние слои атмосферы уже не освещаются прямыми солнечными лучами. Тень Земли поднимается все выше, и вот россыпи звезд и... серебристые облака. Они так ярко светились... Почему? Видимо, находились выше тени Земли, их еще освещало Солнце. Но в таком случае, какова же высота этих облаков?

Он уже догадывался, что получит цифру не меньшую, чем 50 километров. Но на такой высоте никто никогда не видел облаков ни одной известной людям формы! Что же, догадка должна быть подтверждена.

Цераский открыл глаза, встал. Нужно немедленно обратиться к Аристарху Аполлоновичу Белопольскому. Вдвоем они сумеют определить высоту серебристых облаков — только бы появились опять!

Они появились. Вечером 24 июня 1885 года их наблюдали уже два человека — Витольд Карлович Цераский и Аристарх Аполлонович Белопольский, ставший впоследствии одним из выдающихся русских астрономов и астрофизиков. Цераский наблюдал облака из обсерватории Московского университета, Белопольский — из Петровской академии, оттуда, где сейчас на

Новом шоссе находится сельскохозяйственная академия имени Тимирязева. В 1885 году это место было пригородом Москвы.

Расстояние от обсерватории до академии ученые знали точно. Теперь оставалось определить, под какими углами они будут наблюдать серебристые облака — каждый со своего пункта. А если известно расстояние между пунктами (базис) и углы наблюдения, то легко построить треугольник и из него путем расчетов найти высоту серебристых облаков. Это так называемый базисный метод, который довольно часто применяют на практике для измерения расстояний.

Цераский и Белопольский составили график времени заранее: наблюдения необходимо было вести одновременно. Все, казалось, было продумано и рассчитано. Однако...

Утром они встретились, стали изучать записи, высчитывать.

Белопольский первый оторвался от бумаг, поднял голову:

— Базис мал, Витольд Карлович.

— Да, да, — согласился Цераский. — Жаль... Значит, надо... — Значит, я еду. — Белопольский улыбнулся. — Скажем, по Ярославской дороге. Как вы думаете?

— Сейчас, сейчас! — Цераский обрадованно засуетился. — Вот карта, голубчик, давайте посмотрим, определим...

И через несколько дней снова запись:

«Одновременные наблюдения из Москвы и Петровской академии 1885 г. июня 24 дня показали, что базис Москва — Академия слишком мал. Через два дня г. Белопольский наблюдал в деревне Листвянах, близ Пушкина по Ярославской железной дороге, а я в Москве. Расстояние между пунктами, взятое из специальной карты Шуберта, — 30,4 версты, азимут Листвян из обсерватории = $20^{\circ}14'$ от севера к востоку.

Наблюдения этого вечера были особенно удачны; мы нашли пять почти одновременных определений одних и тех же образований; разности моментов наблюдений не превосходят двух-трех минут. Вертикальные высоты облаков от поверхности Земли из этих пяти измерений получились следующие... Взяв среднее, найдем, что при зенитном расстоянии в Москве = 79° высота облаков была = 69 верстам¹. При этом облака находились в 360 верстах от московского наблюдателя и стояли приблизительно над городами Ярославской губ. Даниловом и Любимом, близ границы Вологодской губ.».

Цераский снова внимательно проверил все цифры и, подумав, добавил с щепетильной добросовестностью:

«Это определение высоты нельзя считать особенно точным... в Листвянах все наблюдения за исключением первого сделаны немного позже, так что на вычисленную высоту могло иметь влияние собственное движение облаков».

...Он и не заметил, что наступили сумерки. Пора было засветить лампу.

Цераский постоял у окна, глядя на улицу, на огни в домах, обдумывая те выводы, которые можно было сделать из первых

---

¹ 73,5 километра.

наблюдений за серебристыми облаками. Потом вернулся к своим записям, но время от времени поднимал голову и, задумчиво тербя бородку, смотрел в окно.

Отсюда, из-за письменного стола, огни казались далекими.

Цераский любил эти часы. Ему нравилось, работая, встречаться иногда глазами с вечерним городом. Думалось ясно. От нетерпеливого желания записать мысль, становившуюся вдруг радостно четкой, покалывало даже в кончиках пальцев. А когда он смотрел на какое-нибудь светящееся в ночи окно, это не мешало, наоборот, придавало тому, о чем он думал, настроение, весьма им ценное. Он думал о предмете специальном, и, не перебивая этих мыслей, приходили другие — об огнях, которые зажигает человек...

Работой Цераского были звезды — огни самые неизведанные. Он занимался астрофотометрией — изучением и измерением блеска этих невысказанно отдаленных светил. Занимался вот уже десять лет, измерил блеск не одной сотни звезд.

Работа шла успешно. Он тщательно исследовал различные факторы, влияющие на точность фотометрических наблюдений. Ему удалось обнаружить систематические ошибки, которые обусловлены физиологическими особенностями зрения, и разработать методику, позволяющую вести фотометрические измерения звезд с высокой точностью.

Два года назад он защитил магистерскую диссертацию, работал теперь над докторской.

Его увлекала деятельность преподавателя, популяризатора науки. Очень хотелось привлечь к работе в ней побольше молодежи. Молодые люди редко, весьма редко приходят в науку, считал он... Самому Цераскому не было еще и сорока лет, и впереди он видел множество интереснейших исследований. Витольд Карлович обдумывал способ эксперимента, с помощью которого, вероятно, можно будет определить нижний предел температуры Солнца, а этого еще никто в мире не делал! Он ставил себе целью и измерение звездной величины Солнца, работал над созданием целого ряда астрономических инструментов и...

И серебристые облака никакого отношения ко всему этому не имели.

Но сейчас он испытывал глубочайшее чувство удовлетворения. Вероятно, изучение серебристых облаков даст немало полезных сведений об особенностях верхних слоев атмосферы. А каждый новый факт — это новый огонек на пути науки. Да, огни — радость идущего...

Однако что же они такое, эти серебристые облака? Откуда они, как образовались? Не результат ли страшного взрыва Кракатау два года назад?

«Впрочем, — подумал он, — такое предположение поспешно, хоть и заманчиво. Надо продолжать наблюдения за ними, привлечь к ним внимание ученых, накапливать материал».

Цераский сдвинул брови, обмакнул перо:

«До сих пор, если не ошибаюсь, никто и никогда не видел облаков на такой высоте, где, казалось, пролетают лишь метеоры...»

МАЛЬЧИК ИЗ ОГРЕ

Прошло еще семьдесят семь лет...

Вечером 28 мая 1962 года на станции Сигулда под Ригой остановилась пригородная электричка. Вместе с другими пассажирами из поезда вышел светловолосый, среднего роста юноша. Он постоял на платформе, внимательно оглядывая небо.

Электричка ушла. Стало тихо.

Юноша еще раз посмотрел в небо, очень довольный тем, что оно чисто и ветра нет — тучи не наползут. Значит, ничто не помешает...

Он перешел железнодорожную линию и направился знакомой дорогой на наблюдательную площадку Латвийского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества. С этой площадки за последние три года он не раз наблюдал серебристые облака, их «динамику и проекцию», как было означено в соответствующих инструкциях. В общем обычные наблюдения... Но с тех пор в отчетах Латвийского отделения ВАГО о наблюдениях за серебристыми облаками среди других стояло и его имя: «Роберт Витолниек»...

Сегодня Роберта никто сюда не посылал. Этим летом серебристые облака над Ригой еще не появлялись. Никто не знал, что они появятся именно в этот вечер. Никто бы и не взялся предсказывать.

А он знал. Появятся!

Его немного пугала собственная уверенность. Конечно, он очень хотел, чтобы все подтвердилось. Сегодня же. Но, пожалуй, это было бы слишком легко, так ему сейчас казалось. А открытия в науке легко не делаются... Ведь и объяснение природы серебристых облаков поначалу было простое: после того как Цераский обнаружил их, ученые того времени, конечно, вспомнили о грозном извержении Кракатау. Естественно было предположить, что серебристые облака состоят из частичек вулканической пыли, которая постепенно проникла в верхние слои атмосферы. И эта гипотеза держалась долго, но время ее и разрушило.

А разгадать тайну серебристых облаков так и не удалось.

Роберт вырос у моря, в Лиепае. Давно известно, что большинство мальчишек, растущих у моря, мечтает о дальних плаваньях.

Но каждый мечтает по-своему.

Он еще в школу не ходил, когда мама прочитала ему «Дети капитана Гранта». Юный герой романа, его тетка, переживал одно приключение за другим, но самое главное — где он только не побывал! Как вообще много удивительного на свете!

Роберт — не Грант, а Витолниек — проследил потом по картам весь путь яхты «Дункан». Он просиживал над географическим атласом часами: карты, вкусно пахнущие краской, рассказывали. Тоненькая стрелка, обозначающая направление ветра или течения, каждый миллиметр плотной бумаги, окрашенный в коричневый, голубой или зеленый цвета, — все это было историей

путешествий, открытий. И если под рукой еще книга, можно увидеть очень многое.

Вместе с Робертом Грантом он побывал в горах, в океане, в пампасах, в джунглях. Но в отличие от него видел, глядя на карту, сразу весь океан, весь материк, все полушарие, словно смотрел на земной шар с огромной высоты...

Сейчас в его комнате дома висят на стенах цветная карта северного ночного неба и фотография обратной стороны Луны, сделанная советской межпланетной автоматической станцией.

На площадке было пусто. Да он никого и не ожидал здесь встретить — никто ведь не знает...

Небо отсюда видно широко: место открытое. Вот тут обычно во время наблюдения за серебристыми облаками стоят аэрофотокамеры.

Роберт присел прямо на траву, осмотрелся. Вдали над темным уже горизонтом теплел закат. Когда солнце поглубже опустится туда, за горизонт, можно ждать...

Появятся или нет?

Все-таки он очень правильно сделал, что занялся серебристыми облаками. До звезд еще очередь дойдет...

А сначала увлекся астрономией — несколько лет назад, когда их семья переехала из Лиепая в Огре, под Ригу. Он пришел тогда как-то после уроков — а учился в пятом классе — к Яни-су Икауниексу, директору Латвийского отделения общества, и попросил поручить ему какую-нибудь работу по астрономии.

Роберту предложили вести наблюдения за одной из звезд переменной величины. Надо было просто наблюдать за ней и делать записи, отмечая, когда, как, насколько меняется ее яркость. Он, конечно, гордился, что занимается настоящей научной работой.

А звезда светила — что ей?

Целый год наблюдал. Потом снова пришел к Икауниексу. Разговор на этот раз был посерьезнее...

Роберт к тому времени сделал для себя вывод: при тех климатических условиях, которые существуют в Прибалтике, вряд ли можно очень успешно заниматься оптической астрономией. Много ненастных, то есть нерабочих, дней... К тому же он узнал о серебристых облаках.

Самыми нужными для него книгами стали труды ученых об атмосфере — лиии Пятого океана...

В этом океане есть свои волны, течения и штормы. Страницы, рассказывающие о нем, пестрят формулами и схемами. Здесь главный герой — мысль. И каждая точно вычерченная кривая, каждое установленное соотношение — это тоже история поисков и открытий...

Разобраться в этом стоило труда, но разве само чтение таких книг, когда узнаешь новое, понимаешь формулу, схему, не открытие? Разве это не увлекательное путешествие?

Земная атмосфера делится на три главные части — тропосферу, стратосферу и ионосферу.

До высоты примерно десять километров температура воздуха убывает приблизительно на шесть градусов с каждым километром (эта часть атмосферы и есть тропосфера). Затем с одиннадцати километров она практически остается неизменной — начинается стратосфера, та часть воздушной оболочки Земли, в которой температура воздуха с высотой не убывает.

А между тропосферой и стратосферой находится пограничный слой — тропопауза. Толщина тропопаузы — один-два километра. Слой этот опять-таки выделяется своеобразным температурным режимом: здесь температура воздуха с высотой начинает увеличиваться.

Ионосфера — самая верхняя часть атмосферы, обладающая способностью отражать радиоволны. Установлено, что радиоволны отражаются от нескольких ионизированных слоев: слоя D, начинающегося приблизительно с высоты пятьдесят километров, слоя E, который располагается на высоте немного больше ста километров, слоя F_1 — на высоте более двухсот километров и слоя F_2 — на высоте примерно триста пятьдесят километров.

Это, пожалуй, самая интересная область — ионосфера. Она находится под непрерывным мощным излучением Солнца, электромагнитным и корпускулярным. Потоки атомов водорода и других частиц (их общее название — кванты) бомбардируют молекулы кислорода и азота в верхних частях атмосферы, отрывают от них электроны, и в результате образуются положительные и отрицательные ионы, ионизированные слои. И здесь — начало разного рода физических процессов, многого такого, что науке еще неизвестно.

Но будет известно.

На третьем советском искусственном спутнике Земли среди другой аппаратуры были установлены ловушки для исследования заряженных частиц. С их помощью были уточнены такие данные о заряженных частицах. На стокилометровой высоте количество атомов в одном кубическом сантиметре воздуха равно 10^{13} , а свободных электронов — 10^5 . Но временами концентрация ионов на этой высоте местами увеличивается до 10^{10} . Возникают как бы ионизированные «острова». Площадь такого «острова» несколько тысяч квадратных километров, а толщина — около двух километров.

Появляются они иногда и поэтому получили название спорадического слоя E_c .

Таков он, Пятый океан...

Есть в нем, оказывается, и «острова» и облака. Серебристые...

О связи между тем и другим Роберт задумался позже. А тогда Икауниксу он говорил только, что хочет заниматься серебристыми облаками. Директор внимательно смотрел на него и молча кивал.

Роберт слышал, этот ученый любит надолго уходить в море. У него есть небольшая яхта, и летом после работы он отправляется на ней подальше в залив, а там часами лежит на корме, смотрит в небо — на звезды.

Роберт вспомнил об этом, покраснел и упрямо повторил, что в местных климатических условиях оптическая астрономия — не дело.

— Серебристые облака, — сказал, наконец, директор, — проблема трудная. Понимаешь?

— Понимаю.

— Да, ты серьезный человек, — задумчиво обронил Икуннекс.

И улыбнулся.

КРИСТАЛЛИКИ ЛЬДА?

Книги рассказывали Роберту историю серебристых облаков.

Вслед за Цераским эти облака стали наблюдать не только в России, но и в Германии, в других странах Европы, в США. При базисном определении их высоты в дальнейшем применяли фотографирование — так достигалась большая точность измерений.

Было установлено, что высота серебристых облаков равна в среднем восьмидесяти двум километрам. Во всяком случае, ниже восьмидесяти и выше восьмидесяти пяти километров их не обнаруживали никогда в течение десятилетий.

Странное для облаков вообще «постоянство характера»: появляются всегда на одной и той же высоте. В одни и те же летние месяцы: с начала мая и в основном в июне — июле. В одних и тех же широтах — Прибалтика как раз их «зона».

По мнению профессора И. А. Хвостикова (его труды научили Роберта многому), постоянство высоты серебристых облаков является особо интересным их свойством.

Оно и нанесло первый удар по гипотезе вулканической пыли.

Профессор рассуждал так.

Вулканическая пыль, выбрасываемая при сильных извержениях на высоту до 30 километров, может проникнуть и выше, до уровня 82 километров. В этом нет ничего невозможного. Но если серебристые облака состоят только из вулканической пыли, то почему все-таки их постоянная высота — 80—85 километров? Можно допустить, что неизвестные особенности воздушных течений не дают этой пыли подниматься выше, но почему она в таком случае не оседает? Ведь серебристые облака на меньших высотах не наблюдаются никогда!

И еще одно обстоятельство: с 1885 года серебристые облака наблюдались неоднократно в разные годы — и тогда, когда сильных вулканических извержений на земном шаре не было. И, наоборот, они, эти облака, порой не появлялись и в период интенсивной деятельности земных вулканов.

Статистика тоже против...

В 1925 году Кулик, известный советский исследователь метеоров, высказал предположение, что серебристые облака образуются при вторжении метеоритов в земную атмосферу, состоят из наиболее мелкой и легкой части продуктов возгонки метеорного вещества.

Ученые приняли во внимание и эту гипотезу. Они сопоставили обширные материалы метеорной астрономии с данными о серебристых облаках и... прямой связи между тем и другим не нашли. Кроме того, постоянство высоты... Да, опять то же! Ведь

светящиеся метеорные следы исследовались, и установлено, что продукты сгорания метеоров проникают в разные слои атмосферы — и выше и ниже восьмидесяти двух километров, — но в конце концов оседают. Туда, где серебристые облака не появляются никогда...

Вторая гипотеза тоже не подтвердилась.

Третью обосновывает профессор Хвостиков. По этой гипотезе серебристые облака, как и всякие другие, образуются при сгущении водяных паров и состоят из кристалликов льда.

Роберт сначала даже немного разочаровался — слишком это показалось обычным. Не ожидал... Но стал читать дальше и забыл обо всем — еще более неожиданным и в то же время точным был поиск мысли ученого. Хвостиков обосновывал гипотезу ледяных кристалликов, опираясь на сопоставление многих фактов и... на само постоянство высоты серебристых облаков!

Он, во-первых, предположил, что это удивительное свойство серебристых облаков связано с важными температурными особенностями верхних слоев атмосферы.

Ну да, та самая интересная часть Пятого океана, где начинаются разные физические процессы...

Вот, например, светимость ночного неба — это свечение атмосферного слоя, нижняя граница которого проходит на высоте около 70—100 километров. И нижний край ионизированного слоя E располагается примерно там же. Но достовернее всего определяется высота полярных сияний: вверх они простираются на сотни километров, но их нижняя граница, обычно очень хорошо очерченная, никогда не опускается ниже восьмидесяти пяти километров...

Иначе говоря, можно предположить, что здесь, на высоте 85—100 километров, находится граница проникновения в воздушную оболочку Земли активного ультрафиолетового и корпускулярного излучения Солнца.

Затем И. А. Хвостиков обратился к цифрам, которые характеризуют температурный режим в стратосфере и ионосфере.

В стратосфере на высоте с 11 до 30 километров температура воздуха изменяется мало, но дальше возрастает с высотой так заметно, что достигает в слое 45—55 километров почти 100 градусов по Цельсию. Исследования показали, что в этом слое много озона, он поглощает солнечные лучи — температура увеличивается. Выше содержание озона в воздухе уменьшается, температура понижается и минимальной оказывается на высоте 80—85 километров.

А затем, начиная с высоты 85 километров, неуклонно и быстро увеличивается.

С высоты восемьдесят пять километров...

Опять та же цифра.

Верхнюю границу стратосферы нельзя, конечно, представлять себе резкой, толщина этого пограничного слоя 5—10, а то и больше километров. Но главное — высота слоя, в котором появляются серебристые облака, и высота этой пограничной области совпадают.

«Не может ли это совпадение дать дополнительных указаний о природе серебристых облаков? — читал Роберт. — Если се-

ребристые облака присущи только верхнему пограничному слою стратосферы, то нельзя ли объяснить постоянство их высоты просто постоянством пограничного слоя в верхней части стратосферы?»

Он представил себе оранжевый свет радиоламп за щитками передатчика, мягкое гудение, вспышки индикатора, когда радист нажимает на ключ, и звук сигнала в наушниках, подключенных к радиоприемнику. И тиканье часов.

Радиосигнал был послан вертикально вверх, дошел до отражающей части слоя E, отразился, направился вниз, к приемнику — люди засекли время его путешествия. Высота слоя измерена. Он представил себе такие радиостанции в разных пунктах земного шара и тысячи таких наблюдений в течение многих и многих лет. Именно они и показали, что высота ионизированного слоя E остается почти неизменной во все времена года и во все часы суток.

А слой E — нижняя граница области активного поглощения космических лучей Солнца, и если положение этой границы постоянно, «то, естественно, следует считать, что и высота холмодного слоя, слоя серебристых облаков, расположенного ниже, так же постоянна».

Здорово...

В сущности, это могло объяснить одну из загадок серебристых облаков — постоянство их высоты. Если бы... если бы удалось доказать, что они состоят из кристалликов льда.

В 1951 году профессор Хвостиков впервые рассмотрел соотношение между упругостью насыщенного водяного пара и давлением воздуха на разных высотах.

Образование облаков в атмосфере возможно лишь тогда, когда атмосферное давление больше упругости насыщенных водяных паров. Соотношение между тем и другим на разных высотах показало любопытнейшие вещи: оказывается, образование облаков возможно лишь до высоты 30 километров и на высоте 80—85 километров. Это «разрешенные» зоны.

А зона от 30 до 79 километров является «запрещенной». Там благодаря высокой температуре и убывающему с высотой атмосферному давлению упругость насыщенных водяных паров больше атмосферного давления и сгущение водяных паров невозможно.

Итак, слой, расположенный на высоте 80—85 километров, — это граница проникновения в воздушную оболочку Земли активного ультрафиолетового и корпускулярного излучения Солнца. Граница, отличающаяся минимальной температурой, и та зона, в которой, судя по соотношению между атмосферным давлением и упругостью насыщенных водяных паров, образование облаков в принципе возможно.

Могут ли проникнуть на такую высоту пары воды?

Этот вопрос тоже был им рассмотрен. Профессор пришел к выводу: могут. Вода может образовываться и непосредственно на этой высоте. Но...

«Нужно сказать, что окончательное решение вопроса еще не достигнуто. До сих пор не сделано основное, а именно не уда-

лось непосредственно определить, из каких частиц (из какого вещества) состоят серебристые облака... Отсутствие данных, которые позволили бы прямо ответить на вопрос о природе серебристых облаков, делает эту проблему трудной, но интересной. Пользуясь косвенными данными и учитывая общие атмосферные закономерности, наука неуклонно приближается к разрешению загадки серебристых облаков».

...В первое же свое дежурство Роберт с десяти вечера до пяти утра несколько раз перезаряжал фотокамеры, устанавливал их — по мере движения облаков — точно под нужным углом и секунда в секунду по заданному времени производил съемку. Подробности этой ночи всплыли и отпечатались в памяти потом, утром, когда, возвращаясь домой, он стоял в тамбуре вагона. (Электрички еще не начали ходить, и Роберт ехал в поезде дальнего следования — уговорил проводника. Спешил: в тот день ему еще нужно было сдавать экзамен по химии.)

Он стоял в тамбуре, не очень даже усталый, скорее наоборот — легкий какой-то, и в голове тоненько, радостно звенело. Перестук колес иногда словно отступал. Роберт опять слышал четкие удары в динамике приемника на наблюдательной площадке — удары, отсчитывающие точное время. И вслед за этим воспоминанием пришло другое, зрительное: призрачный, почти неуловимый ответ серебристых облаков на траве, на стене домика, где хранилась аппаратура, в объективе фотокамеры. И влажно пахнущая ночная земля, и глубокая тишина, единственный звук в которой были удары, отсчитывающие точное время.

Он сдал в этот день химию, а к вечеру снова приехал в Сигуду. И все повторилось.

И на третью ночь — тоже.

Наблюдателей тогда не хватало, вот и пришлось ему три ночи подряд работать одному.

Серебристые облака в эти три ночи были очень яркими.

Потом Роберт еще не раз приезжал сюда на дежурство, по привык, управлялся легче. Это было хорошо: работа требовала точности. Даже малая ошибка — например, при установке камеры или во времени фотографирования — могла внести путаницу в отчеты. А не хотелось портить общую картину: наблюдения за серебристыми облаками теперь велись в стране систематически, с двухсот двадцати станций.

Это началось во время проведения Международного геофизического года. Ученые Советского Союза предложили тогда включить вопрос о серебристых облаках в программу работ по группе «Метеорология». Ведь до 1956 года полного систематического материала наблюдений за серебристыми облаками не было, имелись лишь отрывочные сведения, или нерегулярные серии, выполненные отдельными лицами, или случайные одиночные наблюдения. Нельзя было с достаточной точностью установить хотя бы истинную частоту появлений серебристых облаков. Дать такой материал могли только наблюдения регулярные, ведущиеся организованной сетью станций.

Они, эти наблюдения, продолжаются и после окончания Международного геофизического года.

«Наука неуклонно приближается к разгадке серебристых облаков...» — не раз вспоминал Роберт. И думал: профессор Хвостиков писал это несколько лет назад, когда много еще не было известно о спорадическом ионизированном слое...

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Сегодня, пожалуй, можно было и не приезжать в Сигулду, не тратить четыре часа на дорогу. Если серебристые облака появятся, он смог бы увидеть их в Огре. Вышел бы подальше на шоссе, там место открытое — обзор широкий.

Но лучше все-таки здесь. Привычнее. Смешно, конечно, но именно здесь, на этой наблюдательной площадке, он обретал уверенность, что его предположение правильно — серебристые облака появятся.

Он ведь тоже сопоставил факты. Факты, добытые давно, и те, что стали известны науке в последние годы. Он не пропустил ни одной строчки о серебристых облаках или о том, что имело к ним хоть какое-то отношение.

Технические журналы, рефераты, материалы Международного геофизического года, различных научных конференций и совещаний... У него постоянно было такое ощущение, что он может не прочитать, не узнать чего-то, упустить какое-то звено, и тогда его работа уже не будет работой, а превратится в дилетантское занятие.

А он относился к ней очень серьезно — уважал ее.

Однажды они с мамой даже немного поспорили. Вместе пошли на вечер в школу. Была, как водится, торжественная часть, потом концерт. Когда начались танцы, он заторопился домой, мама предложила остаться. Роберт отказался наотрез: напрасная трата времени, он лучше посидит над книгами.

Мама заметила, что юноша должен уметь и танцевать. Он возразил: можно и не уметь танцевать, ничего странного в этом нет. Вот другое странно — как можно, например, каждый день слушать радио и не знать даже принцип устройства репродуктора? А такие незнающие люди, оказывается, есть, он недавно встретил одного... По мнению Роберта, это даже не дилетантство — хуже. В наше время это просто грех.

Они уже возвращались домой, шли по безлюдной вечерней улице, и в кронах сосен над дорогой просвечивали далекие звезды.

Мама согласилась с ним, но он чувствовал все-таки, что она немного обеспокоена. «Я, наверное, была плохой мамой: не сказки тебе, маленькому, рассказывала, а читала книги...» Голос ее прозвучал не только шутливо.

Но беседа, как всегда, доставила им большое удовольствие — они умеют поговорить друг с другом. Мама — прекрасная слушательница, ей даже просто рассказывать и то интересно, но к тому же у нее всегда находится свой, часто неожиданный для него взгляд на вещи. Тогда, например, по дороге со школьного

вечера домой, он говорил и о своем увлечении физикой и заметил, что ему даже математическую формулу иногда хочется выразить в виде какой-то кривой, графически, более зримо. Мама ответила, что не очень-то это понимает — да простит ей сын такое грешное дилетанство! — и спросила: а как можно «выразить» вот этот неуловимый сумеречный свет вечерней улицы, и звук их шагов, и поблескивание звезд в сосновых кронах? В математической формуле или графически? Наверное, нет! В музыке, в сочетаниях слов, средствами живописи — это другое дело. Роберт рассмеялся, но это так понятно! Но она очень серьезно сказала: нельзя видеть одни только формулы, нельзя забывать, что в его увлеченности физикой косвенно виноват и Жюль Верн...

А помнит ли Роберт, как читал ей вслух записи Цераского о серебристых облаках? Какой точный и изящный стиль, правда? Сейчас ей подумалось даже, что именно такой человек, как Цераский, умеющий написать об увиденном так выразительно и пластично, должен был обратить внимание на серебристые облака! Ну, конечно, это спорно. Конечно... Но в одном она убеждена: писать так может человек, который глубоко любит свое дело и остро, каждым нервом ощущает связь с окружающим миром — свою, человека, связь с природой.

Ученый может быть поэтом. Но вот вопрос — не должен ли?

Чем помог ему этот разговор? Тем, что напомнил о необходимости широкого видения вещей? Сравнить, сопоставлять, искать связь между тем, что узнал вчера и прочитал сегодня, только так можно обрести «полное зрение»...

Тем же самым летом он путешествовал по Северной Двине. Пароход шел в Холмогоры. Роберт сидел в каюте и наблюдал, как за окном меняются, линяют скупые краски северных сумерек.

Проходили встречные суда, все больше буксиры, их крепкие грубоватые силуэты выделялись четко — вода и небо были светлые. Почти одинаково светлые. А полоска берега разделяла их, такая же четкая, как силуэты буксиров и барж, словно для того, чтобы глаз не путал, где река, где небо.

Они гасли постепенно, приобретая серый, свинцовый оттенок, и, наконец, стусевалось все. И корпуса встречных судов теперь не были видны, только плыли навстречу треугольники огней: зеленый и красный — бортовые и белый — мачтовый.

Пассажиры, почти все местные, судачили о своих делах, потом заговорили о своенравном характере их реки и о том, что вести по ней судно в ночные часы — дело сложное. Это время капитанской вахты — капитан сейчас сидит у штурвала. И, в Архангельск возвращаясь, будет стоять до рассвета.

Тогда Роберт поднялся на верхнюю палубу, отыскал рулевую рубку и открыл дверь. В рубке было темно. Он спросил, глядя в темноту:

— Товарищ капитан, можно с вами тут постоять?

— А постоит, если хочется, — ответил ему окающий голос. — Вот справа-то пощупайте — сиденье есть. Можете и посидеть.

— Спасибо.

Потом они молчали. Долго — может быть, час.

Капитан время от времени крутил штурвал: слышалось мягкое пощелкивание, вероятно приводов, и какое-то шипенье.

А за окнами рубки тоже было совершенно темно, только по горсткам огней, появившихся то справа, то слева — наверное, деревни, — можно было догадаться, где берега.

— Как вы не ошибаетесь в такой темноте, куда поворачивать? — спросил Роберт.

— А огни-то! — ответил капитан. — По ним и ориентируюсь. Вон справа, поглядите-ка...

— Это деревня?

— Деревня-то деревня. А вон среди них белый огонь, малость побольше, вон третий от края, видите?

— Да, — сказал Роберт, хотя все огни казались ему одинаковыми.

— Ну, так вот, это и есть створ, — довольный, сказал капитан. И, помолчав минут двадцать, добавил: — Да я семнадцать лет уже на воде, ориентируюсь...

Конечно, это в чем-то помогло ему — и разговор с мамой, и с капитаном на Северной Двине, и многое другое...

Ни в каких красках или звуках нельзя, разумеется, представить себе процессы, происходящие в ионосфере, но можно все-таки «увидеть» ионизированный спорадический слой, если сопоставить такие интереснейшие вещи: оказывается, площадь этого слоя и его толщина примерно такие же, как и у серебристых облаков.

Совпадение?

Ответить на этот вопрос можно было попытаться только при одном условии: если сначала изучить все, что известно о слое E_c.

Вот еще установленный наукой факт: при появлении ионизированного спорадического слоя становится наиболее возможным прием сверхдальних телевизионных передач.

Какое отношение имеет это к серебристым облакам?

Роберт чувствовал, что тут есть нечто...

И не ошибся.

Если человек постоянно думает о чем-то одном, многое из окружающего начинает так или иначе напоминать ему самый предмет обдумывания. Серебристые облака появляются обычно в летние месяцы. Графически их появление изображается кривой, которая была хорошо известна Роберту. Он, случалось, узнавал ее в морозном узоре на окне, в трещинке на стене, в изгибе ручья: «вот ведь как похоже...» Узнал и перелистывая один технический журнал, увидев в разделе, посвященном телелюбителям, другую кривую — она показывала, в какое время наиболее возможно появление спорадического слоя. Те же месяцы: май, июнь, июль. Но мало того: кривые были очень похожи одна на другую.

Тогда он понял, что это не совпадение, а связь. Но в чем она заключается?

Роберт узнал адрес Озолса, известного радиолюбителя Латвии, и поехал к нему.

Вернувшись, долго рассказывал маме, какую антенну сконструировал Озолс, как переделал различные блоки в своем телевизоре для того, чтобы принимать сверхдальние передачи. И принимает: Лондон, Рим, Париж, почти все страны Европы и

даже иногда — Америки. И вообще Озол очень хороший человек, он внимательно выслушал его, Роберта, все понял и все подробно объяснил — вот даже схемы дал, некоторые части. Обещал помогать...

Мама со своей доброй, чуть усмешливой улыбкой разрешила ему делать с домашним телевизором что угодно, но попросила и ей разрешить иногда смотреть интересные передачи из Москвы...

Вскоре он принял Рим, потом Лондон, Женеву.

Дни приема отмечал в специальном графике.

Дни появления серебристых облаков тоже отмечал.

Они появлялись всегда после того, как ему удавалось получить изображение с какой-нибудь далекой телевизионной станции, то есть после того, как телевизор, игравший в данном случае роль пассивного радиолокатора, «прощупывал» появление ионизированного спорадического слоя.

Есть такой метод: суперпозиция эпох — метод наложения кривых. Пользуясь этим методом, наложив две кривые — появления слоя E_c и серебристых облаков, — Роберт получил третью кривую, которая показывала, что серебристые облака появляются после образования ионизированного спорадического слоя примерно через два дня.

Не зря он так много занимался математикой: ведь расчеты надо было обработать соответствующим образом, учесть и коэффициент ошибки.

Да, примерно через два дня!

Но когда эта работа была закончена, проверить ее не удалось: сезон появления серебристых облаков кончился. Пришлось ждать следующего.

Ждать вот этого, сегодняшнего вечера...

Скоро они должны появиться...

Или ничего не выйдет?

Роберт долго сидел зажмурившись. По инструкции, прежде чем начинать наблюдения за серебристыми облаками, надо подольше смотреть в темноту. Потом откроешь глаза и увидишь...

Он сидел, зажмурившись, и теперь уже не понимал, как мог совсем недавно безусловно верить, что облака появятся. Если бы так, если бы не ошибся!

Не должен: рассуждения его вполне логичны. Может быть, конечно, есть ошибка в расчетах. Но в принципе все верно. Кажется, он себя уговаривает... Так не годится. И волноваться тоже ни к чему. Надо просто проверить свое предположение, посмотреть, подтвердится оно или нет. И думать дальше.

Он открыл глаза, медленно поднял голову.

Начиная от горизонта, в ночном небе наливались белым струящимся светом серебристые облака...

ВСЕ ВПЕРЕДИ

Потом, когда первая радость прошла, он вдруг понял, что один этот вечер — еще очень мало. Чтобы победа стала победой, нужны новые и новые, систематические ее подтверждения. Нет, теперь он был уверен по-настоящему, что его догадки правиль-

ны, но и понимал, как никогда, ясно: труд предстоит большой, все только начинается.

И все-таки никто и никогда не прогнозировал появление серебристых облаков, а он рассчитал — и получилось!

Еще два месяца Роберт нес вахту у телевизора, вел записи, в который раз выверял свои расчеты и прогнозировал появление серебристых облаков.

Получалось!

Иногда он ошибался, но ненамного — в пределах одного дня. Иногда небо было затянуто тропосферными облаками — не проверишь...

Но так или иначе материал накапливался.

— Ну вот... — у Роберта горели щеки, он то и дело быстро проводил рукой по светлым волосам, и видно было, что ему трудно усидеть в кресле спокойно. — Ну вот. Я проверил все, это еще несколько раз. Вот записи.

Икауникс взял протянутые Робертом бумаги, стал читать, потом молча принялся шагать по кабинету.

Роберт следил за ним глазами и тоже молчал.

— Так, — сказал Икауникс. — Ты принимал сверхдальние передачи, а где фотографии?

— Я просто записывал в дневнике.

Директор улыбнулся, вздохнул:

— Мало записывать. У тебя есть фотоаппарат?

— Есть.

— Надо каждый раз фотографировать полученное изображение. Это обязательно. Настоящая документация в науке обязательна.

— Я не знал, что надо фотографировать.

— Ничего страшного, теперь будешь. У тебя расчеты составлены на год?

— Да, материал еще надо накапливать, я понимаю.

— Правильно, но кое-что можно сделать и сейчас. Поезжай еще раз к Озолсу — он наверняка учитывает прием сверхдальних телепередач. Попроси у него эти данные — ну, скажем, года за три, понимаешь?

Роберт обрадованно кивнул.

— А мы подберем такие же данные за три последних года по серебристым облакам.

Роберт встал:

— Спасибо.

— Тебе спасибо.

Прощаясь, Икауникс добавил:

— Ты должен написать обо всем, что рассказал мне. И послать эту статью в журнал в Москву. Я дам тебе адрес. Подумай над этим.

— А я сумею?

— Мне почему-то кажется, что сумеешь, — сказал директор.

А когда Роберт ушел, он вдруг подумал, что в войну, если требовалось, пятнадцатилетние мальчишки были отличными разведчиками...

И еще подумал: мы привыкли говорить: «наука служит чело-

веку», и это правильно, так было и будет, но правильно и то, что в наше время все большее число людей начинает служить науке...

«Многоуважаемый Роберт Робертович!

Мы получили вашу статью и будем печатать в ближайшем номере журнала. Просим только более подробно разъяснить схему № 3, а также...»

Он дочитал письмо, прошелся по комнате, потом схватил со стола какую-то книгу, подбросил ее, поймал.

«Многоуважаемый Роберт Робертович...»

Второй раз он был по-настоящему счастлив — так же, как в тот день, когда получил свою третью кривую, показывающую, что серебристые облака появляются через два дня после появления спорадического слоя, когда все, что он знал о серебристых облаках, обрело цельность: это уже были не отдельные факты, а их система, можно сказать, определенная картина.

И теперь, когда ему в общей сложности двенадцать раз удалось предсказать появление серебристых облаков (можно было и больше, но мешали обычные тропосферные облака, затягивавшие иногда все небо), когда пришло признание его работы, он был счастлив. Но не только потому, что это признание подтверждало новый шаг, сделанный на пути к разрешению тайны серебристых облаков. Ведь уже прощупывались пути нового поиска, появлялись возможности идти дальше. Ведь прогнозирование появления серебристых облаков, как бы хорошо это ни было, важно не само по себе. Оно должно помочь объяснить главное — их происхождение.

Факты уже известные теперь получали новое освещение, книги, прочитанные год и два назад, рассказывали больше, чем тогда.

«Трудно пока обсуждать детали процесса образования и роста ледяных кристалликов за счет водяного пара в зоне серебристых облаков... В литературе высказывалась мысль, что и в случае серебристых облаков, как это хорошо установлено для обыкновенных облаков, для сгущения (конденсации) паров в капельку воды или кристаллик льда, необходим первоначальный зародыш, так называемое ядро конденсации. Роль таких ядер могли бы играть частицы пыли вулканического происхождения или частицы вещества космического происхождения...»

Это писал профессор Хвостиков.

Роберт подчеркнул последние слова: «частицы вещества космического происхождения»...

Но, во-первых, слой E_c характеризуется повышенной концентрацией ионов — десять в десятой степени в одном кубическом сантиметре воздуха.

Во-вторых, ионы обладают способностью притягивать другие частицы. Иначе говоря, они могут служить ядрами конденсации.

И если через два дня после появления спорадического слоя образуются серебристые облака, то можно предположить, что спорадический слой в какой-то мере способствует установлению того температурного режима, который присутствует на высоте серебристых облаков в момент их появления.

Предположение не противоречит гипотезе профессора Хвостикова, скорее — подтверждает ее, конкретизирует. Но все, конечно, надо проверить. Главное теперь — накопление материала.

И надо покопаться в этом спорадическом слое.

Поскольку ионизированные слои образуются в результате жесткого излучения Солнца, вероятно, существует связь между интенсивностью этого излучения и появлением спорадического слоя?

Как это проверить?

Жесткое излучение Солнца поглощается в ионосфере. Но частицы этого излучения, кванты, наталкиваясь в верхних слоях атмосферы на атомы и молекулы, бомбардируя их, служат причиной образования вторичных частиц, так называемых дельта-электронов и кю-мезонов. Эти вторичные частицы можно улавливать и на Земле. Но количество их пропорционально количеству квантов-«бомбардировщиков», квантов жесткого излучения. Значит, подсчитывая, регистрируя дельта-электроны и кю-мезоны, можно следить за интенсивностью жесткого излучения Солнца.

Такие постоянные наблюдения, может быть, позволят прогнозировать и появление слоя E_c , а не только серебристых облаков!

Сначала прогнозировать, затем разобраться в нем подробнее...

Роберт написал обо всем этом в Москву, в научно-исследовательский институт, а потом по вызову ученых сам приехал туда в командировку. Предположения его признаны интересными, план работы одобрен. Он получил необходимые консультации и аппаратуру, нужную для продолжения и развертывания исследований.

Такова история серебристых облаков, открытых семьдесят девять лет назад. История, дописать которую, вероятно, удастся в ближайшие годы. Можно прибавить еще, что летом нынешнего, 1964 года Роберт Витолниек, успешно закончив одиннадцатый класс, подал заявление на физический факультет Московского государственного университета, профессором которого был в свое время известный астроном Витольд Карлович Цераский.

Главы из приключенческого романа

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

— К сожалению, о Германии я знаю лишь по рассказам отца.

— Значит, вы немец, но жили за границей? Эмигрант?

— Сын эмигранта.

— Хорошо, — повторяет Абст. — Назовите страну, ставшую вашей второй родиной.

Карцов выдерживает паузу.

— Я жил в России.

— В России, — все так же невозмутимо продолжает Абст. — Даже родились там? Немцами были ваш отец и мать? Они живы?

Окончание. Начало см. «Искатель» № 3.

— Мать умерла. Отец был жив.
— Был жив... Как это понять?
— Его мобилизовали в русскую армию. Где он, жив ли, мне неизвестно.

— А сами вы? Тоже служили в их армии? Или служите?

— Простите! — Карцов встает. — Простите, но я не знаю, с кем веду разговор. Вы хорошо владеете языком. Лучше даже, чем я. Но вы не похожи на немца. Да и откуда взяться немцам здесь, за тысячи миль от границ Германии! Куда я попал? Что вы сделаете со мной?

— Что я сделаю с вами? Это зависит только от вас. От того, насколько вы будете откровенны в своих признаниях.

— Но в чем я должен признаться? — восклицает Карцов.

— Не теряйте времени.

Карцов называет город на Каспии, где родился и вырос, номер дома и квартиры своего школьного товарища, приводит подробности его биографии. Это верные сведения — если Абст располагает возможностью перепроверить их, за результат можно не опасаться. Мысленно Карцов просит прощения у Ханса и его отца. Оба они — настоящие люди, антифашисты. Рейнхельт-старший добровольно ушел на фронт в первый месяц войны. Что касается Ханса, то он болел и поэтому мобилизован недавно.

Абст слушает не перебивая. Он все так же сидит за столом, его глаза полуприкрыты, руки опущены на колени. Можно подумать, что он дремлет.

Зато в непрестанном движении попугай. Им вдруг овладел приступ веселья. Чешуйчатые лапки с крепкими изогнутыми коготками так и бегают по насесту, массивный клюв долбит цепочку, которой птица прикована к шесту. Цепочка звенит, попугаю это нравится — на время он замирает, наклонив голову, будто прислушиваясь, и вновь начинает метаться.

Вот попугай неловко повернулся, цепочка захлестнула вторую лапку, и, сорвавшись с насеста, он повисает вниз головой. Абст встает, распутывает птицу и водворяет ее на место.

— Продолжайте, — говорит он. — Итак, четыре месяца назад вас мобилизовали. Что было дальше?

— Меня направили в Мурманск. Вы знаете этот порт?

— Вы офицер?

— Мне присвоено звание капитана медицинской службы. Я бы не дезертировал, но...

— О, ко всему вы еще и дезертир! — Абст улыбается. — Ну-ну, что же заставило вас покинуть военную службу у русских?

— Я прибыл в часть, и вскоре выяснилось, что она готовится к отправке на фронт.

— Так и следовало ожидать... Что же, не хотели воевать против своих? Патриотические чувства не позволили вам обнажить оружие против немцев? Очень похвально.

Ну, а что помешало бы вам по прибытии на фронт перейти к немцам? Вы не подумали о такой возможности?

— Перебежчику мало веры. Особенно если это перебежчик от русских. Впрочем, вы это отлично знаете... Вы сами выловили меня в океане, доставили сюда, хотя я и не просил об этом. А сейчас смеетесь, не верите ни единому моему слову.

— Однако вы откровенны, господин дезертир. Продолжайте!

— Честно говоря, продолжать не хочется, ибо дальше произошло то, чему вы и вовсе не поверите.

— А все же!

— Случай свел меня с моряком союзного конвоя, доставившего в Мурманск военный груз. Мой новый знакомый оказался американцем немецкого происхождения. Мы быстро сблизились. Быть может, потому, что обоих нас судьба лишила родины... Короче, я рискнул и заговорил с ним в открытую. И вот перед отплытием конвоя в обратный путь они приносят сверток с одеждой. Я переодеваюсь. В кармане у меня морская книжка и другие бумаги для пропуска в порт...

— Он взял вас к себе на судно?

— Представьте, да. Он был боцман, и он спрятал меня в помещении для якорной цепи. Там я провел четверо суток. А на пятые, когда мы были далеко в море, нас торпедировали. Транспорт разломился и затонул. Я спасся чудом.

Карцов понимает, что Абст ему не верит. Он и не ждал иного. Но главное впереди...

— Разумеется, вы запомнили название корабля, на котором плыли, можете указать место и день катастрофы?

Вопрос не застаёт Карцова врасплох. Он готов к ответу. В тот год гитлеровские подводные лодки, действуя группами, часто атаковали караваны транспортов, следовавших в советские порты. Один такой налет на крупный конвой, когда он шел в обратный рейс, был совершен месяц назад.

Немцы потопили несколько судов, а корабли охранения, в свою очередь, отправили на дно вражескую субмарину. Сообщение о бсе конвоя с фашистами обошло все газеты. Разрабатывая предстоящую беседу с Абстом, Карцов восстанавливал в памяти подробности. И сейчас он уверенно называет дату и приблизительное место происшества.

— Что же, корабли конвоя не подбирали людей с торпедированных судов?

— Не знаю. Скорее всего, нет. Там такое творилось!.. Мне кажется, уцелевшие транспорты увеличили ход, чтобы быстрее уйти от опасного места.

— Как же вы спаслись?

— Конвой был атакован, когда смеркалось. Несколько часов я провел среди обломков, которыми кишела вода. На мне был надувной жилет, и я подобрал еще один.

— Где это произошло?

— Полагаю, в Баренцевом море.

— А вы представляете, где сейчас находитесь?

— В общем да.

— Путь из Баренцева моря к нам вы проделали на своем надувном жилете, вплавь?

Карцов улыбается шутке Абста.

— Этот путь я проделал на борту судна, которое спасло меня. Я и еще несколько человек были подобраны британским госпитальным судном. Как оказалось, оно шло в эти воды. Насколько я мог понять из разговора матросов, где-то здесь расположена военно-морская база союзников.

— Как вы снова очутились в воде? Что случилось с судном?

— Его тоже торпедировали.

— Торпедировали госпитальное судно?

— Да, и сравнительно недалеко отсюда.

— Немецкие подводники потопили госпитальное судно, которое несло отличительные знаки?

— Судно имело огромные кресты на бортах и на палубе и тем не менее получило в бок две торпеды. У вас, вероятно, есть возможность проверить мои слова. Ведь это произошло совсем недалеко. Впрочем, я не сказал, что торпеды были немецкие. Разумеется, я их не видел. Но через четверть часа после гибели судна, когда я барахтался в воде, появился самолет. В километре от меня он сбросил в море бомбы. Кого он бомбил? Вероятно, подводную лодку.

— Чей самолет?

— Не знаю. Мне было не до него. Я был занят тем, что поддерживал оглушенного взрывом человека. К счастью, он быстро оправился. Рассказывать дальше? У вас столько иронии в глазах.

— Продолжайте.

— Как вам угодно. Итак, неподалеку мы увидели перевернутую шлюпку. Нам удалось поставить ее на киль. Оказалось, что это спасательный вельбот. Он был полон воды, но воздушные банки держали его на плаву... Вот и все. Остальное сделали течение и ветер.

— Вас пригнало сюда?

— Скалу мы заметили ночью, при свете луны. До нее было километров пять. В вельботе не имелось весел, его несло мимо. Наши силы были на исходе, но мы все же решили пуститься вплавь. В воде скоро потеряли друг друга: зыбь, темнота... Дальнейшее вам известно.

— Выходит, вы были не один?

— Выходит, так.

— Кто же был ваш спутник?

— Врач. — отвечает Карцов, выкладывая свой главный козырь. — Один из врачей госпитального судна. Англичанин. — Он выдерживает паузу. — Индиец по происхождению.

Снова запутавшись в цепочке, попугай висит вниз головой, отчаянно хлопает крыльями и кричит. Но Абст не обращает на него внимания. Он поспешно направляется к шкафчику у стены, шарит по полкам.

Карцов встает, освобождает лапки попугая, сажает птицу на жердочку. Уголком глаза он видит: Абст развинчивает круглую белую коробочку.

— Как звали индийца? — спрашивает Абст, возвращаясь к столу.

Карцов морщит лоб, щурится. Нетерпение Абста столь велико, что неожиданно для самого себя он произносит:

— Рагу...

— Рагу Бханги! — кричит Карцов. Он хватает Абста за руки, всматривается в глаза. — Вы назвали его! Боже, какое счастье! Он здесь, он подтвердит все!

Абст молча глядит на Карцова.

ГЛАВА 12

Восьмой день пребывания Карцова в подземелье Абста. Как обычно, обед приносит Глюк. Но еды на этот раз слишком много. И две кружки с кофе.

Поставив обед на столик, он извлекает из кармана штанов широкую плоскую флягу, пододвигает ногой табурет и садится.

— Буду есть с вами.

Карцов отмечает: Глюк говорит ему «вы». Знаменательная перемена.

Между тем рыжебородый достает два алюминиевых стаканчика, наливает в них из фляги, поднимает стаканчик.

— Я так скажу, доктор: вы молодчина, что сумели выкарабкаться. Другой ноги бы протянул от всех этих передряг! А вы выжили. Будьте здоровы, доктор!

Они с аппетитом съедают суп — густой, наваристый. В опустевшие миски Глюк накладывает консервированную свинину с картофелем, подливает соус. Ест он жадно и много. Вскоре распускает широкий пояс, на котором висит кобура с пистолетом, а потом и вовсе снимает его и вместе с оружием кладет на пол.

Лязгнула дверь. Входит радист.

— Вот ты где, Густав, — говорит он. — Ну-ка, быстрее к шефу.

— Черт, — ворчит Глюк, — и здесь нет покоя!..

Они выходят.

Слишком поспешно, отмечает Карцов. И не заперли за собой и пистолет забыли на полу.

Опустив глаза, он рассматривает черную матовую кобуру, из которой наполовину вывалился тяжелый парабеллум. Обойма, конечно, пуста. Или патроны разряжены. В общем примитивно...

Вскоре Глюк возвращается. Бросив беглый взгляд на пистолет, садится за стол, вновь разливает спирт.

— Послушайте, доктор, — вдруг говорит он, — где вы жили в России?

Карцов отвечает.

— Понятно. А Украину знаете? Это правда, там такая

земля: палку воткни — и растет? Бывали на Украине, доктор?

— Не приходилось.

— Жаль. — Рыжий задумчиво оглаживает бороду. — Ну, а Кавказ? Какова земля на Кавказе? Скажем, где-нибудь у Черного моря?

— Хорошая земля. Кругом сады: виноград, чай, апельсины.

— И апельсины? — удивляется Глюк.

По мере того как Карцов рассказывает о Черноморье, немец все больше волнуется.

— А свиней там можно разводить? — вдруг спрашивает Глюк. — Свиньи, доктор, это верный доход, уж я знаю!

Рыжий объясняет. Каждому, кто хорошо воюет, фюрер обещал землю и работников на востоке. Можно обосноваться, где только захочешь. Лично он полагал остановить свой выбор на Украине. Но коли так благодатен Кавказ, то тут и думать нечего — Кавказ у теплого моря. Только бы побольше работников!

— Уж я заставлю их повозиться с землей, — ухмыляется Глюк, — уж они у меня потрудятся!..

Через день Карцова вновь конвоируют к Абсту.

— Вас ждет добрая весть, — торжественно провозглашает Абст. — Властью, данной мне фюрером, объявляю вас воином германского рейха. Прочтите бумагу вслух и подпишите.

Карцов читает: «Я клянусь: я буду верен и послушен фюреру Германской империи и народа Адольфу Гитлеру, буду соблюдать законы и добросовестно выполнять свои служебные обязанности, в чем да поможет мне господь»¹.

Карцов позволяет себе секунду поколебаться, потом подписывается под присягой.

— Ну, вы довольны?

— Доволен, — сдержанно говорит Карцов.

— Не очень-то, если судить по вашему тону. Для прохождения службы отправитесь на родину. Там получите назначение. Снаряжение, оружие — тоже там.

— Когда же меня отправят?

— С первым транспортом. Вероятно, скоро. Сроков назвать не могу: война, а мы так далеко от своих.

— Отправки придется ждать недели? Быть может, месяцы?

— Возможно.

— И все это время я буду бездельничать?

— Желаете работать? — Абст облизывает губу.

— Конечно.

— Хорошо, — медленно говорит Абст, — хорошо, Рейнхельт, я дам вам интересную работу. От того, как она будет выполнена, зависит ваша карьера в Германии. Коротче, ваше будущее — в ваших руках.

¹ Подлинный текст присяги на верность Гитлеру.

— Постараюсь быть полезным.

— Хочу надеяться... Сегодня я представлю вас нашему врачу. Это женщина. Недавно она получила печальную весть. В результате — сильное нервное потрясение, у бедняжки отнялись ноги. Обследуйте ее. Попытайтесь помочь. Кроме того, вам придется обслуживать группу больных. Тех, кого пользовала она, пока была здорова. А потом прибудет транспорт, и вы уедете. Я отправлю вас обоих одним рейсом.

Карцов не обманывается насчет уготованной ему участи. Зачисление «воином германского рейха», присяга, которую он только что подписал, предстоящая отправка в Германию — все это ложь, выдумка Абста, рассчитанная на то, чтобы врач работал лучше, с охотой... Но Ришар? Неужели и ей определена смерть?

— Теперь главное, — доносится до него голос Абста.

— Да, я слушаю вас...

— Называйте меня просто: шеф. Итак, перейдем к главному. Вам известно — я хирург и психиатр. До последнего времени у меня была обширная практика: сейчас, в войну, нет недостатка в людях с той или иной степенью умственного распада или дегенерации. Я трудился как одержимый и смог вернуть обществу многих своих пациентов. Но удача — увы! — приходила не всегда. Я потерпел жестокое поражение в работе над группой моряков, побывавших под сильной бомбежкой. Они были безнадежны. Вскоре один из них умер. Еще через месяц скончался второй. Мне стало ясно: те, что еще живут, тоже обречены. И тогда я решил на рискованный шаг. Лет шесть назад я вывез из Южной Америки сильный растительный яд. В верховьях Амазонки индейские знахари применяют его для лечения некоторых психических заболеваний... Я ввожу препарат яда одному из оставшихся в живых и становлюсь свидетелем чуда: человек, который много недель лежал скрюченный и одеревенелый, вскоре после инъекции расслабляется, потом садится. Но он решительно ничего не помнит и с трудом может произнести несколько слов. Однако это успех, огромный успех! Воодушевленный, я работаю над вторым больным. И тут кто-то прыгает мне на спину, хватая за горло. Задыхаясь, я вытаскиваю пистолет и... лишаюсь еще одного пациента. Теперь, начиная эксперимент, я действую осторожнее. И все повторяется — психотики выходят из состояния комы, ведут себя вполне пристойно, потом пытаются броситься на меня. Но они крепко связаны, и я с волнением наблюдаю за этими непостижимыми вспышками бешенства. Секундомер отсчитывает время. Через двадцать минут они вновь на полу, безучастные ко всему, неподвижные и беспомощные. Такова реакция организма на ослабление действия препарата — сперва неистовство, затем резкий переход в состояние полного отупения, когда у больного утрачен всякий контакт с внешним миром. Через день я возобновляю эксперимент, упорно продолжая попытки... Короче, период просветления сознания больных удалось довести до шести часов. Затем до восьми, до десяти часов, Рейн-

хельт! Но всякий раз дозу препарата приходилось увеличивать. А ведь это сильнейший яд... Словом, вскоре погибли еще двое. Однако я был настойчив. Я не отчаялся и стал работать с новой группой. Я добился, что состояние относительного психического просветления больных длится несколько месяцев — пока им регулярно и во все возрастающих дозах вводится препарат и противоядие. Однако стоит запоздать с очередной дачей снадобья или неправильно рассчитать дозу — и наступает катастрофа: перед вами безумцы, одержимые манией убийства... Эта группа больных находится здесь. Она была на попечении нашего врача. Теперь врач выбыл из строя, и его замените вы. Запомните: с момента, когда вы вступите в контакт с больными, жизнь ваша в большой опасности. Вы должны уяснить: малейшая небрежность в работе с ними, ошибка при определении данных, по которым назначается рацион специального препарата, опоздание, задержка с его применением — и вас разорвут в клочья. Вы поняли?

— Полагаю, да.

— Доктор Марта Ришар подробно проинструктирует вас. Слушайте ее внимательно, переспрашивайте десятки раз, но не упустите ни единой мелочи.

— Понял, шеф.

— И еще. Категорически запрещаю вести с ней посторонние разговоры. Вы врач, прибыли из Германии. Это все, что она должна знать о вас. Есть вопросы?

— Мне кажется, все, что нужно, вы сказали.

— И вы не испытываете чувства страха?

— Мне страшно, шеф. Но я говорю себе: справлялась же с ними женщина!

— Резонно. — Абст с любопытством глядит на Карцова. — А теперь последнее. Вы должны знать, зачем эта группа находится здесь, так далеко от блестящих берлинских клиник... Так вот, что вам известно о камикадзе и кайтэнс?

— Впервые слышу.

— Это японские слова. Камикадзе — летчик набитого взрывчаткой самолета. При взлете он оставляет шасси на аэродроме. Таким образом, возвращение невозможно. Пилот не может и выброситься в воздухе — у него нет парашюта. Остается одно — он отыскивает цель, пикирует. Взрыв!.. Кайтэнс — это человек, который делает то же самое; но под водой, сидя на управляемой торпеде. И здесь спасение исключено. Как вам все это нравится?

— Ну что же, — осторожно говорит Карцов, — как я понимаю, эти люди добровольцы... Словом, красивая смерть, хотя от всего этого за километр несет средневековым варварством.

— Варварство, — согласно кивает Абст, — да простят мне это наши многоуважаемые союзники. Подумать только: погибают здоровые люди, в расцвете сил, в полном сознании. Нет, мы не могли пойти по такому пути, хотя и у нас немало героев, готовых умереть во славу фюрера...

Но ведь иное дело, если человек безнадежно болен, а ко всему еще и утратил разум!.. Несколько недель, быть может, месяц или два, и он погибнет. Он все равно умрет... Вы понимаете меня?

ГЛАВА 13

Просторная площадка возле лагуны. Спinoй к воде выстроились пловцы. Все они в серых вязаных брюках. Торсы и головы обнажены. Четверть часа назад Карцов поднял их с нар, сводил в умывальник, заставил проделать гимнастические упражнения и сейчас готовится выдать каждому специальную пищу.

— Минуту, Рейхельт!

Это Абст, он только что вышел из туннеля и сейчас задумчиво глядит на нового врача. В течение нескольких дней Ханс Рейхельт проходил подробный инструктаж у Рихар. Затем под наблюдением самого Абста он столько же

времени практиковался в обслуживании группы пловцов. И вот со вчерашнего дня ему предоставлена самостоятельность. Да, пока все идет нормально. Рейнхельт круглые сутки с пловцами. Он даже спит в одном помещении с порученными ему людьми: если случится неладное — первой жертвой будет он сам. И все же...

— Вот что, — говорит Абст, — я решил провести эксперимент. Сейчас вы оставите одного из них без препарата.

— Зачем, шеф?

— А вот увидите. Где ваша книга? Дайте ее сюда. Вычеркните кого-нибудь.

— Не могу, шеф, — тихо произносит Карцов, догадавшись о намерении Абста.

— Вычеркивайте. Сами, по своему выбору. Ну!

Карцов наугад проводит карандашом по списку. У него трясется рука. Он понимает: один из тех, что стоят в строю, в эту секунду обречен на гибель.

— Так, — говорит Абст, заглядывая в книгу, — это был Гейнц. Ну-ка давайте сумку.

И он извлекает из сумки Карцова те полтора брикета, которые предназначались пловцу.

Повинуясь приказу, Карцов приступает к раздаче препарата. Пловцы получают брикеты и принимают за еду.

Карцов оглядывает людей. У всех опущенные плечи, повисшие вдоль туловища руки. Некоторые еще жуют. Те, что уже справились с едой, едва заметно покачиваются на ногах, будто им трудно сохранять равновесие.

Пловец по имени Гейнц никак не реагирует на то, что его обделили. Как и другие, он тупо глядит в пространство, и глаза его неподвижны, пусты. Это высокий, гармонично сложенный человек с удивительно четким рисунком мышц. Таковую рельефную мускулатуру редко встретишь у пловца. Впрочем, из медицинской карточки Гейнца известно, что когда-то он был отличным гимнастом.

На железной двери задвинуты два массивных засова. За ней, на полу каменной конуры, похожей на тюремную одиночку, неподвижно сидит человек. По эту сторону двери, у овального глазка, — Абст и Карцов.

Заперев подопытного, Абст увел к себе нового врача и снова тщательно проэкзаменовал его. Сейчас они вернулись к камере, где заперт Гейнц, присели на широкий скальный выступ.

— Шеф, — говорит Карцов, — вы затеяли эксперимент из-за меня? Полагаете, что иначе я не оценю в полной мере ваших предупреждений?

— Да.

— Опасения напрасны: я все воспринял очень серьезно. Боюсь, что вы зря губите ценного бойца. Прощу вас, пока еще не поздно...

— Поздно. — Мельком взглянув на часы, Абст повторяет: — Поздно, Рейнхельт. Это скоро начнется.

— Как угодно, шеф. Я только хотел...

— Вы ничего не должны хотеть, — резко обрывает его Абст. — Вы должны получать приказы и лучше их выполнять. Запомните это!

Карцов молчит. Возражать бессмысленно.

Стон из-за двери!

Вздروгнув, Карцов поднимает голову. Стон повторяется.

По знаку Абста он подходит к двери.

— Откройте заслонку глазка, — командует Абст.

Карцов смотрит в глазок. Он видит: человек сидит на полу, прислонившись к скале. Его ноги вытянуты, голова безвольно опущена на грудь.

— Смотрите, — требует Абст, — смотрите внимательней. И — представьте себя рядом. Вы в одной с ним комнате, понимаете? Вы плохо обслужили его, зазевались, проявили небрежность... Ночь. Вы спокойно спите, рядом лежат двадцать четыре таких, как этот. В вашей сумке препарат, который вы забыли скормить им. И вот они пробуждаются...

Человек поднял голову, поднес ко лбу руки, закрыл ими лицо. Сидя на полу, он раскачивается. Все сильнее, сильнее. Из-под прижатых ко рту ладоней вырвался стон. Стон громче. Это уже не стон — раскачиваясь, человек исторгает протяжный вой.

Еще мгновение, и он на ногах.

Карцов видит его лицо. Минуту назад оно было неподвижно. Теперь на нем ярость. Безумец озирается. Вот он увидел дверь, выставил руки, шагнул вперед, пригнулся. В горле у него клокочет.

Поймав его взгляд, Карцов пятится. В следующий миг тяжелая дверь содрогается от навалившегося на нее тела. В дверь колотят. Каменное подземелье оглашается воплями.

Абст улыбается: эксперимент произвел впечатление. Можно не сомневаться — уж теперь-то новый врач будет аккуратен и бдителен.

Они идут по коридору. Крики погибающего звучат глуше. Вскоре лишь отдаленный, неясный гул сопровождает их по извилинам сырого скального подземелья.

— Вам жаль его? — спрашивает Абст. Он вздыхает. — Ничего не поделаешь, несчастный был обречен. Месяцем раньше, месяцем позже, но итог был бы один.

Карцов не отвечает. Скорее бы остаться одному, отдышаться, привести в порядок мысли!..

У развилки туннеля он замедляет шаг.

— Я бы хотел заглянуть к Ришар, шеф.

— Кстати, о ней. Итак, ваш диагноз — истерический паралич. Однако известно, истерические параличи излечиваются сравнительно быстро. А у нее до сих пор улучшения не наступило...

— Ришар — впечатлительная, нервная особа. Она внушила себе, что никогда не поправится. Я обязательно вылечу ее, но на это требуется время.

Абст приводит Карцова в свое рабочее помещение. Разговор продолжается там.

— Время, время! — восклицает Абст, усаживаясь за стол. — Его-то как раз и нет у нас с вами, дорогой Рейнхельт... Я бы и сам лечил ее, но не могу: занят. Очень занят, коллега. А впереди много серьезных дел.

Абст видит, что собеседнику не по себе, и по-своему истолковывает его состояние: новый врач напуган, ошеломлен. Что ж, очень хорошо!

— Так вот, Рейнхельт, вы должны знать: скоро сюда доставят новую партию умалишенных. Их необходимо быстро подготовить к работе. Это будет поручено вам. К тому времени Ришар должна быть на ногах. Постарайтесь!

Карцов хочет спросить: «А как же с моим отъездом?» Но благоразумно воздерживается.

— Ну, а каковы ваши взаимоотношения? — задает новый вопрос Абст. — Вы ей понравились?

— Не знаю, шеф. Кажется, не очень. Она молчит или плачет...

— Вам задавались вопросы?

— Только относящиеся к лечению. И еще: время от времени у меня просят сигарету.

— Ришар получает норму.

— Вероятно, надо увеличить норму. И еще просьба, шеф. Мне запрещено разговаривать с ней — я имею в виду беседы на отвлеченные темы. Это создает дополнительные трудности в лечении. Нельзя недооценивать психотерапию. Вы прекрасно знаете — для больного беседы столь же важны, как гимнастика, массажи или витамины...

— Ладно, Рейнхельт, разговаривайте с ней. Но подчеркиваю: только на отвлеченные темы, как вы сейчас выразились. Болтайте о музыке, о кино или книгах. Ни слова о политике, о положении в стране или о том, что творится в мире. И тем более о нашей работе здесь.

От рабочего помещения Абста до комнатки Ришар полсотни шагов. Карцов медленно движется по коридору. Он все еще не оправился от потрясения, вызванного «экспериментом». Он наслышан о том, что творят гитлеровцы на оккупированной земле. Через линию фронта просачиваются сведения о злодеяниях захватчиков на Украине, в Прибалтике, Белоруссии. Беглые пленные рассказывали о городе смерти на западе Польши, в котором расстреливают и травят газами сотни тысяч людей... А недавно прошел слух: в Бресте немецкие химики создали завод, где варят мыло из человеческого жира. Когда об этом стало известно на корабле Карцова, кто-то из моряков усомнился: слишком невероятно.

У Карцова сами собой сжимаются кулаки. Уж теперь-то он знает, на что способны фашисты!..

До комнаты Марты Ришар — десяток шагов. Карцов останавливается, закуривает сигарету. Кто она, эта стран-

ная девушка? Фашистка вроде Абста, его преданная помощница? Кажется, в этом трудно сомневаться — Ришар делала то, что теперь поручили Карцову. Но он помнит: она вела киносъемку пловца возле лагуны, затем плакала и швыряла в воду брикеты и в заключение запрятала в скале свою камеру... Несколько дней назад, находясь на площадке, он заглянул в тайник — камера все еще там!

Он сопоставляет это с другими известными ему обстоятельствами — с просьбами Ришар отпустить ее в Германию, истерическим припадком девушки и попыткой отравиться, когда Абст ответил отказом.

Тайная съемка пловца (плюс съемка торпед и другого секретного оружия, которую она могла производить раньше) и настойчивое стремление Ришар уехать отсюда — нет ли связи между этими фактами? Такое предположение напрашивается. А вдруг она собиралась показывать отснятую пленку кому-нибудь в Германии? Но кому? Уж, во всяком случае, не хозяевам Абста, которые обо всем творящемся здесь, конечно, осведомлены. Кому же тогда? Быть может, представителям оппозиции гитлеровскому режиму? Стоп!.. Карцов вздрогнул от пришедшей на ум догадки. Что, если Ришар — разведчица? Для такого предположения есть все основания. Но на кого она работает — на американцев или англичан? Может быть, она русская?.. Подумать только, в этом адовом подземелье у него может найтись союзница!

— Спокойно, — шепчет Карцов, зажигая погасшую сигарету и жадно глотая горячий, горький дым, — спокойно, не торопись. А вдруг цепь твоих рассуждений только домысел? Тогда неизбежна ошибка, которую уже не поправить. Спокойно!

Перед ним дверь в стене коридора — небольшая, окрашенная в серое, с грубой скобой вместо ручки. Он стучит в дверь и входит.

Марта Ришар лежит в постели. При виде врача она откладывает книгу, которую читала.

— Добрый день, — говорит Карцов.

Ришар подтягивает одеяло к подбородку.

Карцов задает вопросы: самочувствие, сон, аппетит. И получает короткие односложные ответы. При первых посещениях нового врача Ришар держалась иначе, но Карцов строго выполнял указания Абста, и она замкнулась.

Он приступает к работе, тщательно разминает мышцы ног Ришар. Ноги у нее стройные, мускулы хорошо развиты.

— Занимались спортом?

Молчание.

— Занимались, — уверенно говорит Карцов. — И я знаю, это был велосипед.

Закончив процедуру, Карцов опускается на табурет, проводит рукой по лбу.

— Устал, — говорит он, улыбаясь. — Отдохну немножко, и мы начнем гимнастику... Кстати, я тоже увлекался велосипедом.

Карцов с юмором рассказывает, как однажды на шоссе-ных гонках сбил неосторожного прохожего.

— И как вы думаете, кем оказался прохожий? — восклицает он. — Моим соседом по дому, с которым у нас были давнишние нелады. Разумеется, он не поверил, что это случайность!..

— Вы все сочинили, — говорит Ришар.

— Сочинил, — простодушно признается Карцов.

— Хотите развеселить меня?

— Очень хочу. К тому времени, когда за вами придет транспорт, вы должны быть на ногах.

Он ждал, что эти слова подбодрят больную, но при упоминании об отъезде она начинает плакать.

Карцов встает, чтобы подать воды. И остается на месте.

В комнату входит Абст.

— Что здесь происходит? — спрашивает он.

— Ничего особенного, шеф. Просто в ногах фройлейн Ришар появились боли. Хороший признак. Разумеется, фройлейн разволновалась.

— Это правда? — говорит Абст, обращаясь к лежащей.

Ришар кивает.

— Хорошо. — Абст оборачивается к Карцову. — Закончив с больной, приходите ко мне. Возьмите с собой карточки группы.

— Вы вторично солгали, — говорит Ришар, когда шаги Абста затихли в отдалении.

— Вы тоже.

Ришар не отвечает. Они долго молчат.

— Я шутил, когда рассказывал историю с велосипе-дом, — говорит Карцов, снова приступая к массажу ног пациентки. — Я никогда им не увлекался. У меня была иная страсть: кинокамера!.. Люди, умеющие работать с камерой, особенно на фронте или, что еще опаснее, в тылу врага, — это мужественные люди, не так ли?

Ришар молча глядит на него.

— Вот вам две сигареты, — говорит Карцов. — Помни-те: вы должны выздороветь. Как можно скорее!

И он уходит.

ГЛАВА 14

Тихая лунная ночь над океаном. Только что мимо скалы прошел корабль. Сигнальщики привычно осмотрели в бинокли торчащую из воды коническую громадину. На мостике, кроме них и вахтенного начальника, был сам командир. Он тоже не отнимал бинокля от глаз. Залитые бледным рассеянным светом крутые бока утеса, как всегда, были безжизненны. Офицер отдал приказ на руль, и корабль стал огибать скалу, прошупывая толщу воды приборами. Несколько часов назад в море была обнаружена неизвестная подводная лодка. Ее атаковали, но, видимо, безрезультатно. Быть может, она затаилась где-то здесь.

Поиск результата не дал.

Корабль ушел на базу, и подземелье ожило. Площадку возле лагуны осветили, спустили на воду буксировщики. Отряд из десяти пловцов во главе с Глюком вырулил на середину лагуны и погрузился. Еще десять пловцов остались на берегу.

Абст покидает площадку. По пути он привычно проводит рукой по скобе стенового сейфа — проверяет, заперто ли хранилище. Потом скрывается в туннеле.

Карцов искоса наблюдает за ним. Да, предположения верны — помогая одевать пловцов, он видел: респираторы вынимали из этого сейфа. А нижняя часть железного шкафа сплошь заставлена полуметровыми металлическими веретенами и короткими конусами: вероятно, мины и взрыватели к торпедам.

Но сейф недоступен — ключи Абст носит при себе. Вот если установить контакт с Мартой Ришар и действовать через нее! Однако она молчит. После памятного разговора о киносьемке Карцов много раз навещал свою пациентку. Он ждал активности с ее стороны и не дождался. Не поняла намек? Или не верит ему, боится? Как все запутано!

Радист сползает с сиденья крана, долго с натугой сморкается.

— Проклятая сырость, — говорит он, вытирая ладонью остренький носик. — Ну, как идут дела, доктор? Пообвыкли, освоились? Ради всего святого, держите с ними ухо остро! — Радист кивком показывает на пловцов.

— Спасибо за предупреждение. Шеф и Ришар мне все объяснили. Не стоит беспокоиться.

Радист наклоняется, чтобы поправить шнурок войлочного ботинка. Карцову видна его тонкая шея, прозрачно-розовые уши, торчащие по бокам восковой лысины.

— Послушайте, доктор, — говорит он, — а что, если возьмете меня в помощники? Выберите время да и шепните шефу: трудно, мол, одному, пусть мне подсобит Вальтер. Это мысль, доктор?

— Пожалуй...

— Согласны? — обрадованно восклицает Вальтер. Он выпрямляется и заговорщически подмигивает. — Только о нашей беседе — молчок. Вы сами все обдумали и решили.

— Хорошо. При случае обязательно скажу шефу. Вдвоем было бы легче: я занимаюсь исследованиями, вожусь с приборами. Вы ведете людей на работы или, скажем, раздаете им препарат...

— Вот-вот, доктор, попали в самую точку. — Вальтер морщит в улыбке подвижное безбородое лицо. — Я готов. У меня, доктор, уйма свободного времени.

Радист продолжает говорить. Карцов отвечает ему, улыбается, а из головы не лезет тайник, устроенный Ришар для своей камеры. С того места, где сидит Карцов, хорошо виден обломок скалы, которым завалена расщелина...

В лагуне движение. Бесшумно всплывают Глюк и его

спутники. Пятеро из них буксируют кассеты — точно такие, в какой был заключен индеец Бханги. За остальными пловцами тащатся обычные резиновые мешки.

На площадке появляется Абст. Перегнувшись через поручни, он наблюдает за тем, как кассеты извлекают из воды. Всего доставлено пять кассет. Их тотчас уносят в туннель. Абст исчезает.

Четверть часа спустя отряд Глюка вновь погружается. Карцов один на площадке. Ему ясно: кассеты, резиновые мешки с грузом — все это означает, что пришла очередная подводная лодка. В кассетах, конечно, люди. Но Абст ни слова не обмолвился об этом. К чему такая секретность? Ведь новая группа умалишенных должна быть поручена ему, Карцову... А что, если в контейнерах вовсе не больные, а люди с нормальной психикой, здоровые люди, которых хозяин подземелья, садист и изувер, собирается лишить разума, воли, превратить в придатки к торпедам, в самоубийц?..

В тяжелых раздумьях медленно тянется время. Через час отряд Глюка возвращается. На этот раз пловцы прибуksировали только мешки с грузом.

— Отправитесь еще разок? — спрашивает Вальтер, вытягивая из воды последнюю гирлянду мешков.

— Закончили.

Глюк, уже снявший маску, ополаскивает лицо в воде и вслед за пловцами взбирается по трапу.

...Люди накормлены. Сейчас, после трудной работы, они спят. Карцов запирает дверь и уходит. Да, у него свобода передвиженья по подземелью — от этого помещения до комнатки Ришар. Видимость свободы. Каждое его действие, каждый шаг под негласным контролем. За ним наблюдают. Где бы он ни находился, всегда поблизости оказывается кто-либо из помощников Абста, а то и сам хозяин грота... А часть подземелья, где рабочее помещение Абста, радиорубка, камбуз и какие-то другие службы, — эта часть грота для него вообще запретная зона.

Он приближается к развилке туннеля. Направо путь в «запретную зону», налево — к Ришар. До развилки остается несколько метров, когда в туннеле раздаются шаги.

Карцов останавливается. Шаги все слышнее. Теперь можно определить, что идет группа людей.

Прижавшись к камню, Карцов ждет.

Сперва появляется Глюк. Сейчас, кроме пистолета, он вооружен и автоматом. Затем мимо Карцова цепочкой проходят незнакомые люди. Первый, как он успевает заметить, совсем молод. На нем военная форма, ее покроя и погоны явно офицерские. А кисти рук, которые человек держит перед грудью, скваны.

В наручниках и те, что движутся следом. Они тоже военные, очевидно солдаты. Немцы? Но это не мундиры германской армии. Да и люди иного обличья — смуглые, по-

хожие на южан. У того, что идет последним, коренастого крепыша с серьгой в ухе, курчавые черные волосы.

Шествие замыкает Вальтер с автоматом на изготовку.

Незнакомцев пятеро. Карцов вспоминает: сколько же было кассет-цилиндров? Кто же эти люди? Американцы? Или англичане? Нет, у тех другая военная форма.

Группа движется по направлению к лагуне. Шаги стихают.

Вскоре Карцов у Ришар. Обычные процедуры он делает машинально. Дважды ловит себя на том, что, приостановив работу, тупо глядит на пациентку. Нервничает и она.

— Что там случилось? — спрашивает Ришар. — Я слышала, мимо прошли люди, много людей...

Карцов не успевает ответить. Дверь отворяется. Это Абст.

— Давно вы здесь? — спрашивает он Карцова.

— Минут двадцать, шеф. Я пришел в обычное время. Вам кажется, я опоздал?

Абст обращается к больной.

— Где ваш ключ?

Ришар кивком показывает на дверь.

— Я запру вас, — говорит Абст. — Запру на час или полтора. Доктор Рейнхельт, постарайтесь развлечь свою подопечную. Сегодня вам даются все возможности испытать благотворное влияние психотерапии.

Усмехнувшись, он выходит и затворяет дверь. Слышно, как дважды поворачивается ключ в замке.

В комнате тишина. Ришар тяжело дышит.

— Выпейте. — Карцов подает ей чашку воды.

— Что там случилось? — одними губами спрашивает она. — Вы видели цилиндры, которые всплывали из воды?

— Видел.

— Сколько?

— Пять.

— Боже мой, — шепчет Ришар, — боже, еще пятеро!

— Кто эти люди, что с ними сделают?

— О, вы все отлично знаете! — Ришар с ненавистью глядит на Карцова.

— Нет, — говорит он, — я о многом догадываюсь, но ничего не знаю наверняка.

— Ложь!

— Меня заперли с вами. Подумайте: почему?

Ришар молчит.

Карцов достает из кармана кассету с пленкой.

— Ваша, — говорит он, держа кассету на ладони. — Там, в расщелине, возле лагуны, еще четыре таких. И кинокамера.

Ришар смотрит на кассету широко раскрытыми, остановившимися глазами.

— Вы неосторожны, — продолжает Карцов. — Разве можно так рисковать! — Он протягивает кассету. — Возьмите и выбросьте.

Ришар чуть заметно качает головой.

— Нельзя?.. А, понимаю: ее надо сохранить. И другие тоже? Хорошо. — Карцов опускает кассету в карман. — Хорошо, я спрячу их понадежнее. И кинокамеру. — Он берет руку Ришар. — Скажите, что сделает Абст с теми людьми?

Ришар лежит неподвижно. По лицу ее разливается желтизна.

Карцов ждет. В пещере тишина. Долго длится пауза.

— Марта, — мягко говорит он, — Марта, мы теряем время. Отвечайте же! Он убьет их?

— Нет, — шепчет она.

— Что же тогда? Операция?

— Не сразу. Сперва временно подавит их волю: есть препарат... Потом операция.

— Какая?

— Лоботомия.

— Я не совсем понял...

— Трансорбитальная лоботомия.

— Как она делается?

Ришар подносит руку к лицу, касается пальцем верхнего края глазной впадины.

— Отсюда? — шепчет Карцов. — Какова цель операции?

— Человек лишается воли, памяти. Он почти не мыслит, покорен.

— Это навсегда?

— Не знаю...

— А брикеты, которые получают пловцы, зачем они?

— Если их не давать, оперированный вскоре превращается в параноика, одержимого манией убийства. Затем он погибает.

— И его нельзя спасти? Скажем, повторная операция?

— Я не знаю.

— А что, если препарат вводить здоровым людям?

— Он действует, но очень быстро вымывается из организма. Обязательно нужна операция.

— Понимаю... Абст сам дошел до всего этого?

— Он работал со специалистами. Практиковался в лагерях.

— Вы были там вместе с ним?

— Да.

— Неужели помогли ему?

— А вы? — Ришар глядит на Карцова злыми глазами. — Сами вы чем занимаетесь?

ГЛАВА 15

Люди в наручниках приведены на площадку перед лагуной. Глюк показывает на каменный выступ неподалеку от трапа.

— Садитесь, — командует он.

Пленные продолжают стоять. Видимо, не понимают по-немецки.

Конвоир хмурится и повторяет приказ, подкрепляя его движением ствола автомата.

Люди опускаются на камень.

Все они удивлены, озадачены. Разглядывая грот, негромко переговариваются, пожимают плечами.

Немцы отошли в сторону и ждут. Из туннеля выходит Абст.

— В н и м а н и е, встать! — кричит Глюк.

Пленные будто не слышали. Молодой офицер отворачивается и закидывает ногу за ногу.

— Встать! — повторяет конвоир.

Абст движением руки останавливает Глюка, который угрожающе вскинул автомат, обращается к офицеру.

— Встаньте, лейтенант, — говорит он, и голос его звучит почти ласково. — Встаньте, вы обязаны встать!

Тот, к кому обращены эти слова, неподвижен.

Абст улыбается.

— Хорошо, — говорит он, берет у Глюка автомат и веером дает очередь поверх голов пленников.

Грохот, гул. Голубоватая едкая дымка заволакивает площадку. Когда она рассеивается, четверо пленных стоят навтыжку. А лейтенант сидит. Ему лет двадцать пять. У не-

го полные губы, короткий, с горбинкой нос, румяные щеки. Он всем телом привалился к камню. Голова его запрокинута, глаза устремлены вверх — большие, темные, с влажными голубыми белками.

Абст пододвигает к нему разножку, садится. Он плохо знает язык, на котором пытается сейчас говорить, с трудом подбирает слова, делает продолжительные остановки между ними.

Лейтенант равнодушен. Вот губы его сложились в усмешку.

— Вы коверкаете мой язык, — говорит он по-немецки. — Продолжайте на своем.

— Прекрасно. — Абст облизывает губы. — Прекрасно, лейтенант. Перейдем на немецкий. Счастлив, что вы владеете им. Итак, назовите свое имя.

— Оно вам известно.

— А все же?

— Лейтенант Джорджо Пелла.

— Ну вот, совсем иное дело. — Абст улыбается. — Теперь я услышал это собственными ушами. Кто мог подумать, что судьба пошлет мне такого гостя!

— Вы рады? — Лейтенант обращается к своим товарищам. — Смотрите, друзья, как они торжественно принимают гостей. Нас даже одарили браслетами. Это ли не знак подлинного немецкого гостеприимства?

— Скоро и пожрать принесут, — отзывается человек с серьгой в ухе. — Уж я немцев знаю, такие славные парни.

— Bravo, сержант Гаррита! — Пелла поворачивается к Абсту. — Значит, здесь рады нам?

— Еще бы, лейтенант! Заполучить такого специалиста!.. Ведь мы с вами люди одной профессии. Но в сравнении с Джорджо Пелла я ничтожество, можете мне поверить.

— Зачем я вам понадобился?

— О! — Абст значительно поджимает губы. — Можете быть уверены, вы здесь хорошо поработаете.

— Я не буду работать на немцев.

— Будете, лейтенант. И я хочу, чтобы это было добровольно. Вас выгоднее иметь союзником.

— Для нас пятерых война окончена. Для Италии — завершается. Наш великолепный дуче свергнут и арестован.

— Знаю, знаю. — Абст улыбается. — Да, ваш вождь, преданный негодьями, был заключен в тюрьму.

— Он, смею вас уверить, и сейчас там.

— Ошибаетесь, дорогой Пелла. Как могли вы подумать, что фюрер оставит в беде своего друга? Счастлив, что могу порадовать вас доброй вестью. Выполняя приказ Гитлера, группа моих коллег вернула свободу вождю итальянской нации. Быть может, нужна фамилия того, что совер-

шил этот подвиг? Извольте: штурмбаннфюрер СС¹ Отто Скорцени. Нужна дата? Пожалуйста: 12 сентября.

— Вы лжете! — встревоженно кричит Пелла.

— Нет, это правда. Впрочем, возможно, что позднее вы встретитесь с самим Скорцени. Обещаю это, если будете вести себя благоразумно. Итак, война продолжается, лейтенант Пелла. А вы давали присягу, не так ли? Кстати, протяните-ка руки, я освобожу вас от браслетов.

— Сперва снимите наручники с моих товарищей.

— Но...

— Я буду последний!

— Как угодно. — Абст морщится. — А я-то думал, в наш век Дон-Кихоты вывелись и в Италию.

— И накормите их, — продолжает Пелла. — В последнее время нам не давали есть. Очевидно, чтобы мы стали сговорчивее.

— Как, вас не кормили?

— Представьте, нет. Кроме того, я должен спросить... — Лейтенант обводит глазами купол грота. — Что это за катакомбы? Нас три недели везли на подводной лодке. Потом лодка легла на грунт. Мы заснули. И вот мы здесь... Где мы находимся?

— Все объясню. Но сперва несколько вопросов. Вы были на русском фронте? Где именно?

— Район восточнее города Львова. Там все и случилось.

— Что именно?

— Вам не известно о трагических событиях, которые произошли там двадцать пятого июля? — нервно говорит Пелла. — Ладно, я выложу все. Начну с того, что в начале нынешнего лета Советы как следует дали по зубам нашему фюреру и нашему дуче. Я имею в виду мясорубку, устроенную русскими близ города Курска. Радио Москвы передало: за первую неделю боев противник потерял убитыми...

— Вы верите в эту ложь?

Лейтенант Пелла выпрямляется, поднимает скованные руки.

— Синьор, — строго говорит он, — синьор, легче на поворотах. Я находился там, и я не слепой. — Он показывает на товарищей. — Мы все были там и готовы поклясться, что русские отнюдь не преувеличивают. Потери германских и итальянских войск ужасны...

— Допустим, — говорит Абст, — допустим, но что же дальше?

— А дальше то, что британцы и янки высадились на Сицилии. Или вы и об этом не знаете?

— Знаю.

— И вот итальянцы бегут, немцы — за ними: их главные силы не там, они далеко на востоке!.. Всюду паника, неразбериха. Наступает финал. В спешке собирается Большой совет... Короче, стоило запахнуть дымом в собственном доме итальянцев, как «мудрому вождю нации» дали ко-

---

¹ Штурмбаннфюрер — чин в СС, соответствует майору.

ленкой под зад, а затем упрятали в тюрьму... То, что кто-то выволок его оттуда, дела не меняет. Народ сказал свое слово. Это и наше слово, синьор... Но я отвлекся. Ведь вас интересует, что произошло в районе Львова?

— Сперва я хочу знать, как вы там оказались. Почему вы попали в пехоту, ведь вы несли службу на флоте?

— Есть вещи, которые касаются только нас.

— Минутку, синьор лейтенант. — Сержант с серьгой в ухе встает с камня. — Я не вижу, почему бы и не сказать об этом. Мы, хвала святой деве Марии, ничего не украли!

— Вы правы, Бруно Гаррита. — Офицер оборачивается к Абсту. — Мы, все пятеро, не пожелали топить корабли противников дуче. Тогда нас списали на берег, послали на русский фронт. Вот и все.

— Понятно, — говорит Абст. — А откуда у вас такая ненависть к немцам?

— О, вы это заметили? — У Пеллы загораются глаза, кривятся губы в усмешке. — Сейчас я возвращусь к событиям двадцать пятого июля, и вы поймете... Ведь вы хотели знать, что произошло близ Львова? Что ж, извольте. Представьте себе улицы старинного русского города. По ним сплошной вереницей движутся германские военные грузовики. Они везут итальянцев: обезоруженных солдат и офицеров. Их конвоируют немецкие автоматчики. Еще неделю назад те и другие сражались бок о бок. Теперь это враги. Грузовики направляются за город. Они обгоняют колонны, идущие туда же в пешем строю. И здесь итальянцы — тоже без оружия и под конвоем: впереди генералы, затем офицеры и в заключение солдаты. Тысячи и тысячи итальянцев, синьор... Тех, что везли, и тех, которые шли пешком, доставили в лес и расстреляли в огромных рвах.

— Случившееся очень прискорбно, — замечает Абст. — Но законы войны суровы. Тот, кто бросает союзника... Словом, хватит! Вы слишком разговорились. Я не одобряю того, что случилось во Львове. Придумавший эту затею поступил неразумно. Будь моя воля, я бы заставил ваших соотечественников повоевать, как заставлю вас.

— Ого! — Лейтенант вскакивает на ноги. — Хочу поглядеть, как вы это сделаете. Убить нас — да, это в вашей власти. Но заставить драться?.. Освободите мне руки, и я покажу вам настоящую драку!

Пелла в бешенстве. Вот-вот он кинется на Абста. А тот невозмутим.

— Сядьте, — приказывает он. — Сядьте, вам говорят! Вот так. Знайте, это моя заслуга, что вы и ваши люди уцелели во время львовской экзекуции. Я спас вам жизнь. И я хочу, чтобы мы стали друзьями и работали вместе.

— Для нас война окончена.

— Жаль, что вы так решили. Кстати, вы зря говорите за всех. Ведь ваши товарищи тоже опытные водолазы?

Пленный молчит.

— Опытные, — продолжает Абст, — каждый имеет по пятьсот и более спусков. Но сейчас меня занимает другое. В чем ваш секрет спусков на большие глубины?.. Послушай-

те, я давно испытываю чувство симпатии к великолепному спортсмену Джорджо Пелле. Он должен знать: доверившись мне, он окажется в большом выигрыше.

— У вас выиграешь, — улыбается Бруно Гаррита. — Выиграла мышь, попавшись в кошачьи когти!

— Верьте, я могу заставить вас, — продолжает Абст. — Но куда лучше, если мы будем действовать рука об руку. — Он встает, оглядывает итальянцев. — Каждому из вас я предлагаю...

— Накормите моих людей, — перебивает его Пелла. — Дайте им есть, вы, гуманист, не желающий нам зла!

— Не раньше, чем я получу ответ.

Все происходит мгновенно: бросок лейтенанта Пеллы с вытянутыми вперед скованными руками, неуловимое движение Абста, в результате которого кулаки пленного таранят воздух.

И вот итальянец на земле, а чуть в стороне все так же невозмутимо стоит Абст. Пелла медленно поднимается. Он сильно ушибся, у него кровоточат руки, разбита скула.

— Однако вы упорны. — Абст задумчиво глядит на итальянца. — Ну, будь по-вашему. Вы просите накормить людей? Пусть будет так. Я думал столкнуться с вами...

Встает Гаррита.

— Послушайте, вы!.. Ваши прохвосты сами жрали, как свиньи, а нас кормили впроголодь. Так было вначале, и мы еще получали кое-какую еду. В последние два дня о нас вообще позабыли. У меня от голода урчит в брюхе, у ребят — тоже. Они так голодны, что не побрезговали бы, кажется, падалью вроде вашей персоны.

Гаррита в бешенстве. Вот-вот он повторит ошибку своего командира — со скованными руками кинется на Абста. А тот спокоен. Кажется, даже доволен, что так разъярил пленного.

— Что ж, вашему аппетиту можно позавидовать. — Абст оборачивается к Вальтеру. — Как дела на камбузе?

— Обед будет через два часа, шеф.

— Два часа — это долго. Наши гости не могут ждать. Как же быть? — Абст будто раздумывает. — Вот что, отправляйтесь и принесите консервов — четыре банки свинины с бобами и четыре больших сухаря. Для лейтенанта захватите что-нибудь поделикатнее. Скажем, кружку кофе из моего термоса и бисквиты — тоже из моего запаса. Вы поняли?

— Да, шеф.

— Консервы берите самые свежие, с зеленой этикеткой. Вам ясно, о каких консервах я говорю?

— Ясно, шеф. — Радист переглядывается с Абстом. — Я все понял.

— Ну и отлично. А там поспеет обед. Идите!

Абст оборачивается к итальянцам.

— Надеюсь, вы довольны?

Проходит несколько минут.

И вот Вальтер возвращается. В руках у него поднос, на котором кружка кофе, стопка бисквитов, сухари и консер-

вы — банки уже вскрыты, рядом с каждой лежит сухарь и ложка.

— Можно раздать, шеф?

— Конечно. — Абст широким жестом показывает на пленных.

Итальянцы принимаются за еду. Лейтенант Пелла, поставив кружку на камень, ждет. И, только убедившись, что все получили свою порцию, делает первый глоток.

А немцы наблюдают. В круглых блестящих глазах Вальтера острое любопытство. Он подался вперед, вытянул шею, теревит воротник свитера. Глюк спокойнее: присел на камень, опустил автомат на колени, курит, изредка покашливая в кулак.

Сидя на раскладном табурете, Абст постукивает пальцем по колену, будто отсчитывает секунды.

Сейчас это должно случиться. Но время бежит, и не происходит ничего необыкновенного. Люди жадно едят. Лейтенант, покончив с бисквитами, пьет кофе.

Вот Гаррита встал, направляется к нему, протягивает банку.

— Командир, — говорит он, — возьмите, пожалуйста. Чертовски вкусно!

Глюк делает произвольное движение — будто хочет вмешаться. Абст отвечает ему едва заметным жестом, и рыжий остается сидеть.

Пелла отказывается взять часть порции сержанта. Постояв, Гаррита возвращается на место.

— Глюк, перепишите людей, — приказывает Абст.

— Да, шеф. — Рыжий достает блокнот, поочередно опрашивает итальянцев и вносит в блокнот их имена и воинские звания.

Так проходит еще около четверти часа.

И вот с четырьмя пленными что-то произошло. Еще недавно во время еды они поминутно наклонялись друг к другу, переговаривались, даже пересмеивались — экспансивность не оставляет южан ни при каких обстоятельствах. Теперь же они будто дремлют с открытыми глазами.

Перемена, происшедшая с солдатами, не укрылась от их командира. Поначалу он только недоумевает. Но проходит время, и лейтенант уже в тревоге.

— Гаррита, — зовет он, — подойдите ко мне, сержант Гаррита!

Тот медленно оборачивается. По лицу его прошла тень — усилие мысли. Однако через секунду оно вновь неподвижно. Сержант вздыхает и принимает прежнюю позу.

— Гаррита! — зовет командир. Не получив ответа, подсаживается к сержанту. — Что с вами? — спрашивает он. — Заболели?

Гаррита молчит. Он как камень. Только серьга чуть подрагивает в ухе. Пелла хватает его за грудь, трясет.

— Гаррита, — кричит он, — сержант Гаррита!

Абст, наблюдающий за происходящим, ловит на себе растерянный взгляд лейтенанта, равнодушно отворачивается. Вот он зевнул, мельком взглянул на часы.

— Что же вы стоите, Глюк? — недовольно говорит Абст. — Ну-ка, снимите браслеты с этих несчастных. Представляю, как они намучились... Боже, да бросьте к чертям свой автомат!

Рыжебородый широко ухмыляется, откладывает автомат, подходит к одному из пленников, бесцеремонно берет его за руки. Поворот ключа в замке наручников, и кисти итальянца свободны. Но человек будто и не заметил этого — поднес руки к глазам, оглядел их и вновь опустил.

Вскоре раскованы все четверо. Подобрав наручники, Глюк защелкивает их в одну общую цепь.

— Готово, шеф.

— Уведите людей.

— Да, шеф. — Глюк оборачивается к пленным. — Эй, вы, шагайте за мной! — И он направляется в туннель.

Итальянцы послушно идут следом. Группу замыкает сержант Гаррита. Он несет связку наручников, которую швырнул ему конвоир.

— Отправляйтесь и вы, — обращается Абст к Вальтеру. — Зашифруйте и передайте в эфир: «У меня все в порядке».

Радист поднимает с земли автомат, оставленный Глюком, и тоже скрывается в туннеле.

Теперь Абст наедине с офицером. Он подходит к итальянцу, ловко отщелкивает браслеты, швыряет их в сторону, затем осторожно растирает ладонями глубокие синие борозды на запястьях пленника.

— Вот так... А теперь я приглашаю вас обедать. Мы вместе пообедаем и поговорим. Идемте!

ГЛАВА 16

За дверью шаги. Тяжелая, шаркающая походка.

Карцов прислушивается.

— Глюк? — он вопросительно смотрит на Ришар.

— Другой. Его зовут Вальтер.

— Знаю. Радист?

— Он и радист, и управляет краном, и обслуживает электростанцию.

— Кстати, о станции. Энергии расходуется много: освещение, камбуз, зарядка респираторов, подводных буксировщиков... Что это за станция? Мотор крутит динамо? Но его не слышно. И откуда берется горючее?

— Мотора нет. Прилив и отлив вращают турбину, та заряжает аккумуляторы... Так мне объяснил Абст.

— Где расположена станция?

— Аккумуляторы — в дальней пещере. Она заперта. Ключ у Вальтера. Остальное под водой. Где, не знаю: тайна.

Задавая вопросы, Карцов не прекращает работы — готовит больной смесь витаминов.

Последние полчаса он со скрупулезной точностью восстанавливал в сознании все то, что знает о своей пациент-

ке, заново оценивая ее поведение, каждое ее слово, анализируя отношение к ней Абста. И все это для того, чтобы убедить себя заговорить с ней в открытую. Надо, наконец, выяснить, с кем он имеет дело. У него нет времени ждать — события разворачиваются стремительно. Но это риск — он отдаст себя в ее руки. Пусть даже она честный человек — достаточно одного ее неосторожного слова, душевной слабости, если Абст, заподозрив неладное, учинит ей допрос... В который раз напрягает Карцов всю свою волю, чтобы начать разговор, и не может.

Снова шаги за дверью, на этот раз — группы людей. Вероятно, те самые пленные. Их ведут назад. Значит, свершилось?

Чашка с питьем, выскользнув из рук Карцова, падает на пол и разбивается.

Он опускается на табурет, долго глядит на осколки.

Шаги в коридоре стихают.

— Послушайте, Ришар, — говорит он, не поднимая головы, — как вы сюда попали? Я не могу поверить, что вы заодно с ними. Вы здесь по принуждению?

— Нет.

— Нет? — Он с усилием выпрямляется, оглядывает больную. — Стало быть, добровольно?

Ришар молчит.

— Тогда мне остается предположить одно, — медленно говорит Карцов, — мне остается предположить, что вы посланы к Абсту с каким-то особым поручением, о котором он и не догадывается. Я не ошибся? Кто вы такая?

— А вы? — вдруг спрашивает Ришар.

— Я ненавижу нацистов, — говорит Карцов. — Я здесь, чтобы бороться с ними. Я не тот, за кого меня принял Абст. Знаю, он все равно мне не доверяет. Вот все, что я могу сообщить о себе. Вам достаточно?

Ришар молчит.

Что знает она об этом человеке? Перед тем как привести его в первый раз, Абст сказал: «Судьба благосклонна к нам, Марта, новый врач прибыл раньше, чем мы могли предположить. Кажется, ему можно доверить группу. Объясните ему только то, что необходимо для обслуживания людей. Никаких экскурсов в прошлое, никаких имен. Он посторонний, он здесь временно. Надеюсь, вы понимаете меня?» Она была озадачена: каким образом Абст ухитрился так быстро заполучить врача? Единственное объяснение состояло в том, что новичка доставила та самая подводная лодка, которой предстояло увезти на материк ее, Марту. Но если прибыл врач, почему Абст не позволил ей уехать? Почему он задержал ее? С какой целью? В чем-то она допустила промах, у Абста появились сомнения, и он не хочет ее выпустить? Да, скорее всего что так.

Кто же он такой, Ханс Рейнхельт? Поначалу она была убеждена, что подчеркнутое недоверие к новичку со стороны Абста и его помощников — это маневр, рассчитанный на то, чтобы усыпить ее бдительность. Подозрения

укрепились, когда Вальтер обронил несколько слов о Рейнхельте: он-де попал в грот случайно, приплыв с какого-то торпедированного транспорта.

Итак, Рейнхельт — провокатор. Она поверит ему, раскроется, и тогда...

Но вот этот человек вынул руку из кармана, и на ладони у него лежала пленка. Значит, видел, как она снимала пловца. Шарил в ее тайнике, извлек оттуда другие кассеты и, конечно, записи, хранившиеся на дне расщелины. Извлек и не показал Абсту... А может, Абст уже знает о них?

Ришар смотрит в глаза Карцову. Он выдерживает ее взгляд. Он сидит, положив руки на колени. У него открытое лицо, высокий лоб. Вьющиеся волосы будто присыпаны пудрой. Лицо молодое, а волосы с сединой... Неужели это единомышленник Абста и провокатор?

Но какую цель преследует Абст, если ее тайник обнаружен, пленка проявлена, записи изучены? Зачем ее лечат? Почему оставили на свободе, не уничтожили? Ведь им уже все ясно!.. Что, если Вальтер не солгал — Рейнхельт действительно случайный человек, которого Абст использует, пока она болеет?..

Карцов понимает состояние Ришар.

— Конечно, — говорит он, — по всем законам конспирации нам надо приглядываться друг к другу в течение многих недель, быть может, месяцев. Только потом можно рискнуть на откровенность. Я это знаю. Но у нас нет времени. Я сделал первый шаг. Теперь ваша очередь... Кто вы такая? Вы разведчица?

Ришар чуть качнула головой.

— Нет? — Карцов растерянно трет ладонью лоб. — А как же камера? Ведь вы производили съемку, и я убежден — тайную! Вы делали это на собственный страх и риск? Зачем? Кому может понадобиться ваша пленка?

— Немцам.

— Немцам, сказали вы? Каким немцам? Погодите, погодите, уж не хотите ли вы уверить меня...

Ришар поднимает руку.

— Запомните, — медленно говорит она, — запомните, Рейнхельт: я ни в чем не хочу вас уверить.

Карцов смолкает.

— Дайте мне сигарету, — просит Ришар. — Спасибо... Скажите, Рейнхельт, вы давно из Германии?

Они встречаются взглядами. Карцов чувствует, что не сможет солгать.

Он рассказывает о себе.

Закончив, глядит на лежащую в кровати больную, беспомощную женщину, пытается улыбнуться ей.

А у нее капельки пота на лбу.

Он берет ее руку, подносит к губам и, поцеловав, бережно опускает на одеяло.

— Будто сбросил тяжелый груз, — говорит он, вздохнув. — Мы будем бороться, Марга. Но для этого надо, чтобы вы выздоровели. Верьте, вы поправитесь, и очень скоро.

Только соберите все свое мужество. Все мужество, всю волю, без остатка. Вы же сильная, Марта!

— Нет, — шепчет Ришар, — нет, не могу...

— Неправда! В тот раз я солгал Абсту о появившихся рефlekсах у вас в ногах. А сегодня я их нащупал! Они еще очень слабы, и я не хотел говорить... Но клянусь вам, еще немного, и я буду учить вас ходить!

Ришар рывком садится в кровати.

— Да поймите же, — шепчет она, — поймите: я встаю на ноги, и он убьет вас!

Снова, в третий раз, шаги в туннеле. Ключ поворачивается в замке. Дверь открывается. Входит Абст.

Он видит: больная неподвижно лежит в кровати, у столика с медикаментами возится врач.

— Закончили, Рейнхельт?

— Давно, шеф.

— Отправляйтесь к себе.

Узкая длинная пещера. Слева вдоль стены — сплошные нарты, на которых спят люди. Над головой каждого — табличка с его именем. Двадцать два человека на нарах, двадцать две таблички над ними. Фамилий нет, только имена. Каждый, кто живет здесь, должен лежать на своем месте.

В дальнем конце пещеры наискосок от нар вделана в пол металлическая койка, на которой сейчас лежит Карцов. Между койкой и выходом из помещения — люди, порученные его надзору. Случись неладное, и ему отсюда не выбраться. Цементировать койку именно здесь распорядился Абст.

По пещере беспокойно прохаживается Вальтер. Он только что вошел, перекинулся с Карцовым десятком ничего не значащих слов и ходит из угла в угол.

Карцов наблюдает за ним. Вот Вальтер останавливается у нар, оглядел спящих, привычным движением лезет за сигаретами.

— Нельзя курить. Приказ шефа.

Радист выдергивает руку из кармана, секунду колеблется, потом решительно присаживается на койку.

— Шел из радиорубки, дай, думаю, загляну: как там чувствует себя доктор?

— Спасибо, Вальтер. Здесь все в порядке... У вас был сеанс связи?

— Как обычно.

— И, конечно, ничего нового?

Больше двух месяцев прошло со дня побега Карцова с борта линкора, а он ни на минуту не забывает слов Джабба о начале контрнаступления Красной Армии в центре России. Что происходит на Родине? Развивается ли наступление, или враг нашел в себе силы остановить советские войска и сейчас теснит их, рвется к Москве...

— Ладно уж, курите, — говорит Карцов, видя, что немец все еще мнет в руках сигарету. — Курите, Вальтер.

Одну сигарету, я думаю, можно. Гостю надо сделать приятное, не так ли?

— Спасибо, доктор. — Щелкнув зажигалкой, радист прикуривает. — Гость, сказали вы? Что ж, гость так гость.

— Пока гость, — многозначительно подчеркивает Карцов. — Думаю, мы с вами еще похозяйничаем здесь, а?

Радист широко ухмыляется.

— Так что нового в мире? — снова спрашивает Карцов.

— Да как вам сказать, доктор. — Вальтер мнется. — Нам другие станции слушать нельзя. Разве что перехватишь десяток фраз, пока настраиваешься... А в общем хорошего мало.

— Опять, наверное, затоптались в Африке?

— Не в Африке дело. Россия, вот что главное, доктор! А там мы, видать, промахнулись. Э, да что говорить!..

Вальтер вздыхает и, швырнув окурок, встает.

Подымается и Карцов. Едва сдерживая бушующую в груди радость, он провожает немца до двери.

«Промахнулись!» — повторяет он про себя. «Промахнулись» может означать только одно: фашистов гонят с советской земли; бьют, бьют!..

Нары тонут в полумраке. Оттуда доносится тяжелое дыхание спящих. Кажется, кто-то ворочается.

Карцов включает свет. Он видит: один из пловцов поднялся, трет кулаком глаза.

— Ложись, — негромко командует Карцов, — сейчас же ложись, Оскар. Спать, Оскар, спать!

Человек покорно ложится.

Медленно открывается тяжелая дверь. Входит Абст. За ним в сумраке туннеля темнеет чей-то силуэт.

— Все в порядке, Рейнхельт?

— Да, шеф: — Карцов идет навстречу. — Только Оскар ведет себя беспокойно.

— Что именно? Симптомы?

Карцов объясняет.

Абст подходит к нарам, долго глядит на пловца.

— Утром доставите его ко мне. Очень хорошо, что не отпускаете ни единой мелочи, Рейнхельт. Я доволен вами.

Кого же привел Абст? Человек за дверью едва виден. Это не Глюк и не Вальтер.

Между тем Абст опускается на койку, жестом показывает врачу на место в ногах постели.

Карцов садится. Впервые он видит Абста небритым. И волосы, которые у него всегда тщательно расчесаны на пробор, сейчас всклокочены. Странно выглядит Абст.

— Устал, — говорит он, перехватив взгляд Карцова. — Очень устал, Рейнхельт. И это не только физическая усталость. Боже, как ненавижу я триумвират, из-за которого миллионы немцев оторваны от семей, терпят лишения, ежесекундно глядят в глаза смерти!..

— Триумвират? Вы подразумеваете...

— Русских, британцев и янки! Я так мечтаю о часе, когда, наконец, они будут раздавлены. Я закрываю глаза и вижу: фюрер поднимается из-за стола. Скомкав военные

карты, швыряет их в мусорную корзину. Торжественно провозглашает: «*Quod erat faciendum!*» Это латынь, Рейнхельт: «Что и требовалось доказать!»

Карцов наклоняет голову в знак того, что понял.

— Ну, а если случится невероятное и битва будет проиграна? — продолжает Абст. — Что тогда?

Карцов пожимает плечами.

— Вероятно: «*Honesta mors turpi vita potior*»¹.

— Да вы клад, Рейнхельт! — восклицает Абст. — Подумать только, росли среди варваров, а латынь знаете, как родной язык!.. Так вот, — продолжает он, — цитату вы привели великолепную, но она не подходит. Конечно, мы победим. В Германии куется новое оружие победы. Сказанное относится и к нам с вами, Рейнхельт. Мы делаем большое дело. И, смею уверить, скоро как следует потреплет нервы нашим врагам. Что бы вы сказали о некоем оружии, которое поражает в воздухе, на воде, под водой, поражает без промаха?

— Это очень интересно, шеф, — говорит Карцов. — Вы, я вижу, не только врач, но и талантливый техник.

— Так вот, — прерывает его Абст, — я пришел, чтобы сказать: предстоит напряженная работа. В ближайшее время я жду гостей. Это мои коллеги и кое-кто из тех, кому я подчинен. Они придут сюда, и я помогу им спланировать важную операцию. Хочу просить вас удвоить старания по лечению фройлейн Ришар. К их приезду она должна быть на ногах... Кстати, тогда вы и уедете.

— Какой срок, шеф? — спрашивает Карцов.

— Не более недели. Семь-восемь дней. Каково ее состояние?

— Она чувствует себя лучше.

— Очень хорошо. Спешите, Рейнхельт. Вас ждут в Германии.

— Спасибо, шеф. Один вопрос: я отправлюсь вместе с фройлейн Ришар?

— Фройлейн останется. Вы встретитесь с ней позже. Некоторое время она побудет здесь. Вы встретитесь, и у вас будет о чем поговорить, не так ли?

Абст смеется и дружески хлопает Карцова по колену.

— Спасибо, шеф. Вы очень добры. Хотел бы я отплатить вам той же монетой.

— Вы и так делаете достаточно, Рейнхельт... Теперь о том, что касается лично вас. В хрупкой скорлупе вы преодолели десятки миль бурного моря — от места гибели вашего судна до района базы. Выдержав это испытание, вы показали себя сильным и волевым человеком.

— Я только пытался спастись.

— Ну, ну, не скромничайте!.. Потом вы рискнули — оставили шлюпку и пустились вплавать, чтобы добраться до скалы. Вы были истощены, в море ревел шторм, но вы выдержали. Вы доплыли, а тот, другой, не смог... И я делаю вывод: вы не только волевой человек, но и отличный

¹ Почетная смерть лучше позорной жизни (лат.).

пловец. Вот я и подумал: а что, если наш молодой энергичный врач обучится работе под водой? Чем он хуже Глюка или, скажем, меня самого? Надо только предоставить ему время, чтобы попрактиковаться.

— Конечно, шеф.

— И у вас есть такое желание?

— Я согласен, — отвечает Карцов. — Больше того, ваше предложение я расцениваю как большое доверие ко мне. Мои акции идут в гору, шеф!

— Вот и отлично. — Абст встает. — К тренировкам приступите завтра. Я дам указания Глюку. Он будет вашим инструктором.

— Глюк — славный парень, шеф.

— Отлично, — повторяет Абст. — А теперь примите еще одного в вашу группу... Входи! — говорит он тому, кто все это время стоял в коридоре.

Человек переступает порог. Карцов всматривается в его бурое от загара лицо, обрамленное курчавыми черными волосами, и узнает одного из встреченных недавно в туннеле.

— Его зовут Бруно, — говорит Абст. — Ложись, Бруно, — он рукой показывает человеку на нары. — Ложись и спи.

Человек направляется к нарам. Карцов и Абст наблюдают, как он укладывается — лицом вверх, разбросав руки.

— Спать, Бруно, — повторяет Абст.

Человек покорно закрывает глаза.

Абст уходит.

Новичок спит, ровно и глубоко дыша.

Помедлив, Карцов лезет на нары, наклоняется к его лицу, исследует взглядом лоб, глазные яблоки, плотно прикрытые красноватыми веками, скулы, виски.

Никаких следов операции.

Он вновь, еще тщательней изучает лицо человека. Правое веко чисто. А на левом, почти под самой бровью, — небольшая темная корочка. Будто присох комок бурой грязи.

— Кровь! — шепчет Карцов.

Теперь ясно, откуда проник в мозг тонкий режущий инструмент. Итак, Абст расправился с очередной своей жертвой. А в подземелье ждут очереди еще четыре. Завтра, нет — может, уже сегодня, их постигнет та же участь!..

Карцов все еще лежит на нарах.

Странное имя — Бруно. Среди обитателей этой пещеры есть и Зигмунд, и Марко, и даже Рэне. И вот теперь будет и Бруно...

У новичка обнажена часть груди. На смуглой коже — фиолетовые полосы. Татуировка? Карцов расстегивает воротник его рубахи. Да, татуировка. В центре груди изображены скрещенные весла и водолазный шлем с круглым иллюминатором. А под рисунком текст: «Матерь божья, оберегай славного парня Бруно Гарриту. Специя, 1938 год».

Надпись на итальянском языке!

Карцов медленно сползает с нар, проходит в конец пещеры и останавливается там, где спит человек под табличкой «Марко».

У Марко круглое лицо с мягким профилем, полные губы, русая борода. А глаза, как помнит Карцов, голубые, большие. Когда-то в них жила, наверное, такая хитроватая смешинка...

Кто он — серб, болгарин? Быть может, украинец?

Ну, а Зигмунд, вероятно, поляк. Рэне — француз или бельгиец. А сюда могут доставить и русских, и американцев, и англичан. Перед глазами встают фашистские лагеря, в которых томятся обреченные на уничтожение люди. Агенты Абста ворошат картотеки, опрашивают узников, шпунуют им мускулы. «Человеческий материал» отобран. Это специалисты, которых не нужно учить работе под водой. Их увозят, грузят на подводные лодки, доставляют сюда. Пленные не хотят служить врагу? Да Абсту и не требуется их согласие. Короткая безошибочная операция, и отряд безропотных смертников-торпедистов готов...

Карцов поворачивается и бредет в свой угол. Присев на краешек койки, достает книгу, в которой записываются результаты ежедневной проверки пловцов. Но книга остается нераскрытой. Внезапно становится ясен замысел Абста, предложившего ему изучить ремесло водолаза. Он, Карцов, будет уничтожен — не сразу, нет. Сперва он подвергнется операции и займет место на этих же нарах!..

ГЛАВА 17

Карцов зашнуровывает на ноге длинный, широкий ласт.

— Не слишком туго, — предупреждает рыжебородый.

— Знаю, — Карцов стремится выглядеть таким самоуверенным дилетантом, — знаю, дорогой Глюк. Главное, чтобы эта штука не свалилась с ноги. Поэтому я и призываю ее покрепче.

И он делает вид, что изо всех сил стягивает шнурок.

— Ну-ка, оставьте! — Глюк решительно распускает шнуровку. — Плотнее не надо. Иначе судорога скрючит стопу, а то и всю ногу. Будете болтаться, как падаль в проруби. Хорошо, если рядом окажется товарищ и вытащит из воды. Ну, а вдруг вы один-одинешенек и далеко от берега, а в респираторе кончается кислород? Что тогда? Камнем отправитесь на дно. Запомните, доктор: под водой не шутят.

Смакуя подробности, он рассказывает о случаях, когда водолазы погибли от кислородного опьянения или отравления углекислотой, от баротравмы легких, кессонной болезни, от акульих зубов или попросту в результате переохлаждения.

Глюк видит: его ученик, еще минуту назад такой самоуверенный, теперь явно трусит.

— Проняло! — злорадно восклицает он.

— Еще бы! — Карцов с опаской глядит на расстилаю-

щуюся у ног лагуны. — Ведь, говоря по совести, я и плавать как следует не умею. Так — держусь на воде, гребу помаленьку... Вот что! — Он решительно встает, сбрасывает с ног ласты, отыскивает и надевает свои войлочные туфли. — Сейчас отправлюсь к шефу и все ему выложу. Я сам, добровольно пожелал обучиться вашему ремеслу. Значит, могу и отказаться. Сошлюсь на вас: «Глюк рассказал об опасностях, о которых я и не подозревал». Ведь вы подтвердите мои слова?

— Что вы, что вы, — бормочет рыжий. — Садитесь-ка, доктор, на место. Экий вы, право! Все приняли за чистую монету. И я хорош — наврал с три короба, а вы и поверили. Ну-ка дайте ногу, я зашнурую ласт. Да не бойтесь, иной раз в воде, среди рыб безопасней, чем здесь, в компании нам подобных.

Карцов приподымает ногу, делает короткий резкий взмах. Литой каучуковый ласт пружинит.

— Вот и отлично. Спускайтесь в воду. Поплавайте с четверть часа. Для ластов годится лишь медленный кроль. Смотрите, доктор, вот так.

Наставник показывает, как работают ноги при плавании кролем.

— Поняли, доктор?

— Ясно. Можно в воду?

— Давайте. И не мешкайте, сегодня вам предстоит узнать кучу других вещей.

Карцов стаскивает свитер.

— Ого, — восклицает Глюк, разглядывая его сильное, мускулистое тело, — да вы, доктор, красавчик! К любой девушке сунетесь — помрет от счастья.

Вместо ответа Карцов неуклюже валится в воду.

Теплая ласковая вода... Вот бы на полной скорости пересечь из конца в конец лагуну! Но Карцов вертится возле трапа, старательно имитируя страх, боязнь глубины.

— Не так! — кричит Глюк, перегнувшись через поручни трапа. — Не молотите руками, ноги расслабьте, действуйте ими мягче, будто ленитесь или очень устали.

Карцов продолжает возню, поднимая пену и брызги.

Сильный всплеск. Шлепнувшись в воду, Глюк бесцеремонно оттаскивает его от скалы, показывает приемы плавания.

Минут через десять Карцов позволяет себе чуточку «освоить» кроль. И вот уже, мягко двигая ластами, он скользит прочь от трапа.

— Вот, вот, — довольно бормочет Глюк, — подходяще, доктор. О, что это вы? — тревожно кричит он, видя, что Карцов вдруг зачистил руками, закашлялся, торопится к трапу.

— Устал, — тяжело дышит Карцов, — устал и... сердце.

— Что вы почувствовали? — допытывается наставник. — Сбило дыхание, глотнули воды?

— Не знаю. — Карцов берет его за руку. — Внезапно помутилось в глазах. Только ни слова шефу. А то запретит... У меня это с детства — вдруг падаю в обморок...

Но ничего, я обязательно выучусь работе под водой. Ни слова шефу, Глюк. Обещаете?

После разговора с Абстом Карцов не спал ночь, обдумывая положение, в котором вдруг оказался. Он решил: немцев следует убедить, что ученик проявляет рвение, но у него неважно со здоровьем, нет способностей, и пройдет много дней, прежде чем он будет готов к самостоятельным спускам под воду. Нужно выиграть время, чтобы Марта выздоровела, стала ходить...

Между тем Глюк, поддерживая ученика, помогает ему подплыть к трапу, ухватиться за поручень.

— Подняться сможете? — спрашивает он.

Карцов медленно взбирается по трапу, временами всей тяжестью повисая на спутнике.

— Легче, — бормочет рыжебородый, — легче, доктор, а то свалимся вместе. Крепче держитесь, тверже ставьте ногу...

Наконец они на площадке. Глюк полотенцем насухо вытирает ученика.

— Мне понравились ласты, — заявляет Карцов.

— Понравились... Струсили!

— Чепуха. — Карцов самоуверенно улыбается. — Думаете, скис? Вот отдохну — и снова в воду!

— В воду я вас сегодня не пущу, — заявляет немец. — Хватит, наплавались. Возьметесь за изучение респиратора, привыкнете к шлему и баллонам на суше, а там уже будет видно.

Он пододвигает к себе сумку прорезиненного брезента, вынимает из нее дыхательный аппарат, подробно объясняет устройство прибора, назначение отдельных частей.

Карцов слушает рассеянно. В свое время он изучил советский респиратор. Все кислородные дыхательные аппараты действуют по одному принципу. Он во всем уже разобрался и с респиратором Глюка может нырнуть хоть сейчас.

— Ну, — говорит наставник, — ознакомились, поняли, в чем суть? Смотрите!

Коротким точным движением он натягивает шлем на голову, берется за клапан баллона. Резиновый мешок вспухает — туда ворвался кислород.

— Внимание, — глухо доносится до Карцова.

Глюк делает несколько глубоких вдохов, высасывая кислород из мешка, вновь наполняет его. Затем он показывает, как перекрыть вентиль баллона, и стаскивает шлем.

— Вот и все.

— Можно мне? — спрашивает Карцов.

— Валяйте.

Карцов хватается за аппарат, силится надеть шлем.

— Да не так поспешно, доктор! Право, вы как ребенок. Успеете и поплавать и надыхаться. Сперва разберитесь, что к чему... Ну, давайте!

Аппарат пристегнут на груди Карцова, шлем надет. Немец с любопытством наблюдает, как ученик делает первые вдохи. Чудак, он частит, торопится, расходует второе

больше кислорода, чем необходимо. Внезапно шея у Карцова багровеет. Он сдергивает шлем.

— Едва не задохся, — бормочет он.

Глюк хохочет, тычет пальцем в то место, где гофрированный шланг соединяется с маской. Здесь металлический патрубок с клапанами и краном, который он незаметно перекрыл.

Карцов шутливо грозит ему, открывает кран, пробует, хорошо ли поступает кислород.

— В порядке, — удовлетворенно говорит он. — А теперь подышим в воде!

— Не сегодня. — Глюк движением руки останавливает ученика. — Вы устали, следует отдохнуть. Да и у меня дела: надо встречать шефа.

— Как это встречать? Где же он? Я недавно разговаривал с ним. Он просил...

— Шеф уплыл. Скоро должен вернуться.

— Ну, хоть полчаса у нас есть? — капризно тянет Карцов. — Пустите меня в воду на полчаса, Глюк!..

— Ладно, доктор, — решает наставник, — ладно, надевайте шлем. Вон какой вы настырный. Любого уговорите. Глубоко не ходить — метров на пять, не больше. Да я и не пущу вас глубже — работать будете на сигнальном конце.

Он надевает Карцову пояс со свинцовыми грузами, обвязывает талию пловца плетеным тросом, еще раз проверяет подгонку и исправность респиратора. Полутно дает советы — как «промывать» дыхательный аппарат, удаляя из него негодный воздух, как регулировать свою плавучесть и мгновенно освобождаться от поясных грузов, если в этом возникает нужда.

Карцов улыбается, кивает. Он с трудом скрывает волнение; если все пройдет хорошо, он завладеет респиратором.

— В воду! — командует рыжий.

Карцов сходит по трапу.

Вот ноги его коснулись воды, уши в нее по колена, по бедра. Еще немного, и он погружается до подбородка. Теперь перед глазами колыхается вода лагуны, будто он приник к стенке аквариума... Еще чуточку ниже, и вода наполовину закрыла стекла очков.

— Вперед, — ободряюще кричит Глюк, — не трусте!

Карцов приподымает руку, машет Глюку. Затем голова его скрывается в лагуне.

Некоторое время он неподвижно висит в толще воды. В ярких лучах прожектора она кажется голубой светящейся дымкой. Постепенно свечение слабеет — под влиянием поясных грузов Карцов медленно опускается. Видимость ухудшается: его опущенные ноги едва различимы — будто вплавлены в стеклянный сумрак.

Повиснув на сигнальном конце, Карцов отдыхает: не легко разыгрывать увлекающегося простачка, смеяться, шутить, когда знаешь, что находишься под угрозой гибели.

Тишина, покой. При каждом вдохе и выдохе отчетливо

пощелкивают клапаны респиратора, будто метроном отсчитывает подводное время.

Итак, сделано все, чтобы Глюк (а значит, и Абст) поверил, что врач увлечен новым делом, охотно идет под воду и ни о чем не догадывается.

Но это самое легкое. Теперь предстоит главное — затянуть процесс обучения, пока не оправится от недуга Марта. Кроме того, сейчас Карцов похитит респиратор.

Некоторое время он продвигается вдоль стены площадки, испещренной углублениями и расщелинами. Ага, вот, кажется, подходящая щель!

Неожиданно сигнальный трос приходит в движение. Частые рывки — требование водолазу немедленно выходить на поверхность.

Что еще случилось на площадке? Неужели придется отложить задуманное? Нет! Неизвестно, представится ли другой удобный случай!

Вяло работая ластами, Карцов медленно поднимается. Одновременно он развязывает узел сигнального троса. Так, хорошо. Трос едва держится. Теперь рывок посильнее, и все будет в порядке.

Он на поверхности.

— Возитесь! — кричит рыжебородый, широкими кольцами выбирая трос. — Лезьте скорее!

Карцов, наполовину выбравшись из воды, задерживается на трапе.

Глюк видит: ученик тяжело дышит, движением руки просит помощи. Крепче упершись ногами, он тянет за трос. Карцов карабкается и вдруг, резко откинувшись назад, валится в воду.

Глюк с тросом в руках летит к центру площадки. Вальтер, только что подогнавший кран к лагуне, спрыгивает с сиденья, помогает ему подняться на ноги.

Немцы в страхе: врач, за которого они головой отвечают перед Абстом, ушел под воду — один, без страховки!

Глюк сбрасывает свитер и ныряет.

Через полминуты он на поверхности.

— Плохо видно, — кричит он, — беги за респиратором!

И он вновь погружается.

Карцов, устроившись под водой в расщелине, наблюдает за поверхностью лагуны. Он видел, как дважды нырял Глюк, как потом исчез, взобравшись по трапу. Через минуту-другую немец спустится уже с дыхательным аппаратом. Тогда от него не скроешься. Пора всплывать!

Не снимая шлема, он отстегивает лямки респиратора. Раскрыт аварийный замок пояса со свинцовыми пластинами. Теперь следует выпустить кислород из резинового мешка, иначе респиратор всплывет. Так, хорошо. Аппарат с опавшим воздушным мешком уложен в расщелине под грузами. Но Карцов еще в шлеме. Последний вдох. Из мешка высосаны остатки кислорода. Перекрыты вентили и краны респиратора. Карцов оглядывает расщелину, фотографируя в памяти свой тайник, и сдергивает шлем.

Сильный толчок ногами выносит его далеко в сторону. Дальше, еще дальше от расщелины, где запрятан драгоценный дыхательный аппарат с почти нетронутым запасом кислорода!..

Немцы с тревогой вглядываются в безжизненное лицо врача. Он всплыл, когда его уже не ждали, — на мгновение показался на поверхности, что-то крикнул, вновь погрузился. Глюк кинулся за ним, настиг на глубине, захлебнувшегося, схватил за волосы... Пострадавший лежит без движения. Глюк подставляет ему под живот свое колено: разумеется, врач наглотался воды, надо очистить ему легкие, желудок... Но тот вздрагивает, открывает глаза.

— Пронесло, — облегченно бормочет рыжебородый. — А ну, уложи его поудобней.

Вальтер опускает Карцова на скалу.

— Выкладывайте, что с вами стряслось? — требует Глюк.

— Не знаю... Упал с трапа, погрузился. Видимо, глубоко; сильно сдавило уши. Тут-то и началось. От страха потерял мундштук. Ищу его ртом, задыхаюсь и не могу нащупать. Наконец стиснул зубами. Вот он, кислород!.. Глотнул разок-другой — и стоп.

— Прекратилась подача? — допытывается Глюк.

— Тяну изо всех сил, всей грудью — и ничего...

— Минуту. Воздух при выдохе носом травил?

— Не помню. Кажется, да... В маску попала вода, я и хотел...

— Хотели, хотели! — Глюк нервно потрясает кулаками. — Черт бы вас побрал, дурака! Высосали из мешка весь кислород и ничего не добавили из баллона. А клапан на что? Зачем на баллоне клапан, я спрашиваю? Пальцем его надави — и полный мешок! Учишь вас, учишь...

— Спаниковали, доктор. Решили, что погубите, — вставляет Вальтер. — Сорвали шлем, сбросили аппарат, пояс с грузами — и наверх, как заяц. Так?

— Да... Мне очень жаль...

— Жаль! — Глюк качает головой. — Утопили респиратор, а нам отвечать. Что мы скажем шефу?

— Лагуна мелководна, и если позволите, я сам...

— Опять «сам»? — кричит Глюк.

— С вашей помощью...

— Послушайте, доктор, не мелите чепухи. — Рыжебородый со злостью швыряет окурок. — Какая, по-вашему, здесь глубина?

— Ну, метров пятнадцать.

— Пятнадцать! — передразнивает Вальтер. — А четыреста футов не хотите?

— Да, ровно сто двадцать метров, будьте вы прокляты! — Глюк полон презрения. — Ну, не раздумали еще идти на грунт?

Карцов смущенно молчит.

— Ладно. — Рыжий едва сдерживается. — Отправляйтесь к себе. И не болтайте шефу о респираторе: будет и вам и мне.

Карцов встает и направляется в туннель.
— Держите! — Глюк швыряет ему вдогонку брюки и свитер.

Войдя в туннель, Карцов одевается. По времени пора идти к Ришар. Но он остается: вот-вот вернется Абст.

Минут через двадцать в центре лагуны всплывает буксировщик. За его кормой — две головы в шлемах.

Буксировщик причалил. Прибывшие взбираются по трапу. Первый из них — Абст.

Вальтер хлопочет возле второго, помогая ему отстегнуть грузы, снять респиратор, стащить с головы шлем.

Спутник Абста очень похож на лейтенанта, который первым допрашивал Карцова на берегу линкора (и помешал схватить Абста), затем секретарствовал на суде.

Карцов пятится. Неужели возможно такое?

Проходят секунды, и он начинает успокаиваться. Пожалуй, лейтенант был выше ростом, грузнее, иначе держал голову.

Сердце бьется ровнее. Он почти убежден, что страхи были напрасны. Но вот Глюк предлагает гостю закурить. Тот берет сигарету, дважды проводит по ней языком... Привычка облизывать сигарету, прежде чем закурить, была и у лейтенанта!

ГЛАВА 18

Марта Ришар лежит в постели, обессилев от пережитого.

Сегодня она определенно почувствовала, что может двигать ногами. Сперва пошевелила ступнями, стала сгибать колени. Спустя полчаса попыталась подняться. И она встала! Правда, ее качало из стороны в сторону, однако, вцепившись в спинку кровати, она сделала шаг, и другой, и третий...

Кто-то идет по коридору. Ришар подымается на локтях, прислушивается. У нее теплеют глаза.

Еще недавно новый врач был ненавистен ей. Теперь в долгие часы одиночества она старается припомнить каждое его слово, вновь «увидеть» его жесты, походку.

Входит Карцов. Он озабочен, рассеян. Едва кивнув девушке, быстро идет к тумбочке, где у него медикаменты.

Марта поворачивает к нему голову.

— Неприятности?

Он не отвечает, молча возится возле тумбочки. Но вот он что-то увидел на полу. Это туфли Марты. Обычно они аккуратно стоят под кроватью, в ногах. Теперь же — в беспорядке валяются чуть ли не посреди комнатки.

Карцов круто оборачивается.

— Неужели пробовали вставать?

— Пробовала ходить!

— Правда?.. — Он широко улыбается, садится на табурет.

Ришар тоже улыбается, кивает.

— Умница, — шепчет Карцов, — какая вы умница, Марта! — Он порывисто поднимается. — Встанем?

Марта молча глядит на него.

— Встанем, — повторяет Карцов, — надо заставить себя. Сейчас это главное. Ну-ка, решительней!

Она послушно садится в кровати, спускает ноги на пол.

— Смелее, — шепчет он, — смелее.

Поддерживаемая Карцовым, Марта медленно идет к двери. Постоая там, возвращается, все увереннее ставя ноги.

Утомленная, но счастливая, она опускается на кровать.

— А теперь рассказывайте!

— Хорошего мало. — Карцов морщится.

Он сообщает об итальянцах, о Бруно Гаррите, о приказе Абста изучить ремесло водолаза. О первом занятии под руководством Глюка и о похищенном респираторе. И в заключение — о человеке, который приплыл вместе с Абстом.

— Я знаю его, — говорит Марта. — Вернее, слышала о нем: агент абвера, уже несколько лет как заброшен на базу. Абст считает, что обязан ему жизнью.

— Что же, Абст не так уж далек от истины, — замечает Карцов, вновь вспоминая сцену в салоне линкора. — Да, агент выручил его.

— При встрече он узнает вас, — тревожно шепчет Марта. — А встреча неизбежна.

— Неизбежна. — Карцов задумывается. — Не сегодня, так завтра...

— Что же делать?

— Пока не знаю... Прежде всего надо установить, где его поместили, сколько времени он пробудет здесь, каковы его намерения. Но тут я бессилен.

— Тогда, может быть, я?

— Придется действовать вам, Марта. Отдохните, соберитесь с силами и отправляйтесь к Абсту. Доложите, что вы здоровы, приступаете к работе. И постарайтесь выяснить все, что нужно. Мы должны знать как можно больше.

— Но, увидев, что я вылезлась, Абст убьет вас!

— Не сразу... Он ждет, чтобы я освоил работу под водой. Словом, у нас есть еще время. Однако если меня обнаружит агент, все произойдет мгновенно.

Карцов продолжает развивать свою мысль. Марта должна разведать, что это за гости, которых ждет Абст, когда они придут, каковы дальнейшие планы хозяев подземелья.

— И еще вопрос: умеете ли вы плавать, Марта?

— Да.

— А пользоваться респиратором?

— Умею.

— Очень хорошо!.. В подземелье, кроме пловцов, только Абст, два его помощника и этот агент. Других нет?

— Пока только они. — Девушка задумывается. — Теперь я должна сообщить нечто важное. Неизвестно, кому из нас удастся выбраться отсюда. Во всяком случае, если я погибну...

— Марта!

— Не перебивайте. Невыносима сама мысль, что никто никогда не узнает об Абсте, его делах и замыслах... Поэтому я должна рассказать все. Я верю вам. Верю, что, если вы уцелеете, молчать не станете. Я не ошиблась?

— Не ошиблись, Марта.

— Тогда слушайте.

РАССКАЗ МАРТЫ РИШАР

Росток!.. В этом городе я родилась и провела детство. Но теперь моего дома нет. Вместо него, вместо всей улицы — только развалины.

Отец погиб еще раньше. Он служил в Мюнхене, перекочевав туда, когда отчаялся найти работу в своем городе. Ему посчастливилось, он устроился в баре кельнером. Мы уже собирались продать дом и ехать к нему. Но он умер.

В те годы мало кто понимал, что такое фашизм. Это тем более относилось к отцу — он всегда был далек от политики.

И вот фашисты его убили.

Позже нам рассказали подробности. Как-то вечером в бар, где он работал, ввалилась толпа горлающих молодцов. Они изрядно выпили, и один из них стал говорить речь. В углу за столиком сидел человек с двумя железными крестами на лацкане пиджака. Вероятно, ветеран. Внезапно он вскочил, кинулся к оратору, вцепился ему в грудь, крича, что служил с ним в одном полку, что это провокатор. Поднялась драка. Раздались выстрелы. Одна из пуль попала в отца...

Это случилось весной 1926 года.

Спустя десятилетие, когда фашисты были уже у власти, я завершила образование и стала хирургом. Меня еще со школьной скамьи тянуло к медицине. Мать и старшая сестра заложили дом, работали день и ночь, чтобы я могла учиться в университете, — считалось, что у меня способности.

Я получила работу в больнице восточного пригорода Берлина. И там у меня произошла встреча... На заводе, где работал этот человек, случилась авария, и ему сильно разбило голову. Мне удалось сделать сложную операцию. Он долго лежал у меня в палате. Мы познакомились, часто беседовали. Мы были примерно одного возраста, у нас всегда находилось много тем для разговоров. Он выздоровел, и мы расстались. А полгода спустя он вдруг позвонил мне и пригласил погулять.

В тот день решила моя судьба. Оказалось, все это время они исподволь изучали меня. Они — это группа коммунистов города, уцелевших после того, как на их партию обрушились нацисты.

Они нуждались в таких, как я, молодых специалистах, чье прошлое безупречно с точки зрения гестапо. Я стала членом подпольной группы. Мне дали задание совершенствоваться как хирургу, работать старательно, вступить

в НСДАП. Что касается хирургии, то ее я считала делом своей жизни. Работала много и напряженно, все больше квалифицируюсь на операциях мозга. Об одной моей операции, закончившейся исцелением больного, которого считали безнадежным, написали в газетах... Справиться со второй частью задания помог случай. Однажды я вылечила какого-то блоклейтера¹, удалив ему опухоль мозжечка. Этот человек и рекомендовал меня в «Национал-социалистский союз немецких женщин». Замечу, что к тому времени я уже получила карточку члена СС. И вот однажды меня вызывают в крейслейтунг².

Я шла туда с тревожно бьющимся сердцем. Все произошло так неожиданно, что я даже не смогла предупредить товарищей из группы.

За столом сидел крейслейтер. Поодаль расположился человек в мундире генерала СС. Я узнала его — это был сам Ганс Брандт³.

Крейслейтер проверил мои документы, задал несколько вопросов и вышел из кабинета. Тогда заговорил Брандт. В течение четверти часа он расспрашивал меня. Но я видела — это формальность. Он уже многое знает обо мне и о моей работе.

Мне было сделано предложение стать сотрудницей Аненэрбе⁴.

Брандт сказал, что это предложение — большая честь. В Аненэрбе у меня будут широкие возможности для научной работы и экспериментирования. Мне дали двое суток на обдумывание.

В тот же вечер я нашла возможность встретиться с руководителем своей группы. Выслушав меня, он не мог скрыть волнения. Да я и сама понимала, как это важно, чтобы коммунисты Германии имели своего человека в Аненэрбе.

Следующие полтора года прошли как в тумане. Вместе с группой врачей я кочевала по концентрационным лагерям. Через наши руки проходили тысячи заключенных — мы отбирали нужных кандидатов. Это были самые различные люди — здоровые и такие, у которых обнаруживались различные опухоли, заболевания сердечно-сосудистой системы, мозга, крови... Всех их транспортировали в специальные лаборатории и клиники, и там ими распоряжался шеф Аненэрбе доктор Вольфрам Зиверс.

---

¹ Блоклейтер — кварталный руководитель нацистской партии.

² Крейслейтунг — управление крейслейтера, окружного руководителя гитлеровской партии.

³ Ганс Брандт — доктор медицины, генерал-майор СС, гитлеровский генеральный комиссар по отравляющим веществам, проповедник фашистской программы «легкой смерти». В результате осуществления этой программы только в 1939—1940 годах в Германии было умерщвлено свыше 275 тысяч человек.

⁴ Аненэрбе — институт по изучению наследственности. Так была зашифрована тайная фашистская организация, занимавшаяся преступными «опытами» над живыми людьми.

Через год и семь месяцев я получила назначение в одну из таких клиник. Я своими глазами увидела, что там творилось. Все то, что обычные экспериментаторы-физиологи совершают только на насекомых, лягушках, кроликах, собаках, все это Зиверс и его коллеги проделывали над сотнями и тысячами живых людей — им ампутировали конечности и пытались вновь приживлять руки и ноги, вырезали кости, удаляли внутренние органы, на подопытных пробовали неведомые мне препараты, яды... Заметьте, это началось до войны. Фашисты власть напрактиковались на соотечественниках, прежде чем получили в свое распоряжение военнопленных!..

Здесь я встретила с Абстом. Один из «кроликов», как в клинике называли подопытных людей, был умалишенный, живший в мире чудовищных галлюцинаций. Очень буйный, утративший всякий контакт с окружающей действительностью, он являл собой пример безнадежного паранойка. И Абст вылечил его. Я ассистировала при операции и была потрясена искусством хирурга. Я с благоговением следила за его работой. Как сейчас помню наш разговор, когда Абст, стоя рядом со мной, мыл руки после операции.

«А вы понравились мне, — задумчиво проговорил он. — Я читал о вас. Вот и Зиверс доволен вами. Позвольте спросить, каковы ваши планы на будущее?»

У меня от волнения кровь прилила к щекам: ведь я и думать не могла, что вечером этого же дня Абст проделает новый эксперимент над спасенным им человеком и уничтожит его! Об этом и о многом другом я узнала позже. Но в тот день Абст казался мне добрым волшебником. Он был так не похож на извергов, которые меня окружали. И я на минуту забыла, кто я, зачем послана в Аненэрбе, забыла, что выполняю важную работу и она дает результаты. Ведь, используя переданные мною данные, подпольная организация уже провела первую акцию — организовала побег группы обреченных людей из клиники Зиверса. Да, в те минуты я обо всем этом забыла. Я была почти влюблена в Абста. И когда он предложил мне работать с ним, я согласилась.

Так я оказалась в «Лаборатории 1-W-1».

С этого времени мои связи с подпольем оборвались. Вот уже почти три года я изолирована от внешнего мира. Лишь изредка, когда лаборатория еще находилась близ Берлина, меня отпускали за покупками. И всякий раз в сопровождении Глюка. Я знала, что он из группы немцев, которые живут на противоположном конце острова и обучаются действиям под водой. Все это были молодые, здоровые люди, отличные пловцы, увлеченные новой профессией, казавшейся им такой романтической.

Итак, мы с Глюком несколько раз ездили в город. У меня было приготовлено письмо к товарищам, но отправить его не удавалось. Глюк не спускал с меня глаз, разрешая заходить только в магазины. Я делала покупки, а он стоял у дверей и ждал. Потом мы садились в автомобиль и возвращались к озеру.

А в лаборатории дела шли своим чередом. Абст, талантливый хирург и психиатр, экспериментировал с «человеческим материалом». И это были не умалишенные, нет. На операционный стол укладывали здоровых людей. Происходило то же, что в клиниках Аненэрбе. Разница состояла в том, что объектом экспериментатора был мозг человека. Абст что-то настойчиво искал, вторгаясь своими инструментами в черепные коробки подопытных. Что именно, я узнала после случая с пловцами...

Последний раз меня отпустили с острова, когда уже шла война. Германия напала на Польшу. Незадолго до этого фашисты расправились с Чехословакией. Замыслы Гитлера осуществлялись. И толпы обывателей, заполнившие улицы Берлина, ликовали — они готовились хорошо нажиться на горестях других народов.

У Глюка, который шел рядом со мной, физиономия светилась счастьем. Я же кусала губы, чтобы не расплакаться.

Мы вошли в большой универсальный магазин. Глюк остался внизу — он хотел выпить кружку пива, я же поднялась в торговый зал.

Меня лишили связи с товарищами. Я одна в окружении

врагов, они добиваются успехов, и остановить их никто не может. Как бороться с ними, да и вообще возможна ли борьба, есть ли в этом хоть капля смысла? Не лучше ли прекратить сопротивление и отдаться течению?

Таковы были мысли, с которыми я бесцельно бродила по магазину, переходя от витрины к витрине. И вот на одном из стенов я увидела портативную кинокамеру. Я купила ее вместе с запасом пленки. Приобрела ворох других вещей: среди покупок легче было пронести камеру на остров. Я не теряла надежды установить связь с товарищами. Каким убийственным обвинением против фашистов были бы кинодокументы о деятельности «лаборатории» Абста!..

Но я возвращаюсь к случаю с пловцами. Зимой 1941 года трое из них совершили побег. На поиски подняли всю охрану острова. Беглецов настигли. Один был убит в перестрелке, двое схвачены и доставлены к Абсту.

Я была убеждена, что Абст уничтожит их. Но обоих беглецов изолировали от остальных пловцов, и все. Абст даже не допросил их. В эти дни он, к несчастью, достиг цели, к которой давно стремился, и безвыходно находился в лаборатории, заканчивая серию последних экспериментов.

Через неделю пловцы были подвергнуты операции — сперва два дезертира, затем вся группа, исключая Глюка и Вальтера. Семеро погибли на столе. Остальные превратились в безвольные покорные существа. Теперь Абст мог не опасаться, что они сбегут или проболтаются...

Повторяю, эта группа состояла из немцев. Но немцы были только первыми жертвами. С началом войны основная масса подопытных стала поступать из лагерей военнопленных. Отбирались водолазы и спортивные пловцы.

Время от времени пловцов группами в два-четыре человека увозили с острова. Куда, я не знаю. Но назад никто не вернулся. Взамен прибывало «пополнение». Здоровые, полные сил молодые люди проходили краткий курс освоения торпед и ложились на стол в операционной Абста.

А минувшей весной всех нас привезли сюда.

Ришар смолкает, тяжело переводит дыхание. Карцов берет ее руку.

— Спасибо, Марта! Я задам два-три вопроса... Абст полностью доверяет Глюку и Вальтеру. Почему?

— Глюк — лучший пловец, отличный водолаз.

— И это все?

— Он преступник. Осужден на пятнадцать лет каторги...

— Что же он совершил?

— Топил людей... Это было нашумевшее дело. Фотографии убийцы обошли все газеты. И я, как только увидела Глюка на острове, сразу его узнала, хотя он отрастил бороду.

— И Абст вытащил его из тюрьмы? Глюк знает, что может туда вернуться?

— Да.

— А Вальтер?
— Такой же мерзавец. Он тоже целиком в руках Абста.
— Понятно. Еще вопрос. У вас прервалась связь с группой. Но вы переписывались с родными? Осторожный намек... Вы не подумали о такой возможности?

— Дома не знали, что я в Сопротивлении. Кроме того, вся переписка идет через Абста.

Карцов молча глядит на девушку. Как просто поведала она о своем подвиге. Да она и не считает, что совершила нечто героическое!.. О многом хотелось бы поговорить с ней, успокоить ее, утешить. Но это не сейчас.

Карцов встает.

— Мне надо идти, Марта. Вечером встретимся, как обычно.

Он направляется к выходу, уже берет за скобу двери. Помедлив, возвращается.

— Марта, вы должны знать: видимо, вам уготована та же участь, что и мне. Будьте осторожны. Не ешьте ничего сомнительного. Никаких лакомств, которые вам может предложить Абст или кто-нибудь из его помощников. Разумеется, все это принимать с благодарностью... Мы условились?

Ришар кивает. Карцов берет ее руку, чуть пожимает, осторожно опускает на одеяло.

ГЛАВА 19

События развиваются столь стремительно, что их трудно осмыслить... Два часа назад Абст вызвал Карцова и приказал тщательно исследовать пловцов, а затем предоставить им отдых. Всякая работа отменяется, ибо скоро предстоит важное дело.

Карцов вернулся к себе, а вскоре поступило новое распоряжение: с утра заняться сортировкой вещей на складе и стеллажах. Для каждого пловца отобрать два комплекта водолазного белья, фески, чулки, перчатки, резиновые костюмы, ласты. Все это запаковать в мешки. Работу закончить завтра к середине дня.

Выходит, имущество будут отправлять? А как же люди? Тоже уедут? Но куда? А что, если вообще решено ликвидировать это логово? Быть может, фашисты уже на грани военной катастрофы и спешат уничтожить следы своих преступлений? Не потому ли так озабочен и мрачен Абст... Но если он решил убить пловцов, то сперва расправится со свидетелями!

Карцов, лежащий в койке, поднимает голову, прислушивается. Вскочив с нее, спешит к двери, открывает ее.

Марта едва держится на ногах.

— Сюда идут три подводные лодки, — шепчет она.

— Зачем?

— Чтобы забрать всех и увезти. Операция «Доллар». Они хотят...

— Марта, спокойнее!

— А вас он убьет. Он уже решил!

— Это не новость. Но успокойтесь. Возьмите себя в руки. Говорите по порядку.

Марта рассказывает.

Как и было условлено, она явилась к Абсту и доложила о своем выздоровлении. Абст был обрадован. Во всяком случае, ей так показалось. Беседа проходила в рабочем помещении Абста. Там был и гость. Абст представил его: доктор Кристиан Галлер. Сделав вид, что кокетничает, Ришар лестно отозвалась о внешности Галлера, спросила о возрасте. Усмехнувшись, тот ответил, что родился дважды: тридцать лет назад и позавчера. Вмешался Абст и пояснил: доктор позавчера избежал большой опасности и поэтому вправе считать, что родился снова...

— Был разоблачен и бежал, — делает вывод Карцов. — Бежал с помощью Абста. К союзникам не вернется.

Ришар продолжает. Ей было приказано отправиться в радиорубку и сменить Вальтера.

— Зачем Вальтер понадобился Абсту?

— Он должен был идти к лагуне. Судя по тому, что я услышала, Абст собирался выплыть из грота.

Ришар раскрывает ладонь. В ней сложенная бумажка.

— Прочтите. Придя в радиорубку, я вскоре приняла сообщение. Сняла копию...

Карцов читает. Это расшифрованная телеграмма.

«ОПЕРАЦИЯ «ДОЛЛАР». НА РАССВЕТЕ
ТРИДЦАТОГО ТРИ ЛОДКИ ЛЯГУТ НА
ГРУНТ В ПОЛУМИЛЕ К ЗЮИДУ. ВОЗЬМУ
НА БОРТ ВСЕХ ПЛОВЦОВ. ТОРПЕДЫ
ИМЕЮ ТТ.

— Операция «Доллар»?

— Я не знаю, что это такое. Но завтра — тридцатое сентября...

— Абсту телеграмма известна?

— Ее отнес Вальтер. Он вошел в рубку, когда я заканчивала дешифровку.

— Что это такое — ТТ?

— Условный знак. Я замечала: получив сообщение, в конце которого он стоит, Абст следующую связь проводил сам.

— Когда следующая связь?

— В двадцать один час.

— Можно сделать так, чтобы в рубке были вы?*

— Нет... Разве что Абст задержится...

Карцов встает.

— Марта, вам не вернули пистолет?

Она качает головой.

— Уходите, Марта. Нельзя, чтобы нас видели вместе. Постарайтесь отдохнуть, набраться сил. Возможно, все произойдет уже этой ночью. Что бы ни случилось, в одиннадцать будьте в своей комнате. Я постучу... Мужайтесь, Марта!

Она уходит. Карцов долго глядит ей вслед. Марта... У нее волосы цвета платины, а глаза темно-синие, почти черные. Больная, беспомощная, но сколько в ней мужества!..

Ему чудится солнечный день в родном городе. Широкая улица спускается к порту. Впереди — море, оно стоит зеленой стеной, и белые корабли кажутся повисшими над крышами зданий.

Он бережно ведет ее, одетую в легкое светлое платье. У нее охапка цветов в руках.

И нет никакой войны.

И каждый, кто встречается им на пути, знает о подвиге Марты, улыбается ей.

ГЛАВА 20

На площадке возле лагуны — Вальтер, Глюк, агент Галлер и лейтенант Пелла. В стороне, за ящиками, наваленными возле стены, затаился Карцов.

— Матерь божья, — бормочет Глюк. И вдруг кричит: — Он! Лопни мои глаза, если это не он!

И поспешно спускается по трапу.

— Дьявол, — слышит Карцов его голос, — никак не дотянусь. Поддай мне шест!

— Ногой, — советует Вальтер, — ногой подцепи.

Карцов прижимает лицо к щели между ящиками, среди которых он притаился. Что там они нашли в воде? Впрочем, не все ли равно? Сейчас главное — выскользнуть отсюда, пробраться к пловцам, накормить их — сроки выдачи препарата давно прошли... Но как это сделать?

Между тем Глюк показался на трапе. Вот он ступил на площадку, поднял руку. В руке у него... респиратор!

— Всплыл, — кричит он, — вернулся к хозяину!

— Гляди-ка, — удивляется Вальтер, — тот самый!

— Он, Вальтер! — Глюк тычет пальцем в кислородный баллон. — Видишь пятно? Я подкрашивал неделю назад.

— В чем дело? — спрашивает Галлер.

Рыжебородый, хмыкнув, подмигивает Вальтеру.

— Пустяки, — улыбается он. — Потеряли аппарат. А теперь, видите, отыскали.

Да, это похищенный Карцовым респиратор. Волны выбросили дыхательный аппарат из расщелины. Свинцовый пояс, отцепившись, ушел на дно, а респиратор всплыл, для этого было достаточно, чтобы в шланге или резиновом мешке осталось немножко воздуха.

Карцов морщится. Как осложнилось положение!

— Внимание, — кричит Галлер, — внимание, Глюк!

Абст появился из-под воды. Он подплывает, тормозит возле площадки, влезает по трапу.

Ему помогают раздеться. Все кричат, перебивая друг друга. Поодаль молча стоит итальянец.

Потом он спрашивает:

— Можно, я уйду отсюда?

— Как угодно. — В голосе Абста досада. — Я полагал, что у нас состоится разговор. Сегодня еще есть время. Завтра будет поздно. Поздно для вас, лейтенант.

— Нам не о чем говорить.

— Напротив, разговор предстоит важный... Минуту! — Абст обращается к помощнику. — Глюк, откуда этот респиратор?

Пловец виновато объясняет.

— Уверены, что тот самый?

— Да вот она, отметина. — Глюк поднимает прибор. — Взгляните на горловину баллона, шеф. Краска пооблупилась, я и подмазал. Видите: баллон серый, а подкрашено голубым.

— Дайте сюда!

Глюк подает респиратор. Абст осматривает его, пытается отвернуть вентили баллона.

— Сколько раз говорил, не завинчивайте намертво! Ну-ка, отверните!

— Это не я, шеф...

— Не вы? — Абст оборачивается к другому помощнику. Вальтер качает головой.

— И я ни при чем. Глюк только успел выловить его из воды, как появились вы. Ну, все мы кинулись к трапу... Вентиль был завернут, шеф.

Абст взбешен.

— А клапанная коробка? — кричит он. — Глядите, краник перекрыт! Кто это сделал?

На площадке молчание.

— Кто это сделал? — повторяет Абст. Теперь он говорит тихо, цедя слова. — Выходит, сам водолаз. Спустился под воду и там намертво перекрыл вентиль баллона и кран клапанной коробки. Зачем? Чтобы тут же, задыхаясь, сбросить с себя аппарат, грузы и пулей лететь к поверхности?

Карцов слышит каждое слово, видит злобную физиономию Абста, видит страх и растерянность на лицах его помощников.

— Я могу рассказать, как все произошло, — продолжает Абст. — Знайте же, респиратор был спрятан на глубине, спрятан, а не панически брошен в минуту опасности. Сперва его аккуратно изолировали от воды, а уж потом затолкали в какую-нибудь щель в скале.

— Для чего, шеф? — шепчет радист.

— Для чего, для чего!.. Этот тип обвел нас вокруг пальца. Прикидывался несмышленьким. А под водой он работает не хуже нас с вами! Вот он и спрятал респиратор, чтобы нырнуть за ним, когда придет время... Где он, этот Рейнхельт, или как его там по-настоящему?

— Погодите, Абст, — задумчиво говорит Галлер. — Я уже в который раз слышу это имя. Кто он, где вы его раздобыли?

Абст коротко объясняет.

— Рейнхельт, — бормочет агент, — Ханс Рейнхельт,

врач... Выловлен месяц назад, говорите вы? — И вдруг кричит: — Татуировка на руке — «Ханс»?

— Да, — отвечает Абст, — да, и татуировка.

Галлер медленно опускается на камень.

— Сходится все, — ошеломленно бормочет он, — и татуировка и дата, когда он был «убит» часовым и появился здесь. Немец, живший в России?.. Это русский, Абст, русский!

Пауза.

Первым приходит в себя Абст. Сунув руку в карман, он выхватывает связку ключей. Цела! Несколько горюпых шагов, и он у сейфа в скале. Ключ вставлен в замочную скважину. Поворот ключа. Еще поворот. Сейф раскрывается. Одного взгляда достаточно, чтобы убедиться: здесь все в порядке.

Заперев сейф, Абст медленно возвращается.

— Рейнхельта не трогать, — говорит он помощникам. — При встрече ведите себя так, как обычно. Я сам займусь им.

Пловцы направляются к крану.

Карцов замечает движение у выходного отверстия туннеля. Там стоит Марта. В ее глазах отчаяние, страх. Несомненно, она слышала часть разговора. Увидел ее и Абст.

— Ришар! — восклицает он. — Что вы здесь делаете?

Кран рокошет, поднимая из воды буксировщик.

Марта выходит на площадку.

— Я не расслышала, шеф...

— Давно вошли?

— Только что... Что-то случилось с нашей рацией. Я включила ее и поспешила сюда. Хотела доложить...

— Глюк, Вальтер, быстрее! — командует Абст. — Идите в радиорубку. Немедленно исправить станцию!

— Мне идти с ними? — спрашивает Марта.

— Отправляйтесь к себе. Кстати, где наш врач?

— Не знаю, шеф. — Марта с готовностью предлагает: — Я разыщу его и пошлю к вам!

«Знает, — понимает Карцов, — знает все. Хочет предупредить меня!..»

— Идите к себе, — повторяет Абст. — Запритесь и не выходите из комнаты. Отдыхайте, Ришар. Я сам найду его, когда освобожусь.

— Да, шеф.

Марта уходит.

— Советую идти и вам, — обращается Абст к Галлеру. — Побудьте у себя. Он не должен вас видеть.

— Понимаю.

Галлер тоже покидает площадку.

Проводив его взглядом, Абст оборачивается к итальянцу.

— Ну вот, мы одни с вами... Сегодня вы видели немало интересного, не так ли?

— Я хотел бы уйти отсюда, — говорит Пелла.

— Прежде мы побеседуем.

— Что ж, побеседуем. — Итальянец садится. — Этого человека убьют?

— Он был обречен уже в ту минуту, когда оказался у нас. На какое-то время я испытывал нужду в его знаниях. Сейчас нужда миновала.

— Напрашивается аналогия, синьор.

— Нет никакой аналогии. По крови, по складу ума и образу жизни мы братья, лейтенант Пелла. А тот — русский. Он коммунист. Значит, мой личный враг и ваш враг, враг всех немцев и итальянцев. Вы понимаете меня?

— Допустим. Что же дальше?

— А дальше то, что мы с вами союзники, как бы ни изменились отношения между нашими странами... Италия проиграла войну. К сожалению, положение осложняется и для Германии. Сейчас, когда русские выходят к границам рейха, многие считают, что Германию может постичь участь вашей страны. Однако нация делает все, чтобы предотвратить катастрофу. И я верю: ничто еще не потеряно. На заводах фюрера куется новое страшное оружие. Горе тому, на кого оно обрушится.

— Что вы имеете в виду?

— Многие... Завтра, например, сюда придут подводные лодки. Они готовятся к ответственной операции. Лодки отправятся бомбить Америку.

— Какая чепуха!

— В священном писании сказано: «Не судите опрометчиво».

— Вы верите, что это возможно?

— Как говорят юристы, прецедент был.

— Я не знаю таких прецедентов. Правда, Бенито Муссолини мечтал совершить нечто подобное. Но, к счастью, это осталось на бумаге...

— Я имею в виду другое. Нужны факты? Извольте. Февраль 1942 года. Тихий зимний день на побережье США, близ Лос-Анжелоса. За пять минут до захода солнца из-под воды появляется силуэт боевой рубки. Вот лодка всплыла целиком. Это японская «И-17». Отдраивается рубочный люк. К орудию бегут матросы. Один за другим гремят десять выстрелов. На берегу — взрывы, пожары, паника... И это не единственная акция. Самолеты, взлетающие с японских лодок, уничтожали военные объекты в Ванкувере, а в штате Орегон подожгли леса: грандиозный лесной пожар бушевал несколько дней. Затем лодка «И-25» обстреляла крупную базу американского флота... Конечно, это были булавочные уколы, но и они доказали врагу, что океан — защита не столь уж надежная.

— Вы тоже намереваетесь поджечь где-то лес и разрушить несколько зданий?

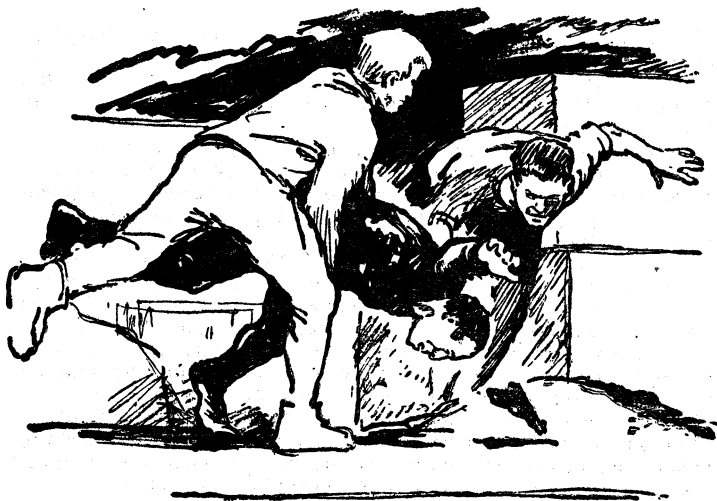
— Сейчас все задумано серьезней. Германские лодки выпустят по городам Америки летающие торпеды большой разрушительной силы. Корабли в портах будут атакованы из-под воды людьми на торпедах. Первый объект — Нью-Йорк с его небоскребами и гигантским портом. Представьте себе — бомбы и небоскребы... Правда, занятно?

— Обстрел Нью-Йорка, пусть самый варварский, ничего не изменит в ходе войны.

— Как вам сказать... У президента Рузвельта всегда была сильная оппозиция. Немцы имеют за океаном много хороших друзей. Это могущественные люди. Им нужен повод. Они давно ждут повода, чтобы посадить в Белый дом другого человека, более покладистого. Надо помочь им. Тем более что выборы президента не за горами. Словом, есть все основания для оптимизма. Кто знает, что только не произойдет, когда под ударами с воздуха станут рушиться нью-йоркские небоскребы, а в портах — взрывать-ся корабли с нефтью!

— Немцы прольют кровь тысяч людей, в большинстве женщин и детей, но ничего не добьются. Вы отлично понимаете, что войной командуют не из Америки. Главное — русские, а тут, я уверен, вы бессильны... Но перейдем к делу. Я устал и хочу спать. Что вам еще угодно от меня?

— Впервые я увидел вас до войны. Вы взволновали меня. Но тогда это была зависть дилетанта. Сейчас я испытываю интерес профессионала. Мне известно, что вы скрывали свой секрет и от соотечественников. Не в этом ли причина того, что с вами обошлись столь круто?.. Я взываю к вашему благоразумию. В день вашего прибытия я показал, что тоже кое-чего добился. Сегодня для вас был дан новый спектакль. Мне кажется, я имею право сказать: давайте объединимся!.. Вы молчите? Что ж, я понимаю: вы деловой человек и не желаете расставаться с тем, что дорого стоит, не получив солидных гарантий.

Такие гарантии будут. Я уполномочен предложить вам чин капитан-лейтенанта военно-морского флота Германии, должность моего заместителя и сто тысяч марок в любой валюте и в любом банке мира.

— А что потребуется от меня?

— Нам нужен отряд пловцов, способных погружаться на глубины сто — сто двадцать метров... Могу добавить: приказ о вашем назначении подпишет сам фюрер.

— Что вы сделали с моими товарищами?

— Для вас это нежелательные свидетели. Я отправил их в лагерь военнопленных.

— Ложь, — кричит Пелла, — вы убили их!

И, вскочив с места, бросается на Абста.

Абст, как всегда, наготове. Точным ударом он валит итальянца на землю, приподымает, снова бьет, пинает ногами.

Какую-то секунду Карцов в нерешительности. В следующий миг, расшвырвав ящики, устремляется вперед, сбивает с ног Абста, наваливается на него, выкручивает руку, которой тот тянется к выпавшему из кобуры пистолету.

Сплетясь в клубок, враги катаются по земле. На помощь кинулся Пелла. Он стискивает Абсту горло.

Еще минута, и Абст связан. Его относят в глубь площадки, за стеллажи. Карцов роется в карманах пленника. Вот он выпрямился. В руках у него связка ключей.

— Русский. — Карцов тычет себя пальцем в грудь.

Пелла, стоящий рядом, часто кивает. Он уже все понял.

У него разбит нос, повреждена бровь. Он тяжело дышит. Кровь и слезы, смешавшись, текут по лицу и подбородку.

ГЛАВА 21

Марта Ришар стоит, привалившись к стене, у одного из поворотов туннеля. Она чувствует, силы ее тают, но не может заставить себя вернуться в комнату. Она должна разыскать Рейнхельта, прежде чем станет совсем беспомощной.

Включив радиостанцию, она и думать не могла, что услышит такое!.. Правда, уже давно стала привычной мысль, что финал только один — катастрофа. Но где-то в глубине сознания продолжала теплиться надежда: может, все обойдется. Не обошлось!

Итак, в двадцать часов сорок пять минут она вошла в радиорубку. Ей повезло. Абст был занят возле лагуны, и она могла сама принять важные сообщения, как этого и хотел Рейнхельт. Она включила станцию и, так как в запасе имелось время, настроилась на волну центрального вещания рейха. Это было строго запрещено, однако она, не раз ухитрялась послушать, что делается в мире.

Передавалась незначительная внутренняя информация — что-то об экономии электричества и газа. И вдруг диктор, прервав передачу, объявил, что поступило сообщение чрезвычайной важности. В Берлине состоялся суд над руковод-

ством одной из коммунистических организаций, которую долго выслеживала и, наконец, изловила служба безопасности. Крупная подрывная группа была тщательно законспирирована, ее филиалы имелись во многих городах Германии. Но СД и полиция безопасности оказались на высоте. Трудная операция по ликвидации банды опасных преступников прошла успешно: арестована вся верхушка организации во главе с ее руководителем — механиком одного из заводов АЭГ Паулем Прозе. Выловлен весь актив.

Голос диктора гремел, когда он рассказывал о работе подпольщиков — те вели пораженческую пропаганду среди населения, саботировали важнейшие решения фюрера, прятали дезертиров и беглецов из концлагерей. Диктор сделал паузу и объявил: недавно предатели пытались переправить противнику информацию о важной военной новинке фюрера и о местонахождении некоторых заводов и лабораторий, где это оружие создавалось. Хвала господу, им это не удалось. И скоро страшное оружие обрушится на головы врагов германской нации.

Заговорщики приговорены к казни, сегодня приговор приведен в исполнение. Что касается отдельных членов преступной банды, еще не выловленных, то охота за ними продолжается. СД и полиция безопасности знают, где их искать!..

Закончив передачу экстренного сообщения, диктор вернулся к обычной информации.

А Марта сидела неподвижная, бледная, ничего не видя и не слыша. Все рухнуло, все. Ее организация разгромлена, товарищи уничтожены. Казнен Пауль Прозе — человек, научивший Марту настоящей жизни, борьбе. Вожак, чье слово было законом для десятков самоотверженных бойцов. Умный и строгий руководитель, а в кругу близких — взрослый мальчишка, неистощимый на шутки и озорство.

«Фройлейн, — сказал Пауль, когда ей удалось утвердиться в Аненэрбе, — фройлейн, в тот день, когда окончится весь этот кошмар и фюрера вздернут на виселицу, в тот день я заявлюсь к вам с огромным букетом. И если окажется, что вы не выбрали еще парня по сердцу, берегитесь, фройлейн, ибо я начну невиданные атаки».

Пауль шутил. Хотел подбодрить ее. А у самого столько тревоги было в глазах. Когда-то Марта спасла ему жизнь, а теперь он посылал ее в опасный поиск, может быть на смерть.

И вот его кет...

Марта стояла у пульта, подавленная, опустошенная.

Хронометр на передатчике отсчитывал время.

В девять часов она протянула руку к панели станции и настроилась на передатчик хозяев Абста. Тот ответил. Марта приняла радиogramму, расшифровала ее: завтра с рассветом, когда три подводные лодки лягут на грунт близ скалы, Абсту следует прибыть на флагманскую лодку, которую он отличит по знаку на правой скуле подводного корабля — два белых треугольника вершинами друг

к другу. Между ними входное отверстие шлюзового устройства — через него Абст будет впущен в лодку. Сегодня с двадцати двух часов непрерывно слушать эфир, с полудня вступить в связь.

Закончив дешифровку, Марта заторопилась. Надо было немедленно действовать и в первую очередь рассказать обо всем Рейнхельту.

Она встала, направилась к двери, но здесь задержалась. Конечно, она не покажет Абсту радиограмму. Но Абст или его помощники могут ночью включить станцию!

Она решительно вскрыла панель. Несколько движений отверткой, и станция была выведена из строя.

Теперь следовало отыскать Рейнхельта. Его не оказалось в спальне пловцов. Вероятно, он возле лагуны.

Она появилась на площадке, когда говорил Галлер, и все поняла.

У нее хватило выдержки разыграть испуг по поводу порчи радиостанции: пока фашисты будут возиться с ремонтом, она успеет найти Рейнхельта. Получив приказ Абста идти к себе, Марта и не подумала подчиниться. Она снова и снова обошла подземелье. Поиски результата не дали.

И вот, прислонившись к стене, она стоит где-то в центре скального лабиринта, одинокая, беспомощная...

Надо что-то делать!

Превозмогая все усиливающуюся апатию, слабость, Марта бредет по туннелю. Временами она садится и ладонями растирает колени, ступни. После каждой такой остановки все труднее заставить себя подняться.

Из глубины подземелья донесся приглушенный вскрик и вслед за тем шум — будто упало тяжелое тело.

Она спешит туда, но вскоре обессиленная опускается на камень.

Что это было? Кричал Рейнхельт? Ей уже видится: в одном из закоулков туннеля Абст настиг его...

Марта совсем не чувствует ног. Она понимает — надо вернуться, лечь в кровать, отдохнуть, но не может заставить себя. Да и какой в этом смысл, если Рейнхельта нет в живых?

Снова шум в туннеле. Торопливые шаги. И они приближаются.

Вот из полумрака вынырнул бегущий.

— Отто! — повелительно кричит Марта, шагнув вперед и загородив дорогу. — Стоять, Отто!

Пловец останавливается. Его согнутые в локтях руки падают вдоль бедер. Запрокинув подбородок, он глядит поверх головы девушки.

Куда он бежал? Обрывки каких воспоминаний и образов, мелькнувшие в обезображенном мозгу безумца, подняли его с нар?..

Человек неподвижен. Только грудь его вздымается — судорожно, коротко, будто ему трудно дышать.

Она снова командует. Пловец поворачивается и бежит назад, той же неторопливой волчьей грустью.

Марта долго глядит ему вслед, мучительно нащупывая ускользающую мысль.

Она потеряла все: родные погибли от бомб; сподвижников и друзей казнили фашисты; а сейчас здесь уничтожен тот, кто стал для нее дорогим, единственным... Он отыскал ее в этом аду, поднял на ноги, когда она уже думала, что погибнет, вдохнул в нее энергию, волю к жизни, к борьбе.

Так неужели же за все это не заплатят враги?

А пловцы — и они умрут неотомщенные?

И сама она тоже молча, покорно уйдет из жизни, не сделав и попытки рассчитаться с Абстом?

Если бы у нее был пистолет! Но она безоружна, беспомощна.

Да, решение только одно.

То, что она замыслила, страшно.

Но у нее нет выбора.

Пещера пловцов. Люди лежат на нарах, сидят на камнях, молчаливые, неподвижные.

Только что вошла Марта. За время болезни она отвыкла от них, и сейчас ей не по себе.

Увидев девушку, один из пловцов поднимается с нар. Другой, сидящий в дальнем углу, поворачивает к ней голову.

— Хочу есть, — медленно говорит он.

Тот, что встал, делает шаг к девушке.

— Пора ужинать. — Он протяжно зевает. — Пора ужинать, пора ужинать.

Люди на нарах приходят в движение. Пещера начинает гудеть. Марта отступает к двери.

— Ложитесь спать, — торопливо говорит она. — Спать, всем спать, ложитесь на нары!..

Она знает каждого, его историю, особенности организма. Только один незнаком ей — широкоплечий кужанин с курчавыми черными волосами.

— Спать, ложитесь спать, — повторяет Ришар, и голос ее дрожит, срывается.

Пловцы повинуются. Но она понимает: это ненадолго.

Стоя у двери, она глядит на них. Она в последний раз видит этих людей. Она все отдала бы ради их спасения, все на свете!..

Она долго стоит у двери. У нее губы трясутся, и сердце стучит так, что боль отдается в висках.

А Карцов ищет Марту. На пути к пещере пловцов он уже побывал в ее комнате, на камбузе, обследовал многие ответвления туннеля.

Где же она?

Его все больше охватывает тревога, предчувствие надвигающейся беды — Марта была на площадке, она все

знает: в отчаянии она может решиться на такое, что потом не исправишь...

Ни на мгновение не забывает он и об итальянце, оставшемся на площадке. Сейф открыт. Наблюдая за Абстом, Пелла готовит к действию подрывные заряды и респираторы. Кроме того, он должен вернуть взрыватель в одну из торпед. Это на всякий случай. Мало ли что может произойти... Пелла один на один с Абстом. Правда, Абст связан. Но все равно он опасен!

Они сохранили жизнь Абсту, вырвав у него обещание спасти пловцов. Но — слово Абста?

Однако все это позже. Главное сейчас — выдать пловцам препарат, разыскать Марту, с ее помощью обезвредить остальных обитателей подземелья.

Марта останется в гроте, а Карцов и Пелла, взяв мины, отправятся на поиски фашистских подлодок. В этих делах Пелла большой специалист, недаром за ним охотился Абст.

Таковы планы.

Только бы отыскать Марту и успеть к пловцам, только бы не опоздать!..

Поворот туннеля, еще поворот. Теперь — мостик, перекинутый через расщелину. Что это темнеет на ее противоположном краю? Какой-то предмет. Но Карцову не до него.

Скорее, скорее к пловцам. Еще поворот. Вот она, дверь! Едва дыша от волнения, он отодвигает заслонку глазка. Нары пусты. Люди сгрудились в центре пещеры. Помещение наполнено гулом.

Отпрянув, Карцов мчится к хранилищу препарата. Это в боковом отростке туннеля, совсем рядом. Быть может, он еще успеет...

Но что это? Дверь хранилища распахнута. Стеллажи, которые еще вчера были заставлены серыми картонными ящиками с брикетами, сейчас пусты!

Он идет назад, тычась локтями о стены. Будто слепой. Мостки. Он опускается на колени. Перед ним на самом краю расщелины — два брикета.

Карцов наклоняется над провалом. Из темноты несет холодом. Сбросив в провал брикет, он ждет. Несколько секунд паузы, потом — всплеск.

В боковине мостков торчит гвоздь, наполовину вылезший из доски. На нем — узкий темный лоскут. Он бы и не заметил его, но воздух в туннеле движется и колеблет лоскут.

Он долго не может взять лоскут одеревенелыми пальцами. Наконец подносит его к глазам. Синий лоскут...

Память подсказывает: Марта была в синей куртке.

Марта!.. Карцов так ясно видит ее. Маленькая, еще не окрепшая после болезни, бредет она по туннелю, сгибаясь под тяжестью серого ящика. Сбросив его в расщелину, она возвращается, чтобы поднять новый.

Ее шатает от слабости.

Ей совсем плохо. Она каждый шаг берет с боя.

Стеллажи пустеют. Ящик за ящиком исчезает в бездне. Наконец остался последний. Дотащив, Марта роняет его на скалу, падает на колени, сантиметр за сантиметром толкает тяжелый ящик к провалу.

Края расщелины пологи. Здесь очень легко потерять равновесие. Но Марта не думает об опасности. Навалившись на ящик, она двигает его, двигает...

Несколько брикетов выпало.

Скорее, каждую секунду ее могут настичь!..

Последний рывок, и ящик летит в провал.

А за ним, обессилев, сползает туда и сама Марта — цепляясь за камни и не находя в них опоры...

Карцов заставляет себя встать. Медленно идет через мостки.

А гул в спальне пловцов слышнее. Он похож на шум штормового моря. Гул нарастает. Теперь слышны и удары.

И вдруг оглушительный рев сотрясает туннель: будто звук протаранил преграду, вырвался на свободу.

Наконец-то очнулся Карцов!

Но уже слышен топот десятков ног — те, что бегут, вот-вот вырвутся из-за поворота.

Метнувшись в сторону, Карцов прячется за скалу.

Он стоит, прижавшись к камню, и его обдают волны воздуха, взбудораженного бегущими. Толпа пронесится мимо и скрывается в закруглении туннеля. А затем оттуда доносятся выстрелы, вопли.

Дорога к лагуне еще свободна. Скользя вдоль стены, Карцов спешит к выходу.

С новой силой гремит подземелье: толпа возвращается.

Все решают секунды. И он, уже не прячась, бежит по туннелю, Теперь недалеко. Он успеет. Только бы Пелла оказался на месте.

Выбежав на площадку, Карцов отыскивает глазами товарища.

— Я здесь!

Пелла у стеллажей. Орудия ключом, он ввинчивает взрыватель в торпеду.

— В воду! — кричит Карцов.

Быстро надеты респираторы, пристегнуты грузы. Подрывные заряды, компасы, ножи — все в порядке. И они погружаются.

А на площадку уже вырвались пловцы — мчатся к кромке скалы, падают в воду. Но без дыхательных аппаратов они беспомощны. Нырнув, они задирают головы и, окруженные роем светящихся пузырьков, устремляются к поверхности.

Вода удивительно красива. Она вобрала в себя все оттенки синего — от кобальта до ультрамарина, полна света, жизни, искрится: стаи рыбьей молодежи вертятся в ней и играют, и в каждой отражается солнечный луч.

Но все это у поверхности штилевого моря. Ближе ко дну, до которого здесь метров двадцать пять, преобладают холодные тона. В сером сумраке проплывают крупные рыбы. Они держат путь к торчащей из ила невысокой гряде, после которой дно круто уходит вниз. Рыбы переваливают через камни и растворяются в густой клубящейся мгле. А из угрюмой бездны тянутся встречные странницы. Миновав гряду, они взмывают по вертикали, будто истосковавшись по свету и солнцу. И каждая рыба, достигнув поверхности, рождает беззвучный взрыв — стрелками серебра во все стороны мчатся мальки, словно трещины брызжут по зеркалу.

У гряды появились люди. Крупный групер уставился на них выпуклым глазом, опасливо отодвинулся в сторону. Из щели в скале выволокла свое змеиное тело мурена, оскалила ядовитые зубы и вновь скользнула в нору.

А те продолжают путь. Их двое. Ноги, обутые в ласты, извиваются будто щупальца, руки вытянуты перед головой. Еще недавно Пелла держал возле глаз компас, чтобы точно идти по курсу. Теперь нужды в нем нет — цель обнаружена.

Подводная лодка, одна из трех упоминавшихся в радиограмме, лежит на дне, полускрытая жгутами бурых водорослей, будто специально зарылась в них, чтобы спрятаться.

Карцов и Пелла прекращают движение. Заряды, которые они буксировали, медленно опускаются и повисают на длинных линиях.

Движением руки Пелла подзывает товарища. Сблизившись головами, они парят в прозрачной воде. Пелла показывает на большие цилиндры — ими заставлена палуба лодки. Четыре цилиндра — перед боевой рубкой, по два в ряд. Столько же в кормовой части подводного корабля, едва видимой. Пелла жестами объясняет: в цилиндрах торпеды: подойдя к вражескому порту, лодка ложится на грунт, выпускает пловцов, те открывают крышки цилиндров, извлекают торпеды...

Карцов кивает — он все понял.

Снова скороговорка жестов. Итальянец просит, чтобы товарищ остался на месте и наблюдал — мало ли что может случиться. Он, Пелла, подвесит заряд, включит часовой механизм взрывателя. Это займет немного времени, и они начнут поиск новой цели.

Карцов согласен. Опускаясь в водоросли, он следит за товарищем, продолжающим путь.

Лодка будто мертва. Выключены даже машинки для очистки воздуха. Оно и понятно — лодка на небольшой глубине, ее можно засечь приборами с проходящего корабля или увидеть сквозь толщу воды с самолета, а обнаружив — забросать бомбами.

Тишина, покой. Только пощелкивают клапаны в респираторе Карцова: клапан вдоха резче, клапан выдоха слабее. Где же Пелла? Карцов раздвигает водоросли.

Он видит: с поверхности моря на лодку никирует чело-

век. Неизвестный, в респираторе, у него ласты. Вот он поднес руку к поясу, выхватил нож.

Рванувшись, Карцов устремляется наперерез. Его гонит страх за товарища, гонит бешенство, ярость, ибо в атакующем он узнал Артура Абста.

Они быстро сближаются.

Их пути пересекутся в метре от итальянца — тот, ни о чем не подозревая, прикрепляет к лодке взрывчатку.

Враги вот-вот столкнутся. Абст возле Пеллы, занес руку с ножом, Карцов атакует немца. Успел ли Абст ударить Пеллу? Кажется, нет...

Пловцы кружат в толще воды, не рискуя сблизиться. Они знают: для победы нужен только один удар. Допустивший ошибку погибнет.

Постепенно Карцов отесняет Абста от лодки. Надо выиграть время. Пелла закрепит мину, включит часовой механизм взрывателя и придет на помощь. Вдвоем они легко одолеют врага.

Карцов и Абст уплывают все дальше, постепенно поднимаясь к поверхности.

Пелла смотрит им вслед. Смотреть все труднее — вокруг мутнеет. Будто ил поднялся со дна. Но Пелла знает: это не ил. Это кровь. Он лежит на левом пере носового горизонтального руля лодки. Если он шевелится, кровь из раны в боку течет сильнее. С кровью уходят силы. Их у Пеллы так мало, что вряд ли удастся закончить крепление подрывного заряда.

Что же делать? Всплывать?

Это легко — стоит сбросить грузы на пояс, и его уже ничто не удержит под водой. Он понесется туда, где воздух и солнце, где друг, помощь которого так нужна!.. Но Пелла решил: он закрепит мину и приведет в действие механизм взрывателя.

Превозмогая боль, он переваливается на живот, пытается подтянуть линь с зарядом. Усилие утомило. Кружится голова, вот-вот он лишится сознания. И линь ускользает из пальцев.

Еще попытка, и снова неудача.

Отдышавшись, Пелла оглядывается. Пустынна вся толща воды. Обитатели ее исчезли. Только мурена выплыла из-за скалы, уткнулась носом в песок и извивается толстым слизистым телом.

Сил все меньше. О лине Пелла уже не думает. Выход один: запустив часовой механизм, он оставит мину у лодки и всплывет. Расчет на то, что в ближайшее время лодка не тронется с места. Мины внизу, в песке. Пелла сползает с плоскости руля и планирует к ним. Вот он лег на грунт, берется за механизм взрывателя.

И вдруг сильный удар: это взорвались торпеды в гроте. Пелла сам ввернул в одну из торпед взрыватель мгновенного действия, чуткий взрыватель, по которому достаточно хватить кулаком...

Пеллу швырнуло в борт лодки. Стекло шлема треснуло, к лицу просачивается вода.

В лодке послышался шум. Она дрогнула, и грунт под ней заскрипел.

Пелле плохо. Он задыхается. Шлем полон воды. Он срывает шлем. Смутно виден проплывающий мимо серый, в заклепках борт субмарины. Где же мина?

Руки шарят в песке. Нащупали, обхватили снаряд.

Мина прижата к груди. Пелла, как слепой, бежал ее пальцами. Вот он, взрыватель!

— Ноль, — шепчет Пелла.

И рывком поворачивает лимб.

Лодку подбрасывает. С пробойной в борту она опускается в кипящую муть.

Мчатся вверх пузыри воздуха и соляра, всплывают клочья водорослей, поднимается, кружась, раздавленная мурина.

А в стороне продолжается схватка Карцова с Абстом. Первый взрыв не причинил им вреда — удар был ослаблен расстоянием. Но вот взорвал свою мину Пелла. Карцову больно сдавило печень, ударило в грудь. Воздушный мешок респиратора лопнул, в легкие ворвалась вода. Полузадохшийся, он сбросил пояс с грузами, сорвал шлем и устремился к поверхности.

Теперь вдох рождает в груди сильную боль. Во рту ощущается острый вкус крови.

Где же Абст? Он погружает голову в воду, напряженно всматривается. Внизу все затянуло дымкой. Где-то близ дна с трудом различим силуэт человека.

Погиб?

Нет, шевелится. Вот от него ринулись вверх пузыри.

Пузыри, это значит, что респиратор Абста исправен.

А Карцов, лишившись дыхательного аппарата, потеряв нож, беззащитен.

Абст задвигал ластами, чуть подвсплыл. Сейчас он точно под Карцовым. Запрокинул голову и глядит на него.

Еще гребок, и Абст повисает метрах в трех от поверхности.

Чего он медлит? Он ждет, чтобы противник поднял голову из воды для вдоха. В это мгновение Абст и потянет его вниз.

Карцов должен атаковать. Атаковать наперекор логике, которая требует выманить врага из глубины, чтобы драться на равных. Абст не ждет нападения. Внезапность — единственное преимущество Карцова.

И он ныряет.

Да, Абст даже не увернулся.

Карцов резко рванул его руку с ножом. Что-то в ней хрустнуло, нож выпал. И тут же Абст получает удар в горло.

Спасаясь, Абст ногами обвивает противника, тянет на глубину. Карцов рвет шлем с его головы.

Бешеная беззвучная борьба в толще воды. Абст слабеет, сползает по телу Карцова.

Собрав все силы, Карцов наносит последний удар — сверху, ногой.

Это конец. Надо добить Абста. Но Карцов задыхается. Оттолкнувшись от безжизненного тела врага, он мчится к поверхности.

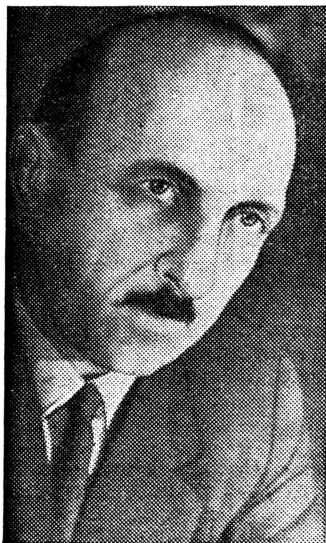
Солнце. Спокойное море.

Карцов лежит на воде, жадно глотая воздух. При каждом выдохе на губах пузырится кровь.

Отдышавшись, он оглядывает горизонт. Вокруг только вода. Скалы нет: рухнула при взрыве торпед.

Под ней погибли пловцы.

Там же, где-то на дне, под глыбами камня лежит Марта.

Я давно работаю в жанре приключений. Четыре мои последние книги написаны на материале второй мировой войны. К их числу относятся романы «Тайник на Эльбе» и «Безумцы».

«Тайник на Эльбе» рассказывает о крупной операции советских разведчиков и немецких антифашистов по розыску архивов гитлеровской секретной службы. Он издавался в ряде стран. В ГДР книга выдержала шесть публикаций и по ней снят фильм.

В «Безумцах» я обращаюсь к другому материалу. Это не только приключения советского офицера, оказавшегося на тайной базе гитлеровских подводных диверсантов и водителей управляемых торпед. Главная задача, которую я ставил перед собой, работая над романом, — разоблачение чудовищных преступлений фашизма.

Вот и лейтенант Джорджо Пелла, человек с мужественным сердцем, уже не поднимется из морской глубины... Перед атакой подводной лодки, когда Пелла узнал о подвиге Марты, он сказал: «Немцы сделали все, чтобы я ненавидел немцев. Вы и Марта заставили меня уважать этот народ».

Слезы душат Карцова. В последний раз глядит он туда, где глубоко под водой погребена Марта Ришар.

На севере, за горизонтом — база союзников.

Он поворачивает на юг. Он снова один в океане.

Поздно вечером его подобрал шведский электроход, возвращавшийся из Африки с грузом какао-бобов.

**ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ
ПИСАТЕЛЯ**

Какие подлинные события легли в основу романа! Не все еще знают, что гитлеровцы истребляли людей не только в лагерях смерти или в застенках гестапо и СД, но и в специальных клиниках. Здесь погибало огромное количество жертв, насильственно подвергнутых невероятным по своей жестокости экспериментам. Достаточно вспомнить, что только одна группа психиатров, руководимая извергом с дипломом медика «профессором» Вернером Хейде, истребила более 200 000 человек. С особым интересом фашистские врачи-изуверы экспериментировали с живым человеческим мозгом.

Читатель видит теперь, что автор в своем романе не сгустил краски, создавая Абста с его адской кухней. Человечеству известны факты куда более страшные.

Каковы мои дальнейшие планы!

Я поставил перед собой задачу в ближайшие годы написать две книги. Первая — роман о чекисте, о том, как прошло тридцать лет его жизни. Вторая работа будет посвящена океану. Я целиком разделяю убежденность французского подводного исследователя Кусто в том, что очень скоро человек освоит глубины моря, создаст там поселения, города... Об этом и хочется пометать. Первые практические шаги к новой книге уже сделаны — завязаны связи с учеными-океанологами, чтобы поработать с ними, поплавать, все увидеть своими глазами...

РЕЙС ВДОВЫ

Рисунки С. ПРУСОВА

Вдова Дэккет жила в небольшой деревушке штата Нью-Джерси, милях в десяти от морского побережья. В этой деревушке она родилась, здесь вышла замуж и похоронила своего мужа и здесь же надеялась быть похороненной, хотя с этим она не спешила: она была еще молода — высокая, худая женщина, в полном расцвете сил, физических и духовных.

Она вставала в шесть утра, готовила завтрак, накрывала на стол, мыла посуду после завтрака, доила корову, била масло, убирала комнаты, стирала, гладила, копалась в огороде около дома, ухаживала за цветами в палисаднике, вязала и шила после обеда, а после вечернего чая шла к кому-нибудь из соседей или приглашала к себе. Когда совсем темно, она зажигала лампу в гостиной и с часик читала, и если то была одна из книг Мэри Вилкинс, то она тут же выражала свои сомнения касательно правдивости изображения действующих лиц.

Эти сомнения она выражала Дорке Нетворти — маленькой, пухлой женщине с серьезным лицом, которая уже много лет жила вместе со вдовой, постепенно сделавшись ее преданной «последовательницей». Что делала вдова, то делала и Дорка — конечно, не так хорошо, как вдова: сердце подсказывало ей, что этого она никогда не достигнет, хотя и старалась изо всех сил. Она вставала в пять минут седьмого и помогала вдове готовить завтрак, есть его, мыть посуду, работать в огороде, шить, вязать, ходить в гости и принимать у себя гостей и напругала все свое внимание, чтобы не заснуть, когда вдова вечером читала вслух.

Такое течение их жизни нарушалось редко. Одно из таких редких событий произошло как-то летним днем, когда миссис Дэккет и Дорка сидели на крыльце своего дома и ждали, когда часы пробьют пять, чтобы заняться приготовлением чая. Но ровно без четверти пять вдали на улице показалась тележка, за-

Рассказ «Рейс вдовы» американского писателя Фрэнка Стоктона был напечатан в журнале «30 дней» в 1932 году.

Новый перевод для «Искателя» сделан П. Охрименко.

пряженная одной лошадью; в тележке сидело четверо мужчин. Дорка первая увидела тележку и тотчас бросила вязанье.

— Господи боже мой! — воскликнула она. — Что это за люди? Сразу видно, что нездешние, — они даже не знают, где им остановиться. Сначала повернули на одну сторону улицы, потом — на другую.

Вдова пристально посмотрела на дорогу.

— Гм! — сказала она. — Это, видно, моряки. Я их сразу узнаю. Моряки всегда правят лошадьми так, как они привыкли управлять судном. Они поворачивают то в одну сторону, то в другую.

— Мистер Дэккет не любил моря? — в трехсотый раз спросила Дорка.

— Нет, не любил, — ответила вдова примерно в двести пятидесятый раз. Бывали случаи, когда она не находила нужным отвечать, считая этот вопрос лишним. — Он ненавидел море и утонул в нем, доверившись моряку, чего я никогда не делала и не сделаю. Но они как будто едут прямо сюда?

— Как пить дать! — сказала Дорка.

Она не ошиблась.

Тележка остановилась перед домом миссис Дэккет. Женщины застыли, положив руки на колени и глядя на мужчину, правившего лошадью.

Это был пожилой мужчина с седеющими волосами и такой же бородой, которая развевалась при легком бризе.

— Здесь живет вдова Дэккет? — спросил он громким, грубым голосом.

— Да, это я, — отвечала вдова и, положив вязанье на скамейку, направилась к воротам.

Дорка, в свою очередь, положила вязанье и тоже прошла к воротам.

— Мне сказали, — начал пожилой мужчина, — что дом вдо-

Женщины отправились на кухню и тотчас принялись за приготовление обеда, который сулил им доллар наличными.

Моряки, все пожилые, вылезли из тележки.

Они достали ящик полуманых морских галет и поставили его перед лошадью, и та с большим усердием принялась за еду.

вы Дэккет — единственное место, где могут покормить. Мы моряки, держим путь с залива до Коппертауна. Это еще около восьми миль отсюда, а мы уже изрядно проголодались.

— Ну, вы попали туда, куда надо, — сказала вдова. — Я могу покормить, когда есть продовольствие в доме и все под рукой.

— А как у вас сегодня? — спросил моряк.

— Сегодня есть все, — отвечала вдова. — Привяжите лошадь и заходите в дом. Вот только лошади нет ничего.

— Неважно. У нас есть с собой кое-что.

После того как моряки вымыли лицо и руки у насоса на заднем дворе и вытерли их двумя полотенцами, принесенными Доркой, они вошли в столовую и уселись за стол. Миссис Дэккет заняла место в одном конце стола с достоинством, свойственным хозяйке дома, а Дорка — в другом конце, с достоинством, свойственным верной «последовательнице» хозяйки. Прислуживать не приходилось — все яства и напитки стояли на столе.

Когда все четыре моряка наелись до отвала, старший из них, капитан Бэрд, отодвинул назад стул, и тотчас отодвинули свои стулья и остальные.

— Сударыня, — сказал капитан Бэрд, — мы покушали вдоволь и

весьма вам благодарны, но наша лошаденка еще не успела отдохнуть, а нам ехать еще целых восемь миль, и потому, если вы и эта славная дама не будете возражать, мы не прочь бы провести полчаса вон на той веранде и покурить. Я смотрел на эту веранду, когда входил в дом, и думал, как хорошо было бы посидеть здесь и выкурить трубку!

— Тут уже не раз раскуривали трубки, — сказала вдова, вставая, — можно и еще раз. В доме я курить не позволяю, но на веранде сколько вашей душе угодно.

Итак, четыре капитана вышли на веранду: двое из них уселись на скамейке по одну сторону двери, двое — по другую, и тотчас все четверо задымили трубками.

— Будем убирать со стола и мыть посуду или подождем, пока уедут? — спросила Дорка.

— Подождем, пока уедут, — сказала вдова. — А сейчас мы можем немного с ними поболтать. Когда моряк зажигает трубку, он всегда рад поболтать, но когда он ест, ты не вытянешь из него и слова.

Не считая нужным спрашивать разрешения, так как она была хозяйка дома, вдова Дэккет принесла стул и поставила его в коридоре около двери, а Дорка принесла другой и села рядом с ней.

— Вы все — моряки с залива? — спросила миссис Дэккет, и этим начался разговор; спустя несколько минут он достиг той точки, когда капитан Бэрд счел нужным заметить, что много необычайных приключений случается с моряками, много такого, чего людям, живущим на суше, и во сне не приснится.

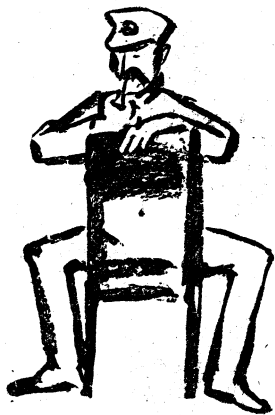
— Можете припомнить хоть одно из таких приключений? — спросила вдова, и Дорка тут же сложила руки в ожидании.

При этом вопросе каждый из моряков вынул трубку изо рта и потупил глаза.

— Приключений на море пришлось нам испытать немало, — сказал капитан Бэрд. — Об одном из таких приключений я могу рассказать.

— Очень хотелось бы послушать, — сказала вдова.

— Со мной и моими товарищами еще не случилось ничего такого,

чего нельзя было бы назвать правдой, — сказал капитан Бэрд. — Сначала я расскажу о том, что случилось со мной. Как-то раз я плыл на китобойном судне, как вдруг на нас налетел громадный кашалот. Как разъяренный бык, ударил он головой о корму и пробил ее насквозь. Голова и туловище наполовину вошли в корпус судна. Трюм почти целиком был загроможден пустыми бочками, и когда эти бочки кашалот превратил в щепы, для него оказалось вполне достаточно места. Сначала мы думали, что наше судно минут через пять наполнится водой и пойдет ко дну и уже приготовились спускать шлюпки, но оказалось, что шлюпки нам совсем не нужны: как только вода поступала в трюм, кашалот ее выпивал и через два дыхла сверху, на голове, фонтаном выпускал ее. И так как над головой у него был открытый люк, то вся вода попадала обратно в море; кашалот работал так день и ночь, откачивая воду, пока мы не бросили якорь у острова Тринидад. И надо сказать, что кашалот помог нам намного быстрее пройти длинный путь, — он все время работал своим мощным хвостом, который, находясь в воде, действовал наподобие винта. Надо полагать, что подобной штуки никогда не случилось ни с одним китобойным судном, — закончил свой рассказ капитан Бэрд.

— Я тоже думаю, что этого ни с кем еще не случалось, — сказала вдова.

Капитан Бэрд посмотрел на капитана Сандерсона. Тот вынул трубку изо рта и сказал, что за все время своих кругосветных путешествий ему никогда не приходилось видеть ничего настолько необычайного, как то, что случилось с одним громадным пароходом, на котором он находился. Пароход этот в густом тумане наскочил на остров. Все на борту думали, что пароход разбился, но у этого парохода были двойные винты, и он шел с такой быстротой, что опрокинул остров вверх дном и проплыл над ним.

— Теперь мне часто приходится слушать, что моряки, плавающие в этих широтах, видят корни деревьев и подвальные этажи домов.

Капитан Сандерсон снова сунул трубку в рот, а капитан Бэррис вынул свою изо рта.

— Однажды я плыл на судне, груженном обелисками, — начал он. — Судно это совершало регулярные рейсы между Египтом и Нью-Йорком. На борту находился громадный обелиск. Обелиски обычно перевозят так: в корме судна пробивают дыру и в нее всовывают обелиск, тупым концом вперед. Обелиск, который мы везли, протянулся почти во всю длину судна, от кормы до носа. Мы уже дней десять находились в плавании, шли при сильном встречном норд-осте, машины работали полным ходом, как вдруг впереди показались буруны. Капитан сразу понял, что мы можем сесть на мель. Если бы на борту не было обелиска, мы, конечно, могли бы проскочить через мель, но судно наше слишком глубоко сидело в море.

Через какие-нибудь пятьдесят пять секунд мы должны были потерпеть кораблекрушение. Но капитан не растерялся: он приказал дать полный ход, и мы врезались в землю. Судно оста-

новилося так внезапно, толчок был так силен, что обелиск бросило вперед, он проскочил через дыру в носу и упал в море. Как только обелиск свалился в воду, пароход стал настолько легким, что всплыл над подводными камнями, и мы легко прошли через мель. Когда пароход врезался в землю, от толчка один матрос свалился в воду. Заметив, что недостает одного человека, мы вернулись назад и быстро нашли его. Дело было так. Когда обелиск свалился в море, его нижний конец, толстый и тяжелый, сразу опустился на дно. Коснувшись дна, он принял стоячее положение, на пять с половиной футов выдаваясь над водой. Свалившийся за борт матрос поплыл на обелиск.

Это был длинный красивый обелиск, египтяне глубоко вырезали на нем свои иероглифы, и матрос легко цеплялся за них руками и ногами, и когда мы подъехали к матросу, чтобы снять его, он сидел высоко на остром конце обелиска. Конечно, можно пожалеть, что обелиск остался в море, и надо полагать, он стоит там до сих пор, — я что-то не слышал, чтобы компания пыталась поднять его.

Капитан Бэррис сунул в рот свою трубку и взглянул на капитана Дженкинсона, который вынул трубку и начал:

— Мой рассказ будет про акулу. Мы проходили мимо берегов Ньюфаундленда, время было летнее — в июле, но в море было много льда, и мы попали в самую гущу айсбергов. Недалеке от нашего судна мы заметили один айсберг, который показался нам таким интересным, что капитан и три матроса подплыли к нему в шлюпке, чтобы лучше рассмотреть. Лед был настолько чистый и прозрачный, что можно было видеть насквозь. Прямо посередине этой ледяной глыбы, не больше как в трех футах от линии воды была видна крепко замурованная во льду огромная страшная акула, футов четырнадцати в длину — настоящий пожиратель людей. «Черт возьми! — сказал капитан. — Первый раз в жизни вижу такие чудеса. Непременно надо достать эту акулу!» Тут один из матросов говорит, что ему показалось, будто акула моргнула глазом, но капитан не поверил ему и ответил, что акула эта сама как кусок льда и моргать ни в коем случае не может. Видите ли, капитан этот был неглупый человек, и он знал, что киты — теплокровные животные, они замерзают, если их замуровать в лед, но он забыл, что акула не кит и что она животное с холодной кровью, как лягушка. И бывали случаи, когда лягушка, замурованная в скале, оставалась живой тысячи лет, как бы ни было холодно, и когда скалу разбивали, из нее выпрыгивала лягушка. Но, как я уже сказал, капитан забыл, что акула — животное с холодной кровью

Вы, сударыни, как женщины и хозяйки, прекрасно знаете, что если взять иголку и загонять ее в кусок льда, то лед расколется. У капитана была с собой иголка для шитья парусов, и он начал загонять ее в лед, туда, где была акула, и ледяная глыба раскололась. И как только лед треснул, капитан понял, что матрос был прав: акула только взмахнула хвостом и быстрее молнии скрылась в море.

— Вот небось обрадовалась! — воскликнула Дорка, забыв о предыдущем рассказе (настолько сильно она была увлечена).

— Да, — сказал капитан Дженкинсон, — акула-то обрадовалась, да капитану пришлось горько. Акула эта, может быть, голодала уже тысячу лет, и, конечно, она сразу проглотила капитана.

— И правда, с вами, моряками, случается немало удивительных приключений. Самое удивительное в них то, что все они правдивы, — сказала вдова.

— Да, — подтвердила Дорка, — это самое удивительное!

— Но вы вряд ли могли бы подумать, — продолжала вдова Дэккет, переводя взгляд с одной скамейки, на которой сидели моряки, на другую, — что я тоже могу рассказать о приключении на море. И, если хотите, я расскажу.

Капитан Бэрд посмотрел на нее с некоторым удивлением.

— Было бы желательно послушать вас, сударыня, — сказал он. — С удовольствием слушаем.

— Да, да! — сказал капитан Бэррис, а остальные подтвердили это дружным кивком.

— Дело было давно, — начала миссис Дэккет, — когда я еще жила на берегу залива. Мужа моего в ту пору не было дома. Однажды утром моя золовка, которая жила на другом берегу залива, передала мне с одним парнем, проезжавшим мимо моего дома верхом на лошади, просьбу одолжить ей немного керосину для лампы. Эту лампу она всегда ставила на окно, когда ее муж уходил в море ловить рыбу. Она обещала вернуть мне керосин, как только достанет. Парень должен был заехать ко мне на обратном пути, чтобы отвезти керосин золовке, но он так и не заехал, а может быть, совсем и не возвращался назад. Часов в пять вечера я уже начала беспокоиться — я хорошо знала, что если у моей золовки не будет к вечеру керосина для лампы, то к полуночи у нее может не быть мужа. И я сказала себе: «Я во что бы то ни стало должна доставить ей керосин». Конечно, я не знала, что может случиться, но выход был только один: сесть в лодку и отвезти керосин золовке. Обойти по суше залив было невозможно — не хватало времени. Но беда в том, что я так же умела управлять лодкой, как вы, моряки, умеете крахмалить белье. Однако размышлять долго не приходилось. Я налила в жестянку галлон керосину, чтобы ей хватило надолго, пошла на берег залива, отвязала лодку, поставила в нее жестянку, села сама и оттолкнулась от берега. Когда я уже находилась примерно в четверти мили от берега...

— Сударыня, — прервал ее капитан Бэрд, — вам пришлось грести или у вас была парусная лодка?

Вдова с минуту смотрела на капитана.

— Нет, — сказала она. — Я не гребла. Я забыла захватить из дому весла. Да они мне были и не к чему — я не умела грести, и если бы лодка была с парусом, то я тоже не знала бы, что с ним делать. Я просто пользовалась рулем, и лодка шла прекрасно. С рулем я знакома с детства и знаю, как им править. Взявшись за ручку руля, я просто вертела ее из стороны в сторону, и лодка быстро двигалась вперед, и я, знаете...

— Сударыня! — воскликнул капитан Бэрд, и все его товарищи вынули трубки изо рта.

— Да, вот таким способом я плыла в лодке, — продолжала вдова, не останавливаясь ни на минуту. — Большие пароходы двигаются с помощью винта, а я заставила таким же способом работать руль, и все шло как нельзя лучше. Но когда я уже была в четверти мили от берега, внезапно разыгрался страшный шторм. Где-то над морем пронесся тайфун или циклон, и в залив катились волны вышиной с дом; они ударились о берег и откатывались назад, в море. Встречая по пути новые волны, катившиеся из моря, они с невероятной силой и грохотом сталкивались и разбивались одна о другую. Лодчонку мою носило по волнам, как пушинку ветром; когда она носом налетала на волну, корма повисала в воздухе, и тогда руль вертелся и жужжал, как сепаратор без молока. Гремел гром, сверкала молния, и три морские чайки, напуганные так, что глаза у них вылезали на лоб, спустились на лодку и уселись на ней, забыв в эту страшную минуту даже о том, что человек — их заклятый враг. В кармане у меня было несколько сухариков — я прихватила их на случай, если мне захочется перекусить, когда буду плыть, — и я раскрошила эти сухарики и покормила несчастных птиц. Потом я стала обдумывать, что мне делать дальше, так как положение становилось хуже с каждой минутой, — мою лодчонку так швыряло, кружило и бросало то на один бок, то на другой, то вперед, то назад, что уже давно была бы в воде, если бы не держалась изо всех сил за руль. И тут я вспомнила о жестянке с керосином, но уже, собираясь вытащить пробку, вдруг почувствовала угрызения совести: «Неужели я вылью этот керосин в море и этим погублю мужа моей золовки?» Но потом я утешила себя тем, что весь керосин ей сегодня не потребуется, а на другой день она, быть может, достанет, и вылила примерно стакан керосина в море. Если бы вы, моряки, только видели, какое необыкновенное действие оказал этот керосин! В три секунды — и не больше как в пять — вода вокруг моей лодки, площадью примерно с хороший двор, стала гладкой как стол, прозрачной как стекло и настолько соблазнительной на вид, что три чайки тотчас выпрыгнули из лодки и начали плавать вокруг, чистить свои перышки и глядеться в прозрачные глубины, хотя должна сказать, что одна из них сильно поморщилась, когда окунула клюв в воду и отведала керосину. Теперь я могла спокойно посидеть в лодке и отдохнуть посреди бушующего моря. Это казалось каким-то чудом: вокруг меня ревели и вздымались волны выше крыши вот этого дома; их верхушки, сталкиваясь, закрывали хмурое небо, которое раздирали непрерывные вспышки молнии, а гром грохотал так, что заглушал рев моря. И не только над головой и вокруг меня творилось такое, что страшно было посмотреть, но и подо мной не лучше. В лодке была дыра шириной в ладонь как раз у меня под ногами, и сквозь эту дыру я смотрела на дно и видела там...

— Сударыня! — воскликнул капитан Бэрд, и его рука, державшая трубку, упала на колени, и тотчас руки остальных трех моряков, державшие трубки, упали на колени.

— Конечно, вам это может показаться странным, — продолжала вдова, — но я знаю, что в прозрачной воде можно видеть все!

А вода подо мной была прозрачная, и дыра была настолько

велика, что я могла все видеть, и прямо подо мной плавали акулы, и рыба-меч, и другие морские чудовища, которых я раньше никогда не видела. Всех их, конечно, загнал в залив разыгравшийся шторм. При мысли о том, что эти чудовища могут опрокинуть лодку и я попаду к ним в пасть, кровь стыла в моих жилах, я невольно начала вертеть рулем и в ту же минуту врезалась в стену бушующего моря, вздымавшегося надо мной. Меня сразу ослепило и оглушило, но я, недолго думая, опять вынула пробку из жестянки, и — можете ли поверить? — снова вокруг меня образовался гладкий, прозрачный пруд. Я спокойно сидела в лодке, тяжело дыша и обмахивая лицо соломенной шляпой, так как изрядно нагрелась. Потом я подумала о том, сколько времени мне потребуется, чтобы сделать длинную цепь таких прудов, пока я доберусь до берега, и хватит ли у меня для этого керосину. Если вылитый в море стакан керосина делает гладкой площадь с этот двор, то для того чтобы сделать гладкими две мили, отделявшие меня от берега, мне нужна была не одна жестянка. И какой смысл плыть на другой берег, если я явлюсь к золовке без керосина? Пока я так размышляла, случилось несчастье. Я забыла заткнуть пробкой жестянку: она опрокинулась, и когда я бросилась к ней, керосин уже вытек до последней капли. Его впитали опилки, которыми было усыпано дно лодки. Сердце мое упало. Глядя вокруг безумным взглядом, как это бывает с людьми, когда они чем-нибудь огорошены, я заметила, что гладкое пространство становится все меньше и меньше, так как керосин постепенно улетучивался. Первый гладкий пруд, который я оставила позади, скрылся уже под высокими волнами, и страшная бушующая пучина постепенно замыкалась вокруг меня. Бросив в отчаянии взгляд вокруг, я случайно увидела дыру у себя под ногами, и сразу на сердце у меня отлегло; под лодкой было совершенно тихо и спокойно, а песок казался таким же гладким и твердым, как на берегу. В голове у меня внезапно мелькнула мысль, что морское дно послужит мне единственным выходом из того ужасного положения. Я решила наполнить жестянку воздухом, спуститься с ней на дно и по дну бежать к берегу. Когда мне не будет хватать воздуха под водой, я хвачу его из жестянки и побегу дальше, потом опять хвачу воздуху — и опять побегу, и так все время, пока не выберусь на берег. Конечно, под водой плавали акулы и другие морские чудовища, но сейчас все они были напуганы насмерть и, наверное, забыли хоть на время, что человек их заклятый враг. Как бы то ни было, но я решила, что лучше выбраться на берег по тихому, спокойному дну, чем сидеть в лодке и ждать, пока тебя поглотят бушующие волны. Я надула полную жестянку воздухом, закупирила ее пробкой, потом оторвала несколько досок со дна лодки, чтобы можно было пролезть в дыру, — и вы, моряки, не должны так уж надо мной смеяться, когда я это говорю: вы знаете, что водолазный колокол совсем без дна, а между тем вода никогда в него не проникает. И когда я увидела, что уже можно пролезть в дыру, я взяла подмышку жестянку и уже хотела было нырнуть под лодку, как вдруг на песчаном дне разглядела страшную черепаху. Должна вам сказать, что акула, рыба-меч и морской змей могут испугаться и забыть о своем заклятом враге, но я никогда

не могу поверить, чтобы серая черепаха, величиной с телегу, с длинной черной шеей и желтыми мешками по обе стороны пасти, могла что-нибудь забыть. Скорей я полезу в ванну с живыми раками, чем в воду, где сидит черепаха. Нечего было и думать об этом, и я сразу отказалась от своего плана и больше уже не смотрела в дыру на дне лодки.

— И что же вы сделали, сударыня? — спросил капитан Бэрд, смотреший на нее с каменным лицом.

— Я вспомнила об электричестве, — сказала вдова Дэккет. — И, пожалуйста, не смотрите на меня так, как будто вы удивлены. Да, я воспользовалась электричеством. Когда я была еще молодой девушкой и навещала своих друзей, живших в городе, мы часто забавлялись тем, что терли подошвы о ковер, пока не заряжались электричеством. Достаточно было поднести палец к газовому рожку в комнате, и газ тотчас вспыхивал. И вот я подумала, что, поскольку я могла заряжать себя электричеством, чтобы зажечь газ, то можно сделать это и сейчас, и я медленно принялась за работу. Я встала на одно из сидений, которое было совсем сухое, и с такой силой и быстротой начала тереть по нему ногами, что скоро мои ноги стали как огонь, и я начала заряжаться электричеством. Почувствовав, наконец, что я заряжена с ног до головы, я прыгнула в воду и быстро доплыла до берега. Потонуть я никак не могла — я ведь была насквозь заряжена электричеством.

Капитан Бэрд тяжело вздохнул и встал. Вслед за ним встали и его товарищи.

— Сударыня, — сказал капитан Бэрд, — сколько вам следует за ужин и за прочее удовольствие?

— Ужин — двадцать пять центов с человека, — сказала вдова Дэккет, — а прочее удовольствие бесплатно.

Тотчас каждый моряк полез в карман, достал серебряную монету в двадцать пять центов и протянул вдове. Затем, пожелав спокойной ночи, все четверо направились к воротам.

— Садитесь впереди, капитан Дженкинсон, — сказал капитан Бэрд, — а вы, капитан Бэррис, напротив него сзади. Вы можете занять место на носу, капитан Сандерсон, и править парусами. А я сяду сзади.

Когда все было готово, пожилые моряки один за другим взобрались на телегу и уже намеревались взять курс на Коппертаун.

И вдруг капитан Дженкинсон попросил задержаться на минуту, спустился на землю и направился к крыльцу, где стояли вдова и Дорка.

— Сударыня, — сказал он, — я вернулся, чтобы спросить вас, что случилось с мужем вашей золовки, которая не могла выставить свет в окне?

— Шторм выбросил его лодку на берег с нашей стороны, — сказала вдова. — Утром он зашел ко мне, и я рассказала ему о своем приключении. Но когда он в моей лодке отправился домой и рассказал об этом жене, то она тотчас уложила вещи в чемодан и уехала а Запад, бросив его. Так ему и надо!

— Благодарю вас, сударыня! — сказал капитан Дженкинсон и, выйдя за ворота, взобрался на телегу.

Лошадь тронула, и телега загромыкала по дороге на Копертаун.

Когда моряки скрылись из виду, вдова Дэккет, все еще стоявшая на пороге, повернулась к Дорке.

— Подумать только! — воскликнула она с негодованием. — Нести такую чушь в моем собственном доме! И это после того, как я открыла для них банку персиков, которую берегла для гостей!

— Да, в вашем собственном доме! — воскликнула Дорка. — И ни одного персика не осталось в банке!

Подбросив четыре монеты на ладони, вдова сунула их в карман.

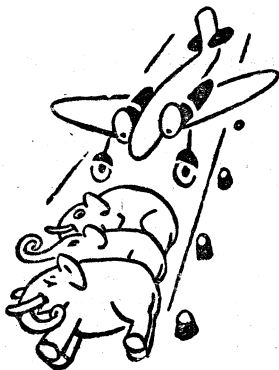
— Но, во всяком случае, Дорка, — сказала она, — мы смело можем теперь сказать, что отплатили им той же монетой. Теперь спокойно займемся мытьем посуды!

— Да, — сказала Дорка, — мы им отплатили их же монетой!

САМОЛЕТЫ НЕ ПРИЗЕМЛЯЛИСЬ...

Недавно аэродром Могамбари (Индия) в течение нескольких часов не принимал и не отправлял самолеты. Погода была отличная, но... на взлетной полосе, залитой солнцем, расположились гости из джунглей — стадо диких слонов. С большим трудом, применив мощные брандспойты и другие не очень деликатные средства, гостей удалось спровести.

НЕ ОБЕЗЬЯННИЧАЙ!

В джунглях близ Хартума живут многочисленные стаи обезьян. Отсюда их поставляют чуть ли ни во все зоопарки мира. Причем для отлова обезьян местные охотники много усилий не затрачивают: нужны только... бидон пива и десяток кружек.

Вот как происходит такая охота. Расположившись где-нибудь на полянке в лесу на виду у обезьян, охотники делают по нескольку глотков пива и, оставив бидон и кружки, прячутся в кустах. Обезьяны немедленно соскакивают с деревьев. Начинается пиршество...

А результат всегда один: напившись мертвецки, они засыпают тут же — бери и носи куда хочешь...

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

КОГДА ПОДВОДИТ ЗРЕНИЕ

Зайца называют косым — это не совсем точно. Глаза у него устроены так, что, спасаясь от преследователя, заяц все время следит за ним — смотрит назад. А скачет вперед и — ничего не поделаешь — попадает иногда в лапы другого хищника, того, который оказывается впереди...

Рисунки Г. КОВАНОВА

ЛЕЧЕНИЕ ОЗЕРА

Обитателям одного из небольших озер Швеции грозила гибель — они задыхались от недостатка кислорода. Тогда в озеро погрузили пятисотметровый шланг со множеством боковых отростков и подали очищенный воздух. После трех недель лечения содержание кислорода в воде поднялось до 57 процентов. Озеро ожило.

На 2-й странице обложки: Иллюстрация художника А. Гусева к документальной повести В. Саксонова «Тайна пятого океана».

На 4-й странице обложки: Укромные Иртыша. Фото А. Гостева с выставки «Семилетка в действии».

В следующем номере читайте главы из приключенческой повести Н. Коротева «Когда в беде по грудь».

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 4-10.
А109203. Подп. к печ. 4/VIII 1964 г. Бумага 84×108^{1/2}. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1268.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.